

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаулский юридический институт МВД России

**СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ**

Материалы международной научно-практической конференции

Барнаул 2023

ББК 67.408я43+67.51я43

С 341

С 341 Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – 123 с.

ISBN 978-5-94552-536-8

Редакционная коллегия:

Анохин Ю.В., д.ю.н., профессор (председатель),
Ботвин И.В., к.ю.н., доцент (зам. председателя),
Брагина А.Г., к.ю.н.,
Ермакова О.В., к.ю.н., доцент,
Шаганова О.М., к.ю.н.,
Федоров А.Ф., к.п.н., доцент,
Малетина М.А., к.ю.н. (ответственный секретарь).

В сборнике содержатся материалы докладов и выступлений участников международной научно-практической конференции «Сибирский юридический форум». В материалах конференции освещаются проблемные вопросы уголовно-правовой и криминологической науки, определяются тенденции и перспективы развития. Представленные труды теоретиков и практиков будут полезны в деятельности правоохранительных органов, в том числе участковых уполномоченных полиции.

ISBN 978-5-94552-536-8

© Барнаульский юридический институт МВД России, 2023

**ВЕДУЩИЕ УЧЕНЫЕ
БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**

**Абызов
Равиль Михайлович**

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

Равиль Михайлович Абызов родился 12 октября 1946 года в г. Барнауле Алтайского края.

С 1965 по 1968 г. был призван в ряды Советской Армии и направлен для прохождения службы в Среднеазиатский пограничный округ.

В 1970 г. Равиль Михайлович поступает в Волгоградскую Высшую следственную школу МВД СССР, которую в 1974 г. заканчивает с отличием. Именно в это время, как отмечает он сам, произошло его приобщение к студенческой науке. Равиль Михайлович с теплотой вспоминает эти годы:

«Моим первым наставником стал преподаватель кафедры теории государства и права Н.Н. Вопленко, который сегодня является доктором юридических наук, профессором. Помню свои первые научные студенческие конференции с выездом в другие города – тогда ещё в Ленинград, Самару. На одной из конференций в Самаре я познакомился с О.В. Старковым, в то время студентом 4-го курса университета, который впоследствии стал видным учёным-криминологом, доктором юридических наук, профессором».

После окончания Волгоградской Высшей следственной школы МВД СССР Равиль Михайлович был назначен на должность следователя СО Ленинского РОВД по г. Барнаулу, однако, проработав несколько лет, понял, что зёрна познания, посеянные в душе первым наставником, дали о себе знать.

«Однажды, увидев в журнале “Советская милиция” объявление о наборе в очную адъюнктуру Академии МВД СССР, я собрал необходимые документы и отправил их в Москву. В конце августа мне пришёл вызов с приглашением на вступительные экзамены. Приехав в Москву, я успешно справился со всеми испытаниями. Здесь надо отдельно упомянуть об одном замечательном человеке, который сыграл в моей судьбе значимую роль. Речь идёт о Г.А. Аванесове, уже тогда докторе юридических наук, профессоре, начальнике кафедры криминологии Академии МВД СССР. Дело в том, что я приехал поступать на кафедру предварительного расследования, соответственно, и готовился в основном по криминалистике и уголовному процессу. Однако в отделе адъюнктуры меня предупредили, что на эту кафедру поступают три москвича и два кандидата с периферии, а мест всего два. Дали понять, что шансов у меня нет никаких, и предложили попробовать поступить в адъюнктуру по другой кафедре. Выхожу озадаченным из кабинета начальника адъюнктуры, а напротив дверь с табличкой “Кафедра криминологии”, начальник – д.ю.н., профессор Г.А. Аванесов. Как сейчас помню, что-то подтолкнуло меня к этой двери, и я постучал в неё. Войдя в кабинет, увидел сидящего за столом в форме полковника внутренней службы. Наша беседа заняла около 20 минут, после чего он разрешил мне сдавать вступительный экзамен по его кафедре – криминологии, передав мне список из 10 книг, которые я должен был изучить, а до начала экзамена оставалось 10 дней.

Я успешно сдал экзамены и поступил в адъюнктуру в 1976 г. Моим научным руководителем назначили тогда еще кандидата юридических наук, профессора Ю.М. Антоняна – человека, которым я не перестаю восхищаться до настоящего времени. Кстати, в этом году 29 июня ему исполняется 90 лет, а он по-прежнему творчески активен, постоянно публикует книги и проводит во ВНИИ МВД России теоретические семинары по проблемам криминологии, в которых я тоже принимаю участие. Именно по его совету я взялся писать диссертацию на тему “Индивидуальное прогнозирование и предупреждение преступного поведения несовершеннолетних”. В то время не все криминологи, социологи и психологи допускали возможность такого прогнозирования. Тем не менее работа была подготовлена и успешно защищена в диссертационном совете Академии МВД СССР в 1980 г.

Вот так, на протяжении почти уже полувека, криминология для меня остается всем: и наукой, и любимой работой, и коллективом друзей-коллег по общему цеху».

В 1979 г. после окончания адъюнктуры Равиль Михайлович продолжил службу в Ташкентской высшей школе МВД СССР. В период жизни в Узбекистане личный состав школы милиции неоднократно выезжал в командировки: в Москву (1980 г. – Олимпийские игры), в Нагорный Карабах, Андижан, Фергану (1989-1991 гг.) – для обеспечения общественного порядка и безопасности граждан.

В 1998 г. Равиль Михайлович защитил докторскую диссертацию по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право в Юридическом институте МВД России.

С 1999 по 2002 г. проходил службу в Барнаульском юридическом институте МВД России на должностях заместителя начальника института по научной, позже – учебной работе. После выхода на пенсию в 2002 г. работал в Алтайской академии экономики и права деканом юридического факультета, заведующим кафедрой уголовного права и криминологии, профессором той же кафедры.

С 2003 г. Р.М. Абызов активно участвовал в работе Диссертационного совета, созданного на базе Омской академии МВД России.

С 1 марта 2012 г. работал в должности профессора кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

Равиль Михайлович являлся председателем Алтайского отделения Общероссийской Криминологической ассоциации, независимым экспертом Министерства юстиции РФ, председателем Общественной палаты г. Барнаула, членом Квалификационной коллегии судей Алтайского края.

Р.М. Абызов неоднократно принимал участие в разработке региональных программ борьбы с преступностью (2003 г.), в экспертизе законопроектов как федерального (2005 г.), так и регионального (2003, 2006, 2008, 2010, 2012 гг.) значения; являлся автором-разработчиком Президентского гранта (2006 г.) по проблеме «Противодействие молодежному экстремизму».

Внесен в энциклопедический словарь биографий «Видные ученые-юристы России» (вторая половина XX века), изданный Российской Академией правосудия.

Состоявшись как успешный ученый-криминолог, Равиль Михайлович размышляет о том, что представляет собой наука криминология в настоящее время:

«Сегодня криминология стоит на перепутье, в состоянии определённого кризиса. Обусловлено это различными причинами, среди которых можно обозначить как внутренние, так и внешние обстоятельства.»

К внутренним, на мой взгляд, следует отнести: 1) излишнюю теоретизированность и невостребованность её прикладного характера; 2) криминология не добились реализации внедрения криминологической экспертизы в законотворческую деятельность; 3) уменьшилось количество защит диссертаций по криминологии, а также публикаций по данной тематике; 4) ни одна из отечественных криминологических организаций не входит в международную ассоциацию криминологов, практически прекратила свою деятельность и Рос-

сийская криминологическая ассоциация, бессменным Президентом которой была А.И. Долгова.

К внешним же обстоятельствам следует отнести: а) длительное время существующий негласный запрет на исследования определённой проблематики (например, элитарной преступности, криминогенных патологий политической системы и т.п.); б) заниженный статус криминологии как учебной дисциплины; в) криминология лишилась устойчивого социального заказа на разработку проблем социальной профилактики и предупреждения преступности; г) статистика и учёт преступлений не выдерживают никакой критики, удовлетворяя частные интересы.

Организационные предпосылки и тенденции в развитии и обновлении криминологии мне видятся в следующем: необходимо усилить интегративное и междисциплинарное взаимодействие криминологии с другими науками и отраслями знаний; осуществить реальное внедрение криминологической экспертизы в законотворческую деятельность; требуется обновление и усиление служебной роли криминологии в целях расширения круга «потребителей» криминологических знаний за счёт лиц, влияющих реально на процессы принятия решений; криминологию необходимо включить в профессиональную компетенцию политиков, экономистов, социологов, организаторов-управленцев различного уровня; криминология должна не только вскрывать язвы современного общества, но и быть организатором научных исследований в сфере борьбы с преступностью».

Кроме того, как отмечает Равиль Михайлович, в эпоху глобальных цифровых перемен с точки зрения криминологии информационные технологии в качестве негативных последствий влекут за собой: цифровое и информационное неравенство, т.е. ограничение возможностей социальной группы из-за отсутствия у нее доступа к современным средствам коммуникации; информационная экономика подключает к своей сети только тех, кто представляет для нее ценность, но отключает тех, кто ей не интересен; цифровое будущее спровоцирует возникновение «новых бедных», многим из которых будет грозить технологическая безработица, соответственно, усилится социальное расслоение общества и вырастет преступность; миграция сохранит высокие темпы в течение следующих двух десятилетий, что обусловит рост негативных тенденций с вовлечением определённой её части в криминальную террористическую среду.

Стратегический подход в использовании новейших технологий цифрового мира в предупреждении преступлений будет строиться на достижениях: искусственного интеллекта, больших данных и квантовой криптографии для предупреждения финансовых мошенничеств; глобальной навигационной системе и электронной слежке в целях предотвращения актов экстремизма и терроризма; программы распознавания лиц на базе нейронных сетей; новых технологиях прогнозирования преступного поведения.

Следует отметить, что Равиль Михайлович активно занимается научной деятельностью и в настоящее время. Всего им подготовлено и опубликовано около 200 научных и учебно-методических работ, среди которых свыше 20 книг, монографий, учебников по проблемам борьбы с молодёжной преступностью, незаконным оборотом и контрабандой наркотиков и оружия, организованной преступностью и коррупцией. Большое внимание он уделяет и молодым ученым. Под его руководством защитилось 15 кандидатов юридических наук. Тем, кто занимается исследовательской деятельностью в области криминологии, Равиль Михайлович советует «прежде всего, обратить внимание на усиление связи криминологии и уголовного права. Следует оживить и активизировать исследования в следующих областях: влияние криминологических знаний на изменение уголовно-правовой доктрины; взаимосвязь качества уголовного закона с эффективностью противодействия преступности; разработка идеологии и парадигмы борьбы с преступностью в современный период; криминологический анализ социальных перемен в обществе; границы преступности, установленные уголовным законом; мониторинг состояния и функций криминологии; взаимосвязь криминологии с культурой, уголовной политикой и социальным контролем над преступностью; отечественная криминология в постмодернистском понимании; состояние и структура криминологического сознания и мышления личности в предпреступном и преступном поведении (сравнительный анализ); коррупция как системообразующий фактор сращивания частного бизнеса и государственного управления; олигархия как опасная разновидность теневой экономики; коммерциализация общественной жизни; негативная динамика бедности и маргинальности во взаимосвязи с преступным поведением; деятельности псевдорелигиозных тоталитарных сект и др.».

За добросовестное выполнение служебных обязанностей, задач повышенной сложности за долгие годы службы в пограничных войсках и МВД СССР (РФ) Р.М. Абызов награжден 13 медалями, среди которых «За безупречную службу» 1, 2, 3-й степени; «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд». Имеет поощрения от высшего руководства Министерства внутренних дел СССР, Российской Федерации, Узбекистана и Таджикистана, губернатора и председателя Законодательного собрания Алтайского края, ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Равиль Михайлович женат, отец троих детей – все офицеры МВД России и научные работники.

КОНТРОЛЬ СВОИХ ВЕЩЕЙ ПОТЕРПЕВШИМ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК «КАРМАННЫХ» КРАЖ

И.А. Белецкий,

кандидат юридических наук

Омская академия МВД России

До 24 мая 2016 г. одним из критериев, позволяющих оценивать хищение чужого имущества из сумки, одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем (далее – карманная кража), по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, являлось наличие контроля своих вещей со стороны потерпевшего.

«При потерпевшем» означает, что одежда, сумка либо другая ручная кладь, откуда происходит изъятие чужого имущества, должны находиться настолько близко к потерпевшему, что последний имеет реальную возможность контролировать их наличие и сохранность, и при достаточной внимательности он в состоянии обнаружить действия похитителя и создать препятствия для совершения хищения. При утрате контроля со стороны потерпевшего за указанными предметами отсутствует и данный квалифицирующий признак кражи [2, с. 127].

По одному из дел суд согласился с мнением государственного обвинителя об исключении из обвинения подсудимого Н. пункта «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ – совершение кражи из одежды (из левого внутреннего кармана), находившейся при потерпевшем, т.к. потерпевший в момент кражи спал и не мог **контролировать** свое имущество [6].

Можно предположить, что особая дерзость и профессионализм преступника, совершающего кражу чужого имущества у потерпевшего, который имеет возможность контролировать свои вещи, обуславливала повышенную уголовную ответственность за этот вид краж. Хищение имущества хотя бы и из одежды, но спящего человека не позволяло оценивать действия виновного как квалифицированную кражу.

24 мая 2016 г. в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» внесён пункт 23.1, согласно которому состояние потерпевшего (сон, опьянение), при котором, по сути, он не имеет контроля над содержимым его одежды или сумки, не исключает квалификации кражи по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Внесенное дополнение между тем не сняло проблем квалификации карманных краж. Как в литературе, так и в судебной практике суды продолжают устанавливать возможность контроля своих вещей со стороны потерпевшего.

По смыслу закона сумка или ручная кладь должны находиться при потерпевшем, в зоне его видимости, контроля [7, с. 305].

По одному из дел 2016 г. суд установил, что подсудимая воспользовалась тем, что С. была увлечена выбором товара и не наблюдала за своей коляской, на ручке которой висела её кожаная сумка, подошла к данной детской коляске, находившейся в непосредственной близости от потерпевшей, убедилась, что за её преступными действиями никто не наблюдает, прикрыла коляску ранее взятой в магазине детской одеждой и совершила хищение имущества из сумки. Действия подсудимой квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ [4].

В другом деле 2017 г. судом апелляционной инстанции установлено, что К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, тайно похитил из левого нагрудного кармана куртки, надетой на спящем в помещении летней кухни М.А.М., принадлежащие последнему денежные средства. Суд посчитал не имеющим значение состояние сна потерпевшего (очевидно, при котором никакого контроля за содержимым карманов нет) и квалифицировал действия К. по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ [1].

По другому делу в 2020 г. суд установил, что потерпевшая в момент совершения преступления дремала, а ее сумка находилась рядом – стояла на лавочке, – и пришёл к выводу о том, что на стадии следствия излишне был вменен квалифицирующий признак в момент совершения хищения чужого имущества «из сумки, находившейся при потерпевшей». Поскольку данный квалифицирующий признак предполагает, что имущество, принадлежащее потерпевшему, должно находиться около (у, близ, возле) потерпевшего, рядом с ним, на нем и в его физическом обладании.

Суд указал, что «при потерпевшем» означает, что одежда, сумка или другая ручная кладь,

откуда происходит изъятие чужого имущества, должны находиться настолько близко от потерпевшего, чтобы он (она) имел реальную возможность контролировать их наличие и сохранность. При утрате контроля со стороны потерпевшего за указанными предметами отсутствует и данный квалифицирующий признак (например, потерпевший находится в состоянии сильного алкогольного опьянения, в бессознательном состоянии и т.п.) [5].

Ещё в одном деле 2020 г. установлено, что кражу фотоаппарата Б., находившийся в автомобиле, совершил из сумки, которая лежала на заднем сиденье автомобиля, в то время как потерпевший управлял автомобилем, т.е. контроль со стороны потерпевшего за сумкой, из которой было совершено хищение фотоаппарата, факти-

чески был утрачен, а потому квалифицирующий признак кражи «совершенной из другой ручной клади, находившейся при потерпевшем» в данном случае отсутствует [3].

Таким образом, необходимо по-разному оценивать наличие контроля над вещами для целей применения комментируемого квалифицирующего признака кражи – если вещь находится на потерпевшем (т.е. надета на него), возможность контролировать ее не влияет на квалификацию хищения как карманной кражи; если же вещь находится «при потерпевшем», т.е. в непосредственной близости от него, то отсутствие возможности контролировать ее исключает квалификацию кражи по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Литература

1. Апелляционный приговор Брянского областного суда от 11.05.2017 по делу № 22-774/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mJMEtsZjMerr/> (дата обращения: 21.03.2022).
2. Карпова Н.А. Ошибки при квалификации кражи, совершенной из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Современное право. 2015. № 7. С. 126-129.
3. Приговор Засвияжского районного суда города Ульяновска от 04.02.2020 по делу № 1-72/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QHD4Ej0Bvc6J> (дата обращения: 21.03.2022).
4. Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 19.07.2016 по делу № 1-136/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kedGaMw0wz1l/> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Приговор Сутулинского городского суда Московской области от 06.02.2020 по делу № 1-30/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RAxH3QfK9v64/> (дата обращения: 21.03.2022).
6. Приговор Центрального районного суда города Читы от 19.04.2016 по делу № 1-370/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0aZ2SS00eLWJ/> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Уголовное право России. Особенная часть: в 2 т. Т. 1. Преступления против личности. Преступления в сфере экономики: учебник / под ред. О.С. Капинус; под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 556 с.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СТ. 274.2 УК РФ

И.В. Ботвин,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Анализ современных тенденций уголовной политики в области противодействия преступлениям, возникающим в условиях цифровизации и гаджетизации, а также внешнеполитической нестабильности, показывает стремление законодателя уделить внимание нормам, которые имеют большой общественный резонанс,

находящаяся на повестке дня научной и политической общественности или имеют широкую распространённость на территории страны [2, с. 168-169]. На фоне назревшей необходимости защиты персональных данных в информационном пространстве, обеспечения компьютерной безопасности, предотвращения последствий по-

добных вмешательств граждане ждут правовой защиты, в т.ч. от преступных посягательств [3, с. 102-108].

Не стали исключением и последние изменения в гл. 28 УК РФ, которые внесены Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В уголовный закон была включена новая статья 274.2 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования.

Статья 274.2 УК РФ еще не имеет практики применения, однако уже сегодня можно говорить о некоторых проблемах, с которыми столкнется правоприменитель при квалификации деяний, входящих в круг ее действия.

Следует начать с того, что ст. 274.2 УК РФ содержит административную преюдицию, причем уголовная ответственность по данной статье наступает за повторное совершение сразу двух административных правонарушений – «Нарушение требований законодательства к установке технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования либо технических средств контроля за соблюдением операторами связи, собственниками или иными владельцами технологических сетей связи требований законодательства, предусматривающих ограничение доступа к информации» (ст. 13.42 КоАП РФ) и «Нарушение требований к пропуску трафика через технические средства противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования» (ст. 13.42.1 КоАП РФ).

При этом конструкция данных норм позволяет привлечь к ответственности должностное лицо или индивидуального предпринимателя, подвергнутого административному наказанию по ч. 2 соответствующей статьи КоАП РФ, которая предусматривает повторное совершение административного правонарушения по ч. 1 соответствующей статьи КоАП РФ. Таким образом, чтобы привлечь виновного к уголовной ответ-

ственности, последний должен в третий раз совершить административное правонарушение, что само по себе вызывает серьезные трудности у сотрудников, уполномоченных пресекать, выявлять и документировать данные факты.

Любопытным представляется тот факт, что с введением ст. 274.2 и примечания к ней в УК РФ коренным образом изменился подход законодателя к понятию «должностное лицо», поскольку теперь в законе содержится два примечания, раскрывающих данную дефиницию. Более того, признаки, закрепленные в примечании к ст. 274.2 УК РФ, совпадают с признаками лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ).

Неоправданная уникальность ст. 274.2 УК РФ, безусловно, вызовет существенные трудности в определении признаков состава преступления, в частности в определении объекта и объективной стороны преступления. Следует также отметить, что предложенная законодателем в УК РФ дефиниция имеет существенные отличия от определения должностного лица, которое содержится в искомом кодексе. В частности, должностным лицом в ст. 13.42 КоАП РФ признается лицо, наделенное управленческими, организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями в коммерческой или иной организации, оказывающей услуги связи, а в ст. 274.2 УК РФ – лицо, наделенное управленческими, организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями в коммерческой или иной организации. Другими словами, нормативные предписания различной отраслевой принадлежности существенно противоречат друг другу, что признается недопустимым [1, с. 76-92].

Следует также отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в своем новом постановлении от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» не разъяснил правоприменителю, как и какие деяния следует квалифицировать по ст. 274.2 УК РФ, хотя постановление появилось на полгода позже.

Представляется, что устранением таких серьезных противоречий может послужить своевременное изменение редакции новой ст. 274.2 УК РФ (если не ее полное исключение ввиду отсутствия должной общественной опасности),

причем до тех пор, пока не появилась искаженная судебная практика по данной категории дел.

Избежать некоторых проблем позволит также исключение из диспозиции ст. 274.2 УК РФ указание на признаки специального субъекта преступления – «совершенные должностным лицом или индивидуальным предпринимате-

лем», поскольку признаки субъекта вытекают из административного законодательства и Общих начал уголовного закона. В таком случае в примечании к ст. 274.2 УК РФ не будет необходимости, и оно также должно быть подвергнуто исключению.

Литература

1. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // *Lex Russica*. 2015. Т. 107. № 10. С. 76-92.

2. Ботвин И.В. Тенденции уголовной политики по противодействию новым преступным посягательствам // *Правосудие на современном этапе. Новые вызовы времени: сб. мат-лов национальной науч.-практ. конф-ции* (Чита, 21 сентября 2022 г.). Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2022. С. 168-169.

3. Ульянов М.В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2022. № 4 (35). С. 102-108.

ОРГАНИЗАЦИЯ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

С.С. Гура

Волгоградская академия МВД России

Массовые беспорядки оказывают негативное влияние на общественную безопасность, подрывая защищенность общественных отношений в различных сферах. Они представляют собой крайнюю форму проявления социальных взаимоотношений [1, с. 139-143]. Уголовное законодательство не разъясняет содержание понятия «массовые беспорядки», а лишь предусматривает ответственность за их организацию, сопровождающуюся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти (ст. 212 УК РФ). По мнению А.П. Козлова, массовые беспорядки – это специфичное групповое формирование, которое может включать весь спектр форм соучастия [4, с. 351].

Участником рассматриваемого преступления является неорганизованная толпа (т.е. неустойчивая группа лиц, объединенная без предварительного соглашения), которая становится «хозяином положения» [8, с. 42]. Вследствие чего в доктрине уголовного права организацию

массовых беспорядков признают разновидностью соисполнительства [7, с. 497]. Однако толпа не обладает ролевой структурой, она стихийно объединяет участников эмоциональными факторами, которые затрагивают интересы различных людей.

Анализ применения ст. 212 УК РФ позволяет сделать вывод, что в большей степени массовые беспорядки организуются в исправительных колониях Федеральной службы исполнения наказания России. В целях ослабления условий отбывания наказания организаторам удавалось совершить массовые беспорядки, поскольку большая часть осужденных отрицательно настроены к условиям режима отбывания наказания и установленным правилам внутреннего распорядка. Несмотря на то, что участниками группового формирования являются случайные люди, сама организация массовых беспорядков происходит вне действий толпы. Она представляет собой сложную деятельность одного или нескольких лиц, которая состоит в планировании посягательства и распределении ролей между уведомленными участниками, а также созыве людей и распространении информации между ними.

Так, как указано в приговоре Абаканского городского суда Республики Хакасия, реализуя свой совместный преступный умысел на организацию массовых беспорядков в исправительном учреждении УФСИН России, лица *разработали план совершения преступления и распределили роли каждого*. Один из участников, действуя согласно отведенной ему роли, находясь в помещении отряда № 5, скрытно сообщил отрицательно настроенным осужденным из отряда № 2 о намерении организовать на территории ИК-35 УФСИН России массовые беспорядки среди заключенных, сопровождающиеся погромами, поджогами, уничтожением имущества исправительного учреждения, в целях дестабилизации установленного порядка отбывания наказания. Основной целью организации данного общественно опасного деяния являлось оказание давления на руководство ИК-35 и УФСИН России по Республике Хакасия [6].

Наибольший интерес вызывает позиция А.М. Миньковой, предлагающей исключить применение норм о соучастии при квалификации преступлений, совершенных в толпе (ст. 212 УК РФ). Автор отмечает отсутствие совместности действий, направленных на достижение единого преступного результата, и их согласованности [5, с. 80]. Однако анализ правоприменительной практики в части квалификации преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ, указывает на наличие совместной, спланированной и согласованной деятельности организатора(ов) и осведомленных участников. Наличие организатора (руководителя) и нескольких осведомленных лиц, выполняющих указания организатора, подтверждает организационный характер совершения массовых беспорядков. Стихийность и непредсказуемость действий массовых беспорядков не свидетельствуют о принадлежности к группе лиц без предварительного сговора, т.к. это сопутствующие последствия действий неосведомленной толпы, объединенной эмоциональным состоянием, а не конкретизированной преступной целью. Кроме того, организационный характер массовых беспорядков

подчеркивает и В.Г. Енгибарян. При интервьюировании и анкетировании работников правоохранительных органов Республики Армения на вопрос, кого из участников массовых беспорядков удается задерживать, автор получил следующие ответы: организаторов – 3%; активных участников – 65%; пособников – 10%; подстрекателей – 12%; случайных лиц, вовлеченных в толпу, – 0,8% [3, с. 412]. Наряду с этим А.М. Багмет отмечает, что для достижения своих преступных целей организованная группа может использовать различные способы, в т.ч. организацию массовых беспорядков [2, с. 36]. Особенностью данного группового формирования выступает наличие в его структуре большого скопления людей (толпы), объединенных эмоциональным состоянием и способствующих достижению преступного результата.

В уголовном законодательстве в настоящее время не установлена минимальная граница участвующих лиц для признания действий массовыми. Исследования судебной практики также позволяют сделать вывод об отсутствии фиксированного, установленного количества участников массовых беспорядков. Анализ доктрины уголовного права и практики применения уголовно-правовых норм свидетельствует о том, что зафиксировать точное количество участников массовых беспорядков невозможно. Оценочность количественного признака группового формирования позволяет признавать массовым то количество лиц, при котором совместные действия участников приводят к дестабилизации нормальной деятельности государства (приостановление деятельности организаций или срыв проводимых мероприятий, блокирование путей сообщения для передвижения людей и транспорта и т.д.).

Таким образом, организация массовых беспорядков характеризуется организационной деятельностью при наличии организатора (руководителя) и осведомленных лиц, однако не обладает конструктивным признаком организованной группы – устойчивостью.

Литература

1. Абызов Р.М., Фризен П.Д., Ботвин И.В. Проблемы комплексного анализа региональной преступности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 139-143.
2. Багмет А.М. Массовые беспорядки как способ достижения результата организованными преступными формированиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 36-38.
3. Енгибарян В.Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы (по материалам Республики Армения): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 422 с.

4. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
5. Минькова А.А. Соучастие в преступлении и деяния, примыкающие к соучастию (преступление с множественностью участников и прикосновенность к преступлению) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2 (21). С. 79-82.
6. Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия № 1-582/2017 от 31.07.2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2U9oo5mr3umv/> (дата обращения: 10.08.2021).
7. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Норма, 2008. 720 с.
8. Халилев Р.А. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 2. С. 42-49.

ПОНЯТИЕ «ПЫТКА» В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

О.В. Ермакова,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ в ряд статей Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) был введен квалифицирующий признак – с применением пытки. В частности, соответствующие нормы появились в гл. 30 и 31, регламентирующих преступления против государственной власти и правосудия.

Обозначенный способ совершения преступления уже закреплялся в составе истязания (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Однако этим же законом он был исключен из ст. 117 УК РФ.

Принятие данного закона последовало после нескольких событий. Так, осенью 2021 г. в сети Интернет правозащитниками российского общественного проекта Gulagu.net были размещены видеоматериалы, на которых запечатлены факты издевательства, сексуального насилия над заключенными со стороны сотрудников ОТБ-1 Управления ФСИН по Саратовской области. Также в октябре 2021 г. была опубликована серия видео о пытках заключенных в туберкулезной больнице ФСИН № 1 в г. Саратове и в ряде исправительных учреждений. Итогом выявленных фактов стало возбуждение 20 уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступные деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ст. 132, 286, 321, 293 УК РФ [3, с. 508-509]. Данные преступления и послужили основанием для представления в Государственную Думу РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Вместе с тем сформулированное законодателем новое определение пытки имеет кардинальные отличия от того, которое содержалось в примечании к ст. 117 УК РФ.

В частности, отличия заключаются в следующем:

1. В соответствии с примечанием 1 к ст. 286 УК РФ пытка может проявляться не только в действии, но и в бездействии. Такое расширение понятия пытки вызывает удивление, поскольку традиционное понимание превышения должностных полномочий однозначно воспринимается только как действия [2, с. 68].

2. Расширены также последствия от пытки. Если в соответствии с примечанием к ст. 117 УК РФ пытка причиняла физические или нравственные страдания, то в настоящее время может еще влечь и сильную боль. В этой части очевидно масштабное использование законодателем оценочных категорий, таких как «сильная боль», «страдания», не имеющих никаких критериев определения. Следует оценить подобную практику законотворческой деятельности с негативной стороны, поскольку причинение боли либо имеет место, либо нет, а градация ее по степени воздействия на сильную, среднюю, слабую в практической деятельности непригодна для установления.

3. Трансформации подверглась цель совершения пытки.

Буквальное толкование примечания 1 к ст. 286 УК РФ позволяет выделить следующие альтернативные виды целей:

- получение от потерпевшего или третьего лица определенных сведений или признаний;

- наказание за действия, совершенные им или третьим лицом;

- запугивание;

- принуждение.

Кроме того, в дефиницию включен альтернативный мотив – дискриминация любого характера.

В этой части необходимо отметить, что и в ранее действующем примечании к ст. 117 УК РФ цель включалась в качестве обязательного признака и отличалась открытым перечнем, поскольку использовалась формулировка – «либо в иных целях».

В примечании 1 к ст. 286 УК РФ цель и мотив сформулированы исчерпывающим образом. При этом большая часть альтернативных целей, для которых применяется пытка, связывается с принуждением к даче сведений. Соответственно, превышение с применением пытки при наличии целей принудить к даче показаний следует отграничивать от ст. 302 УК РФ. Полагаем, данные нормы соотносятся между собой как общая (ст. 286 УК РФ) и специальная (ст. 302 УК РФ). По правилам квалификации при конкуренции таких норм квалификации осуществляется по специальной норме.

Отметим, что данное в УК РФ определение пытки практически воспроизводит формулировку, закрепленную в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Разница заключается лишь в том, что в примечании 1 к ст. 286 УК РФ в отличие

от Конвенции на законодательном уровне не определены субъекты преступления.

Необходимо отметить, что в международном понимании субъектом рассматриваемого преступления, помимо государственного должностного лица, может быть и другое лицо, которое выступает в официальном качестве, либо любое другое лицо, действующее с ведома либо с согласия должностного лица [1, с. 13]. Поскольку понятие пытки не включило субъектный состав в число обязательных признаков, исходя из диспозиции ст. 286 УК РФ, субъектом должно выступать только должностное лицо. Таким образом, российское уголовное законодательство сужает круг субъектов данного преступления по сравнению с международным.

Еще одно отличие определения пытки, представленного в УК РФ и Конвенции, состоит в том, что УК РФ определяет пытку как в качестве действия, так и бездействия. В свою очередь, в Конвенции указывается только на действие. Российский законодатель, по всей видимости, сделал указание на бездействие для того, чтобы можно было привлечь к уголовной ответственности за соучастие и тех должностных лиц, которые непосредственно не пытали сами, а с их ведома или молчаливого согласия пытку осуществляли другие лица.

Без всяких сомнений, законодатель стремится привести уголовно-правовые нормы о применении пыток в соответствие с международными предписаниями. Однако, как показало проведенное исследование, в настоящее время международная правовая позиция в соответствующих нормах выражена лишь частично.

Литература

1. Аржиева Д.Р. Международное гуманитарное право о противодействии пыткам // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. Новосибирск, 2022.
2. Ермаков С.В., Ермакова О.В. Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 68-73.
3. Поляков А.А., Мишустина С.В. К вопросу об уголовно-правовой категории «пытка» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) / под общ. ред. Я.Б. Жолобова. СПб., 2022. С. 508-509.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

И.А. Журавлева,

кандидат юридических наук

*Омский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Современная Россия представляет собой государство, в основе функционирования которого находится Конституция. Соответственно, «если конституция – основной закон, определяющий государственность конкретного государства, систему его функционирования, нормативный правовой акт, то конституционализм можно рассматривать как способ реализации положений этой самой конституции» [2, с. 89]. Вместе с тем единого понятия, общепризнанного термина «конституционализм» до сих пор не существует, более того, выявлено, что «одноколенные слова “конституция” и “конституционализм” не равнозначны и наполнены разным смыслом» [3, с. 93].

Однако нами были определены концептуальные, «руководящие идеи конституционализма, те, которые определяют его замысел, функции как основные направления, назначения» [2, с. 89], что фактически позволило сформулировать (обозначить) его в качестве правового принципа. В данном случае – принципа уголовной политики РФ, где под понятием «принцип» мы будем понимать «основополагающее начало; основную идею». Следовательно, конституционализм как принцип – это строгое соблюдение норм конституции как таковой, следование признанным правовым идеалам конкретного государства, соблюдение институтов прав и обязанностей человека и гражданина, закрепленных в Основном Законе страны.

Анализируя проблематику современной уголовной политики, мы будем исходить из ее общепринятого понимания, в рамках которого она представляет собой деятельность государства по защите людей, граждан от преступных посягательств, а также систему средств и методов борьбы с преступностью [1, с. 166-168]. Другими словами, политика в целом – это направление и содержание деятельности государства (внешнее и внутреннее) в определенной области. Здесь мы находим «пересечение» с понятием «функции государства», которые представляют собой основные направления его деятельности.

Однако обратимся к идеям разработчика концепции уголовной политики Ф. фон Листа, который утверждал еще на рубеже XIX-XX вв., что «лучшая уголовная политика – это политика социальная» [5, с. 76], саму уголовную политику он определял как «систематическую совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, – оснований, соотносясь с которыми, государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [6, с. 7].

Таким образом, обобщив идеи классика, мы обращаемся к труду П.Н. Панченко, который актуально сформулировал, что, «являясь частью социально-правовой политики государства, уголовная политика заключается в системе руководящих идей, методов их реализации, деятельности государственных органов, направленных на борьбу с преступностью и устранение причин и условий, способствующих существованию преступности» [7, с. 94].

Конечно, изучая эволюцию проблематики, понятийного аппарата уголовной политики, можно добавить также предложение основоположника отечественной уголовной политики М.П. Чубинского, считавшего, что уголовная политика взаимосвязана с уголовной догматикой и уголовной этиологией, и в широком смысле они включаются в науку уголовного права [8]. Однако это не является ключевым вопросом исследования нашей статьи, поэтому, возвращаясь к анализу взаимосвязи конституционализма и уголовной политики, мы делаем акцент на правоприменительной практике в сфере противодействия преступлениям.

Исходя из тезиса Т.В. Кашаниной о том, что «принципы права – это абстрактно выраженные требования, определяющие правовую деятельность субъектов права» [4, с. 256], считаем, соответственно, что действия всех субъектов правоотношений в рамках закона, в рамках конституционных основ – конституционализма – закрепляют идею о том, что эти действия

осуществляются в смысловом поле понятия «принцип».

Таким образом, соблюдение конституционного законодательства по охране правопорядка, защите прав, в т.ч. имущественного характера,

защите от преступных посягательств, по сути своей, является реализацией принципа конституционализма, принципа современной уголовной политики России.

Литература

1. Ботвин И.В. Тенденции уголовной политики по борьбе с «новыми» угрозами // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции (Барнаул, 28-29 июня 2022 г.) / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022.
2. Журавлева И.А. Концептуальные характеристики принципа конституционализма // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 21-й междунар. науч.-практ. конф-ции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. Ч. 2.
3. Журавлева И.А. Идеи конституционализма в уголовном праве России // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф-ции. Омск: ОМА МВД России, 2022.
4. Кашанина Т.В. Структуры права. М., 2012.
5. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. Пер. с нем. М., 1903.
6. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004.
7. Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Томск, 1988.
8. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО СОРАЗМЕРНОСТИ С ТЯЖЕСТЬЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Р.К. Кабулов,

доктор юридических наук, профессор

Академия МВД Республики Узбекистан

В теории уголовно-правой науки, а также в правоприменительной практике важная роль отводится институту наказаний, в связи с тем, что указанный институт оказывает непосредственное влияние на реализацию фундаментальных принципов уголовно-правовой политики. Особое значение институт наказания имеет для правоприменительной практики, т.к. является одним из ключевых механизмов реализации принципа индивидуализации наказания. Именно поэтому малейшие разночтения или неточные легальные формулировки могут повлечь серьезные последствия в виде нарушения конституционных прав граждан, нарушения основных принципов уголовного права, несоблюдения главных целей уголовного права.

Перечень видов наказаний закрыт и предусмотрен в Общей части УК. Применение к виновному лицу любых других мер и способов

исправительного воздействия не допускается. Только конкретно предусмотренные в уголовном законе меры государственного принуждения могут служить законным инструментом для противодействия преступности. Такая конструкция системы наказаний обеспечивает реализацию прав и законных интересов личности.

Уголовный закон регламентирует не только перечень всех возможных видов наказаний, но и устанавливает обязательные для судов правила, порядок, условия и пределы назначения отдельных видов наказаний. Наличие такого строго соблюдаемого механизма в системе наказаний гарантирует единство и унификацию уголовной политики страны, не допуская субъективных разночтений [2, с. 29-33].

Институт наказаний представляется полноценной и слаженной системой. Основным признаком любой системы является способность к

регуляции процессов, происходящих внутри системы. Происходит такая регуляция за счет способности к обновлению и перераспределению. На основе проведенного нами анализа взаимосвязанных элементов системы наказания, которые обеспечивают эффективное исправительное воздействие на лиц, совершивших преступления, а также являются действующим инструментом предупреждения совершения новых преступлений, мы предполагаем, что система наказаний в настоящий момент близка к точке бифуркации.

В статье 43 действующего уголовного законодательства Республики Узбекистан предусмотрено десять видов наказания: одно дополнительное и девять основных. В качестве последних указаны: штраф, лишение определенного права, обязательные общественные работы, исправительные работы, ограничение по службе, ограничение свободы, направление в дисциплинарную часть, лишение свободы, пожизненное лишение свободы. К дополнительным отнесено лишение воинского или специального звания.

Действующая в настоящий момент в уголовном законодательстве система наказаний отражает основные принципы современного уголовного права, такие как законность, справедливость и гуманизм. Также, анализируя указанную систему, можно проследить следующие основные тенденции уголовно-правовой политики, направленной на борьбу с преступностью: усиление уголовно-правовых мер в борьбе с тяжкими и особо тяжкими (в особенности с насильственными) преступлениями и ограничение принудительных мер, связанных с лишением свободы, для менее опасных преступлений.

Таким образом, на основе анализа действующей системы наказаний нам представляется необходимым поиск новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, к лицам, совершившим менее опасные преступления. В этой связи полагаем расширить перечень видов наказания включением в его систему принудительных работ как альтернативы к лишению свободы за совершение небольшой тяжести или менее тяжкого либо за совершение тяжкого преступления впервые.

По мнению В.И. Рарога, «статья 53 УК Российской Федерации отражает сущность принудительных работ как самостоятельный вид наказания, который заключается в привлечении осужденного к труду без изоляции его от общества в местах, определяемых учреждениями или органами уголовно-исполнительной системы. При этом из заработной платы осужденного к

принудительным работам производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда» [4, с. 244-246]. Расширение перечня видов уголовного наказания, альтернативных к лишению свободы, по нашему мнению, непременно будет способствовать реализации принципа индивидуализации и дифференциации наказания.

К великому сожалению, в проекте новой редакции УК Республики Узбекистан 1994 г., разработанном комиссией при Генеральной прокуратуре страны, предусмотрено всего лишь восемь видов наказания. Такие виды наказания, как ограничение свободы и лишение определенного права, безосновательно исключены из системы наказания. Полагаем, что указанные виды наказания необходимо сохранить, т.к. в социальном плане они положительно зарекомендовали себя в стране. Осужденный к ограничению свободы отбывает наказание в присутствии родных, детей, родителей, что оказывает положительное воздействие на его исправление. В экономическом плане этот вид наказания позволяет сократить значительную часть расходов, затрачиваемых государством на содержание лиц, осужденных к лишению свободы.

Следующим важным фактором совершенствования системы наказания является определение его соразмерности с тяжестью совершенного преступления. Этот вопрос вызывает серьезную озабоченность. Поскольку как в действующем уголовном законе, так и в проекте новой редакции УК Республики Узбекистан 1994 г. соразмерность наказания не разрешена на должном уровне. На эту проблему обращает особое внимание Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в Постановлении «О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства» от 14 мая 2018 г. № ПП-3723, в котором в качестве одного из недостатков действующего уголовного законодательства указывает «...несоразмерность санкций за совершение отдельных видов преступлений характеру и степени общественной опасности деяний» [3].

В этой связи возрастает необходимость в систематизации санкций статей Особенной части УК с категорией преступления, предусмотренного в диспозиции. Отсутствие должной системы санкций в действующем УК обусловлена тем, что в процессе многократных обсуждений на разных уровнях при подготовке проекта УК в период 1993-1994 гг., а также внесением неоднократных изменений и дополнений в действу-

ющее уголовное законодательство изначальная структура была нарушена [1, с. 23].

Так, например, купля-продажа человека путем его похищения, совершенная повторно или опасным рецидивистом либо по предварительному сговору группой лиц, образует квалифицированный вид торговли людьми и подлежит квалификации только по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 135 УК, за которые, согласно санкции этой же статьи УК, предусмотрено лишение свободы от пяти до восьми лет. В то же время лишь за похищение человека по предварительному сговору группой лиц в соответствии с ч. 2 ст. 137 УК предусмотрено лишение свободы от пяти до десяти лет. В ходе сравнитель-

ного анализа санкций указанных статей УК становится очевидным, что наказание за торговлю людьми посредством похищения определено без учета уровня характера и степени общественной опасности такого деяния в сравнении с уровнем опасности только похищения человека. Рассматриваемая проблема еще более ярко проявляется в процессе сравнительного анализа санкции частей 3 ст. 135 и 137 УК. И таких примеров немало, что обуславливает необходимость вернуться к научно обоснованной теории системы санкций в уголовном законодательстве, тщательному анализу и внесению корректив в действующее уголовное законодательство.

Литература

1. Кабулов Р.К. Ретроспективный анализ уголовного законодательства независимого Узбекистана и пути его совершенствования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 20-й междунар. науч.-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. С. 23-25.

2. Назаров М. Система и виды наказаний в уголовном праве Республики Узбекистан: практ. пособие. Ташкент: Vaktria press, 2018.

3. О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. № ПП-3723. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3734183> (дата обращения: 03.02.2023).

4. Рапог В.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. 10-е изд.; перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КАК СПОСОБА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

К.Н. Карпов,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Современная политико-правовая ситуация в области изменений и дополнений уголовного законодательства большинством ученых определяется не просто как интенсивное правотворчество, а как чрезмерная криминализация [1, 6, 8, 9, 10]. Приводимые при этом аргументы излишнего карательного воздействия все же основываются на практике привлечения к уголовной ответственности за совершение традиционно криминальных насильственных преступлений (убийство, изнасилование, террористический акт и т.д.) и применения наказания в виде лишения

свободы. Не углубляясь в вопросы техники и конструкции уголовно-правовых запретов, необходимо обратить внимание на то, что большинство принимаемых норм все же функционально нагружены и задействованы правоприменителем, а также своим содержанием свидетельствуют о постепенном смещении в сторону такого способа регулирования общественных отношений, который предполагает увеличение и доминирование элементов социального контроля в обществе.

В рамках проводимого нами исследования были проанализированы изменения в уголовном законодательстве, касающиеся установления новых составов преступлений, с 2012 по 2022 г. За указанный период было введено порядка 90 новых составов преступлений¹. Их распределение по категориям в рамках основного состава происходит следующим образом: особо тяжкие – 4%, тяжкие – 16%, средней тяжести – 19%, небольшой тяжести – 60%. Данная картина свидетельствует о том, что подавляющее большинство составов имеют минимальное значение криминализации. Если же рассматривать категорию преступления по наиболее тяжкому составу, то распределение следующее: небольшой тяжести – 30%, средней тяжести – 19%, тяжкие – 24%, особо тяжкие – 16%.

Таким образом, законодатель, криминализуя определенные виды деяний, в основной массе не использует репрессию как механизм подавления. Скорее, криминализация в данном случае служит целям обозначения недопустимого поведения, установления правового статуса лица, совершившего преступление, и дальнейшего индивидуализированного предупреждения преступлений.

Кроме того, более чем в 25% случаев при формулировании новых составов преступлений законодатель использует конструкцию административной (либо уголовной) преюдиции (ст. 116.1, 151.1, 158.1, 264.1 УК РФ и др.). Такой способ постепенной криминализации в сочетании с отнесением преступления в целом к категории небольшой либо средней тяжести позволяет нерепрессивными методами снизить вероятность продолжения социально деструктивного поведения.

Учитывая, что подавляющее большинство вводимых составов преступлений относится к категории небольшой тяжести (60%), а изначально устанавливаемые размеры санкции не предполагают существенного карательного воздействия (20% санкций не связаны с лишением свободы либо предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года), значительная их часть сформулирована по типу пре-

¹ Речь идет об основных составах преступления, закрепленных в первых частях соответствующих норм. Указанное количество можно считать приблизительным, т.к. отдельные нормы содержат в разных частях самостоятельные составы, однако зачастую их различия не носят принципиального характера.

юдиции, а в еще большей степени, опираясь на результаты исследования практики назначения наказания за отдельные виды преступлений (ст. 204.1, 158.1, 191.1, 264.1 УК РФ и т.д.), приходится констатировать, что данные составы преступлений введены отчасти в целях создания повода для самой процедуры уголовного преследования, пресечения преступной деятельности в рамках уголовного судопроизводства и установления уголовно-процессуального статуса лица, совершившего преступление. Репрессивный же (карательный) элемент в данных нормах носит скорее «символический» характер и изначально не предполагает назначения и исполнения действительно строгого наказания, а также исправления осужденного как самостоятельной деятельности. Например, лица, осужденные за совершение преступлений, в случае погашения и снятия судимости (даже в случае освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям) в дальнейшем сталкиваются с препятствиями в части получения разрешения на осуществление отдельных видов деятельности, трудоустройства, въезда в Российскую Федерацию и получения вида на жительство и т.д. Представляется, что при отсутствии действительно строгого наказания именно эти меры выступают в роли предупредительного средства индивидуальной профилактики.

В качестве характерных примеров можно рассматривать практику назначения наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. 151.1, 264.1, 291.2 УК РФ. Так, за 2021 г. из почти 58 тыс. осужденных, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, наказание в виде лишения свободы было применено только к 8 тыс. осужденных (14,5%), условное осуждение применялось более 6,5 тыс. раз (12%), обязательные работы – 38 тыс. (68%). Учитывая, что санкция за совершение данного преступления предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы до 2 (ч. 1) или 3 (ч. 2) лет, диспропорциональность избираемых мер уголовно-правового воздействия кажется очевидной. Из 2133 осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ, наказание в виде лишения свободы (до 1 года) было назначено 35 осужденным (1,6%), 39 (1,8%) было осуждено условно к лишению свободы, а штраф был назначен в 85%

случаев. И.Э. Звечаровский в своих работах, посвященных анализу правоприменительной практики назначения наказания, иных мер уголовно-правового характера, а также оснований освобождения от уголовной ответственности [4], приходит к выводу о низкой эффективности применения указанных мер. При этом справедливо указывает на необходимость существенным образом пересмотреть содержание системы наказаний исходя из реальных возможностей достижения целей наказания, а основное место в содержании уголовно-правового воздействия уделить именно этапу реализации уголовного наказания [5].

Приведенные данные свидетельствуют о фактическом наличии лишь уголовно-правового реагирования как более узкого варианта понимания уголовно-правового воздействия, включающего в себя только «центральную часть уголовно-правового воздействия, связанную с реализацией именно уголовной ответственности» [7, с. 9].

Механизм уголовно-правового воздействия в таком случае реализуется уже в процессе расследования преступления, применения в отношении лица мер процессуального пресечения (заключения под стражу, наложения ареста на имущество), отстранения лица от исполнения служебных обязанностей и т.д., осуждения его и придания ему соответствующего правового статуса. В дальнейшем именно такой статус – «осужденный», «судимый», «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям» – позволяет определенным образом ограничить возможность соверше-

ния нового преступления путем реализации так называемых «общеправовых последствий» [3] совершенного преступления (запрет на занятие определенным видом деятельности и т.д.). В то же время полноценной системы индивидуализированного контроля за поведением таких лиц, совершивших преступление, в настоящий момент не сформировано. Как следствие, такого рода социальный контроль возникает на этапах оперативно-розыскной деятельности, в дальнейшем приобретает осязаемые формы в рамках уголовного судопроизводства (в некоторых случаях продлевающегося в гражданское судопроизводство (например, при возмещении вреда, причиненного преступлением)), после чего реализуется в исполнении наказания либо иных мер уголовно-правового характера (если они назначались), после ослабевает в период судимости и частично может присутствовать в общеправовых последствиях судимости (зачастую они являются бессрочными).

Такого рода перенос содержания уголовно-правового воздействия с наказания на сам процесс реализации уголовно-процессуальных либо иных компонентов правоприменения является неизбежным следствием гуманизации карательного воздействия. Если в отношении судебного процесса такой контроль за поведением лица является косвенным следствием решения задач уголовного процесса, то в отношении следующего за осуждением правового состояния лица, совершившего преступление, он представляется объективно необходимым элементом предупреждения совершения преступлений в будущем.

Литература

1. Бавсун М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 483-493.
2. Габдрахманов Ф.В. Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ // Евразийская адвокатура. 2014. № 4 (11). С. 47-50.
3. Елинский А.В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106-113.
4. Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового реагирования на преступность в современной России // Уголовное право. 2021. № 12. С. 26-31.
5. Звечаровский И.Э. О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. 2022. № 6. С. 48-52.
6. Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2018. 280 с.

7. Клейменов И.М., Клейменов М.П. Уголовно-правовое реагирование. М.: Российский гос. ун-т правосудия, 2022.

8. Козаченко И.Я. Скрытая декриминализация: проблемы и пути их решения // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по мат-лам конф-ции. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2016. С. 78-81.

9. Лопашенко Н.А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе: сб. мат-лов конф-ции. Минск: БГУ, 2018. С. 87-88.

10. Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 88-95.

ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ

А.А. Лихолетов,

кандидат юридических наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

Отсутствие единого последовательного подхода нормотворца при создании общих и специальных норм, основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов уголовно наказуемых деяний, в т.ч. закрепленных в гл. 22 УК РФ, приводит не только к нескончаемым дискуссиям в теории уголовного права, но и порождает ряд проблем у правоприменителя.

Не стала исключением и норма, предусматривающая ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции.

В частности, обращает на себя внимание отсутствие дифференциации уголовной ответственности в зависимости от объема реализуемой продукции. В настоящее время одинаковые уголовно-правовые последствия влекут розничная реализация как одной бутылки алкогольной продукции, так и продажа таковой в более значительном размере.

Несмотря на то, что в большинстве случаев лица привлекаются за реализацию предмета преступления в объеме, не превышающем 0,5 литра¹, практике известны случаи незакон-

ной розничной продажи таких товаров в более существенных масштабах.

Так, М. осуществил розничную продажу двух канистр объемом 5 литров со спиртосодержащей пищевой продукцией [3].

Г. осуждена за незаконную реализацию более 33 литров различного вида алкогольной продукции [4].

Представляется, что существует объективная необходимость установления более строгой ответственности за незаконную розничную продажу алкогольной или спиртосодержащей продукции в зависимости от объема.

Следует отметить, что продукция, производимая в домашних условиях (самогон, хреновуха, березовка, сбитень и др.), в соответствии с ГОСТ «Напитки русские традиционные на натуральном сырье. Технические условия» [1] отнесена к спиртным напиткам, а согласно ст. 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» таковыми необходимо считать алкогольную продукцию, которая произведена с использованием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, и не относится к винным напиткам [2]. Изложенное позволяет сде-

¹ Данный вывод основан на результатах изучения 500 судебных решений, размещенных в свободном доступе на интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

лать вывод о необходимости отнесения перечисленных напитков к предмету преступления, предусмотренного ст. 171⁴ УК РФ.

Вместе с тем, учитывая, что цену на такую алкогольную продукцию устанавливает на основе субъективного мнения непосредственно производитель, определение размера, выступающего в качестве квалифицирующего признака, исходя из стоимости предмета преступления, видится нецелесообразным и необъективным. В данном случае следует руководствоваться именно количественной характеристикой измерения объема, применяемой в метрической системе мер, т.е. литрами.

Основываясь на усредненном значении размера нелегально реализованной продукции, зафиксированном судебной и следственной практикой, представляется, что крупный размер, выступающий основанием для ужесточения ответственности, должна образовывать розничная продажа такой продукции в объеме, превышающем 10 литров.

Особо квалифицирующий признак, основанный на более крупном размере незаконной реализации спиртосодержащей или алкогольной продукции, устанавливать не целесообразно, исходя из сущности розничной продажи, не предполагающей приобретение таких товаров для личного потребления в существенных объемах.

В любом случае отсутствие дифференциации ответственности в ст. 171⁴ УК РФ в зависимости от объема незаконно реализованной продукции вызывает необходимость реагирования на данное обстоятельство со стороны законодателя.

Предложение о целесообразности дополнения ст. 171⁴ УК РФ указанным квалифицированным составом поддержали 66,7% опрошенных специалистов в области уголовного права¹.

Вместе с тем к построению составов с отягчающими обстоятельствами в ст. 171⁴ УК РФ необходимо подходить индивидуально, исходя из особенностей объективной стороны и субъекта анализируемого деяния.

Так, О.Г. Соловьев, вполне обоснованно указывая на технико-юридические недостатки действующей редакции ст. 171⁴ УК РФ, выра-

жившиеся в отсутствии дифференциации ответственности, считает целесообразным установление более строго наказания за совершение этого деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также лицом, использующим свое служебное положение [5, с. 43].

И если с последним предложением, в принципе, согласиться можно, то относительно групповой формы преступления, предусмотренного ст. 171⁴ УК РФ, следует отметить, что соучастие в совершении незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции гипотетически возможно в теории, но маловероятно на практике, что обусловлено особенностями субъекта преступления (наличие факта привлечения к административной ответственности).

Кроме того, анализ судебных решений по рассматриваемому преступлению не позволил выявить данных о его совершении в соучастии, нашедших свое отражение в описательной части решений, в т.ч. и при анализе председательствующим обстоятельств, отягчающих наказание.

Следует отметить, что необходимость комплексного реформирования УК РФ назрела давно. Наряду с другими к актуальным направлениям его модернизации следует отнести: приведение уголовного законодательства к единообразию и внутренней согласованности, а также пересмотр целесообразности существования отдельных его статей.

Так, в случае замены в диспозиции ч. 1 ст. 171³ УК РФ термина «розничная продажа» понятием «сбыт» (использующимся в других уголовно-правовых нормах) при одновременном включении положений об административной преюдиции в качестве альтернативного признака основного состава нормы о незаконной розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции необходимо будет исключить, поскольку содеянное в случае повторной розничной продажи алкогольной продукции будет полностью охватываться сбытом.

¹ Опрос проводился среди педагогических и научных сотрудников – специалистов в области уголовного права в период 2022-2023 гг. Всего в анкетировании приняло участие 93 респондента из 21 субъекта Российской Федерации.

Литература

1. Напитки русские традиционные на натуральном сырье. Технические условия: национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56368-2015 (ред. от 15.03.2018). (утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 25.03.2015 № 158-ст). М.: Стандартинформ, 2015.
2. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 28.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Приговор Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 14.07.2020 по делу № 1-679/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.04.2023).
4. Приговор Псковского городского суда Псковской области от 24.07.2020 по делу № 1-704/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.04.2023).
5. Соловьев О.Г. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ): некоторые вопросы криминализации, квалификации, конструирования состава // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 38-45.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОЛОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е.В. Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России

В современной уголовно-правовой политике Российского государства отчетливо прослеживается тенденция к усилению ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. За непродолжительный срок Государственной Думой РФ были приняты два нормативных правовых акта, внесших в связи с этим серьезные изменения в уголовное законодательство.

Первым из них стал Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Этим законом наряду с другими изменениями, в частности, исключена возможность условного осуждения за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, а также установлено, что право на условно-досрочное освобождение осужденные за подобные преступления могут получить, отбыв не менее четырех пятых срока наказания. Санкция же за отдельные виды преступлений против половой неприкосновенности

несовершеннолетних достигла максимального предела – пожизненного лишения свободы.

Вторым нормативным правовым актом стал Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ. Этим законом, в частности, значительно расширен перечень «половых» преступлений, за которые может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Принимаемые меры представляются справедливыми. В условиях ухудшающейся демографической ситуации в России Президентом и Правительством страны предпринимаются беспрецедентные меры, направленные на увеличение рождаемости и поддержку семей с детьми. Однако мало родить и вырастить ребенка. Важнейшим является вопрос воспитания физически, психологически, нравственно и духовно здоровой личности. Основы же ее формирования закладываются в раннем возрасте.

Между тем половые преступления, и без того влекущие за собой тяжкие последствия в виде причинения вреда психике и здоровью потерпевших, приобретают повышенную общественную опасность, если совершаются в отно-

шении несовершеннолетних и малолетних. Дети и подростки, испытавшие сексуальное насилие или домогательства, по мнению психологов, никогда не смогут вернуться к прежней жизни. Даже во взрослом возрасте нанесенная психологическая травма напоминает о себе, создавая определенные трудности во взаимодействии с окружающими людьми и обществом в целом. По этой причине полагаем, что суровость предусмотренной уголовным законом ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних является оправданной.

Однако при этом необходимо, чтобы нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не содержали ошибок, были органично интегрированы в общую систему уголовного закона, а содержание уголовно-правовых норм было максимально конкретным и не допускающим двусмысленного толкования. Такая необходимость возникает, поскольку «объектом уголовно-правовой охраны являются наиболее значимые общественные отношения, уголовная ответственность – наиболее строгий вид юридической ответственности, а уголовно-правовые санкции отличаются наибольшей жесткостью» [1, с. 22].

Статья 135 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение развратных действий. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ к развратным действиям относятся «любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших 12-летнего возраста, но не достигших 16-летнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям» [2]. Такие действия могут быть контактными (прикосновения к половым органам виновного или потерпевшего), визуализированными (демонстрация виновным потерпевшему половых органов, процесса интимной близости, мастурбации), бесконтактными иного характера (ведение развратных бесед, прослушивание соответствующих аудиозаписей, просмотр порнографической продукции, в т.ч. в сети Интернет и т.д.). Потерпевшими от развратных действий могут быть признаны дети и подростки мужского и женского пола, достигшие 12-летнего, но не достигшие 16-летнего возраста.

Развратные действия, совершенные в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, законодателем предписывается рассматри-

вать как квалифицированный вид изнасилования либо насильственных действий сексуального характера. В соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ они должны быть квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 131 или по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ [3]. Объективно указанная норма содержит критические недостатки.

Квалификация развратных действий, совершенных в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, как изнасилования противоречит диспозиции ст. 131 УК РФ. Обязательным признаком изнасилования является наличие полового сношения с потерпевшей в естественной форме. Данное преступление является оконченным только с момента начала такого сношения. Таким образом, любые развратные действия в их объективном понимании не могут быть квалифицированы как изнасилование ввиду отсутствия объективной стороны данного преступления.

Квалификация развратных действий, совершенных в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, как насильственных действий сексуального характера также вызывает ряд возражений. Развратные действия не попадают под понятие мужеложства, поскольку последнее понимается как анальный половой контакт мужчины с мужчиной. Не всегда будет верной квалификация развратных действий как лесбиянства – понятия, охватывающего собой разнообразные контактные действия между женщинами, направленные на удовлетворение половой страсти.

На различие понятий полового сношения, мужеложства, лесбиянства и развратных действий обращает внимание и Пленум Верховного Суда РФ в приведенном выше постановлении.

Остается лишь указанная в диспозиции ст. 132 УК РФ иная форма насильственных действий сексуального характера. Однако понятия «иные действия сексуального характера» закон не закрепляет. Обходит это понятие стороной и Пленум Верховного Суда РФ. Таким образом, иные действия сексуального характера трактуются правоприменителями произвольно, по своему усмотрению. При этом представители следствия, прокуратуры и суда в подавляющем большинстве не обладают экспертными знаниями в области сексологии. Перед экспертами же такой вопрос не ставится, поскольку это юридическая оценка состава преступления.

Опираясь на все изложенное выше, полагаем, что норма, закрепленная в примечании к ст. 131 УК РФ, содержит законодательное упущение и нуждается в совершенствовании. Как минимум из нее должна быть исключена ссылка

на ст. 131 УК РФ в части, касающейся развратных действий в отношении малолетних. Кроме того, полагаем необходимым разъяснение Пленума Верховного Суда РФ касательно содержания понятия «иные действия сексуального характера». Помимо прочего, произвольное усмотрение правоприменителя в его толковании не позволя-

ет однозначно разграничить развратные действия, ответственность за которые предусмотрена ст. 135 УК РФ, и иные действия сексуального характера, являющиеся конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ.

Литература

1. Лоос Е.В. Об актуальности и качестве изменений, вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации (на примере ст. 200.7 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 19-й междунар. науч.-практ. конф-ции. В 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. Ч. 2. С. 22-24.

2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ (СТ. 174¹ УК РФ)

М.В. Лупырь,

кандидат юридических наук

Омская академия МВД России

Легализация (отмывание) денежных средств является уголовно наказуемой, независимо от какой преступной деятельности были приобретены данные денежные средства. В ст. 174¹ УК РФ, федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» отсутствует указание на то, что общественная опасность легализации (отмывания) преступно приобретенного имущества может возрастать или понижаться в зависимости от вида предикатного преступления, его общественной опасности.

Несмотря на это, анализ судебной практики по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступле-

ния за 2020-2022 гг. свидетельствует о том, что суды все же принимают во внимание разновидность преступной деятельности и её общественную опасность при выборе вида и срока наказания или его размера [1, с. 166-168].

Так, из приговора Октябрьского районного суда Челябинской области следует, что гражданка Ш. обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ, совершив вначале мошенничество путем обмана и злоупотребления доверием главного бухгалтера и руководителя учреждения, ежемесячно формировала недостоверные реестры для зачисления заработной платы с указанием лицевых счетов и сумм по каждому сотруднику, в которых умышленно, с целью совершения хищения указывала свои персональные данные. Таким образом, в течение года гражданка Ш. незаконно, путем обмана и злоупотребления доверием умышленно похитила денежные средства администрации на общую сумму 435 632 рубля. После данных действий гражданка Ш. осуществила ряд финансовых

операций по переводу похищенных денежных средств с одного счета на другой, придав им тем самым правомерный вид владения, пользования и распоряжения.

В итоге суд назначил обвиняемой наказание по ч. 3 ст. 159 УК РФ в виде лишения свободы на срок 1 год и 6 мес. условно и штраф по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ в доход государства в размере 5 тыс. рублей [2].

По другому уголовному делу к ответственности был привлечен гражданин Г. за совершение преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ и ч. 1 ст. 174¹ УК РФ. Из приговора следует, что гражданин Г., являясь курьером, делал закладки наркотических веществ по указанию неустановленного лица, совершив тем самым преступление, предусмотренное ст. 228¹ УК РФ. За данную преступную деятельность гражданин Г. получил денежные средства в размере 200 тыс. рублей.

Полученные преступным путем денежные средства гражданин Г. переводил с одного счета на другой, принадлежащий лицу, не осведомленному о его преступной деятельности, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно приобретен-

ными денежными средствами, тем самым совершив преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 174¹ УК РФ.

В итоге суд назначил гражданину Г. наказание в виде 4 лет лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, а также в виде штрафа в размере 20 тыс. рублей за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174¹ УК РФ [3].

Из анализа данных судебных приговоров следует сделать вывод о том, что судебные органы назначают более строгое наказание за легализацию (отмывание) денежных средств, приобретенных лицом в результате незаконного сбыта наркотических веществ, чем за легализацию денежных средств, приобретенных в результате мошеннических действий, несмотря на то, что сумма похищенного и в дальнейшем легализованного может быть в два раза больше, чем размер денежных средств, легализованных от сбыта наркотиков.

Таким образом, назначая наказания за легализацию, суды, как правило, определяют с его видом и размером исходя из общественной опасности предикатного преступления.

Литература

1. Ботвин И.В. Тенденции уголовной политики по борьбе с «новыми» угрозами // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции (Барнаул, 28-29 июня 2022 г.) / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022.

2. Приговор Октябрьского районного суда Челябинской области от 29 июля 2020 г. № 1-75/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.04.2023).

3. Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 30 июля 2020 г. № 1-624/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.04.2023).

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОУЧАСТИИ

В.В. Мальченкова,

кандидат педагогических наук

Барнаульский юридический институт МВД России;

Е.В. Мальченков,

кандидат педагогических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Любая преступная деятельность требует соответствующего внимания с точки зрения необходимости дальнейшей разработки мер по противодействию совершению какого-либо ро-

да преступлений. Одним из известнейших и притягивающих внимание является институт соучастия, функционирующий в рамках науки и отрасли уголовного права.

Такое внимание к данному институту является неслучайным, поскольку преступления, совершенные в соучастии, обладают повышенной общественной опасностью для различных вариаций общественных отношений. Вполне логично было бы предположить, что в случае, когда преступление может быть совершено одновременно несколькими субъектами, его общественно опасные последствия становятся гораздо масштабнее.

Также отметим, что, согласно статистическим данным, организованными группами совершено за 2020 г. 15 382 преступления, из них тяжких и особо тяжких преступлений – 14 629, за 2021 г. – 19 674 преступления, из них тяжких и особо тяжких преступлений – 19 006, за 2022 г. – 24 470 преступлений, из них тяжких и особо тяжких преступлений – 23 355 [6]. Приведенные цифры показывают стабильно высокий уровень совершения преступлений в соучастии.

При этом ученые-правоведы, рассматривающие настоящую тематику в своих исследованиях, не пришли к единому мнению по поводу противодействия преступлениям, совершенным в соучастии.

Данная тема требует детального изучения, прежде всего, с точки зрения распределения мер ответственности для соучастников в таком преступлении, поскольку по этому вопросу расходятся мнения не только ученых, но и непосредственно правоприменителей.

Институт соучастия считается одним из важнейших и сложнейших блоков уголовного законодательства. Прежде всего, он характеризуется своей комплексностью, поскольку к его ведению можно отнести достаточно большое количество аспектов, связанных с совместной преступной деятельностью.

Правовой регламентацией данного института, точнее, его теоретических основ, на которые полагаются субъекты квалификации преступных деяний, является гл. 7 УК РФ.

Однако институт соучастия ограничен не только теоретическими положениями. Признак соучастия является квалифицирующим для обширного перечня преступных деяний, а также, что немаловажно, особо квалифицирующим [2, с. 51]. Прежде всего, формально это выражено в нормах, представляющих собою части или пункты статей УК РФ.

Также стоит отметить, что совершение преступления в соучастии может являться и отягчающим обстоятельством при назначении наказания в соответствии с перечнем, представленным ст. 63 УК РФ.

Сам по себе институт соучастия в уголовном праве регламентирует такие правовые отношения, которые связаны с рассмотрением деяния и его анализом с точки зрения его исполнения лицами в количестве от двух и более. То есть он представляет собою не обособленные положения, которые являются дополнениями к квалификации совершенного преступления, его значение является основополагающим для дальнейшей квалификации преступного деяния. Прежде всего, подобные высказывания определяются индивидуализацией роли соучастников в совершенном преступлении [8].

Согласно этому положению, степень участия отдельно взятого субъекта преступления будет охарактеризована, иначе – квалифицирована, лишь в соответствии с его объективной ролью в совершенном преступлении. При ее определении в императивном порядке невозможен учет действий иных лиц, которые также участвовали в совершении преступления [3, с. 322].

В связи с вышеизложенными положениями необходимо упомянуть и о теории акцессорности соучастия. В основе данного научного положения лежит мнение, которое определяет роль каждого из соучастников преступления ролью и действиями в нем исполнителя [3, с. 157].

То есть лицо, непосредственно выполняющее объективную сторону преступления, выделяется среди прочих, и его действия отмечаются особенной важностью, но не только в плане общей картины преступления, но и в вопросах ответственности соучастников, которая будет основана лишь на действиях исполнителя, при этом будет равной для всех соучастников конкретного преступления.

Разумеется, исполнитель – особенное лицо, которое характеризует своими действиями все соучастие [4, с. 18]. Мало того, что он выполняет объективную сторону, т.е. непосредственно (или же опосредованно, через действия лиц, не подлежащих уголовной ответственности) совершает преступление, его как особое лицо выделяет и законодатель, поскольку наряду со всеми соучастниками преступления только действия исполнителя не подлежат квалификации со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Несмотря на то, что акцессорная теория соучастия продолжает существовать и обсуждаться среди ученых-правоведов, она имеет слабое отражение в нашем уголовном законодательстве, поскольку она не в состоянии опровергнуть такие подтверждения самостоятельности соучастников, как различный объем уго-

ловной ответственности при эксцессе исполнителя, добровольном отказе соучастников от доведения преступления до конца, безуспешности действий соучастников, учёте смягчающих и отягчающих обстоятельств, относящихся к личности соучастников.

Далее представляется важным рассмотреть институт соучастия с точки зрения его основных характеристик. Прежде всего, соучастие можно определить как форму, в которую облачаются конкретные действия лиц, действующих вместе в отношении совершения преступного деяния. При анализе понятия соучастия предлагается рассматривать настоящий институт с точки зрения его объективных и субъективных характеристик.

Объективные характеристики института соучастия связаны с внешними признаками совершенного деяния, а именно количеством участников и совместностью их действий. Данные признаки вытекают из ст. 32 УК РФ, дающей нам легальную дефиницию соучастия.

Первый признак обозначается как количественный, поскольку определяется количеством лиц, совершающих конкретное преступление. Норма закона закрепляет правило: в преступлении должно участвовать не менее двух лиц, только в таком случае соучастие будет иметь место. Количественный признак является, пожалуй, наиболее важным при определении соучастия.

Далее необходимо рассмотреть признак совместности участия. Он также продиктован положениями ч. 1 ст. 32 УК РФ. Этот признак ученые-правоведы обозначают как качественный. Это, по нашему мнению, определяется тем фактом, что он выражает качество совершенного деяния в целом, а также действий субъектов конкретного преступления в частности. Качественный признак предполагает необходимость совместности действий участников преступления [1, с. 31].

Таким образом, их действия могут быть не в полной мере согласованными, однако все они должны быть направлены на совершение одного и того же преступления, совершаться с единым умыслом, что и определяет их совместность через качественный признак соучастия. Наряду с активными действиями совместность при исполнении преступления может отражаться и в бездействии одного из соучастников [7, с. 157].

Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное

участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Законодатель не случайно указал на умышленный характер совершаемых действий: исходя из буквального толкования указанной нормы, каждый из участников совместной преступной деятельности должен понимать характер совершаемых действий и руководить этими действиями. То есть при соучастии мы говорим о субъектах преступления, которые вменяемы и достигли возраста уголовной ответственности.

Но, согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, положениями ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не предусмотрено обязательно наличие вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, и уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности. Таким образом, по мнению Д.А. Гарбатовича, Верховный Суд РФ считает, что уголовный закон не исключает возможности соучастия с «негодным» субъектом [5]. Мы придерживаемся данной точки зрения, т.к. при групповом совершении преступления у посягающих больше возможностей в достижении преступной цели (даже если лицо не достигло возраста уголовной ответственности или невменяемо, оно может удерживать потерпевшего, угрожать применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) и лицо, соответствующее признакам субъекта преступления, осознает это и использует при совершении преступления. С позиции защиты интересов потерпевшего квалификация действий данного субъекта как совершенных в соучастии соответствует преступлению, а также в данном случае правоприменитель соблюдает принцип справедливости. При назначении наказания суд учитывает, что преступление совершено в соучастии и ужесточает меры государственного реагирования на данное деяние.

По нашему мнению, для исключения ошибок при квалификации действий, совершенных в соучастии, а также защиты интересов потерпевшего законодатель должен дать четкие указания, внося изменения в ст. 32 УК РФ и рассмотрев вопрос квалификации действий, совершенных в соучастии с невменяемым лицом или лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.

Литература

1. Абрамова А.А. Особенности специального субъекта преступления и его криминалистическое значение [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Безбородов Д.А. О субъективной связи при соучастии // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: научно-практическая конференция молодых ученых (25 апреля 1998 г.): тезисы выступлений аспирантов, адъюнктов, соискателей. СПб, 1998.
3. Васильева Ю.В. Проблемы квалификации и законодательного применения соучастия в преступлении // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 18.
4. Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004258314.pdf (дата обращения: 16.03.2023).
5. Гарбатович Д.А. Соучастие в преступлении с «негодным» субъектом: проблемы буквального толкования уголовного закона [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 16.03.2023).
7. Клименко Ю.А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки. URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2017/05/Lex-Russica-5-2016.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).
8. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004. 898 с.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Г.Н. Миронова,

кандидат юридических наук

Омская академия МВД России

Защита интересов государства от неправомерных коррупционных действий в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд на сегодняшний день является необходимым компонентом обеспечения государственной безопасности. Об этом свидетельствует усиление ответственности (увеличение размеров наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ, введение дополнительных видов наказаний, дополнительных ограничений на различные средства смягчения наказания и т.д.) [2, с. 166-168]. Кроме того, законодатель планомерно детализирует и дополняет УК РФ новыми нормами, предусматривающими уголовную ответственность различных субъектов указанной деятельности за коррупционные действия (ст. 200.4-200.6 УК РФ). Ярким подтверждением этому также выступает введение в УК РФ ст. 201.2 «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий

договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа».

В то же время определение перечня общественно опасных деяний должно происходить на основе критериев криминализации [4, с. 122] и принципов системности уголовно-правовых запретов. Анализ норм УК РФ свидетельствует о недостаточности учета указанных принципов. В частности, положения ст. 200.5 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за подкуп следующих субъектов: 1) работника контрактной службы; 2) контрактного управляющего; 3) члена комиссии по осуществлению закупок; 4) лица, осуществляющего приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; 5) иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика.

Далее, статья 200.6 УК РФ предусматривает ответственность за дачу экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в

сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Данные лица представляются самостоятельными независимыми участниками рассматриваемой сферы правоотношений, действия которых могут оказывать существенное влияние на оценку правомерности осуществляемых закупок. Однако законодатель почему-то не указал их в качестве субъектов подкупа (ст. 200.5 УК РФ). Так, особенности правового положения эксперта в рамках уголовного, административного либо гражданского судопроизводства предопределили и существование аналогичной нормы ст. 307 УК РФ, предусматривающей ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста либо неправильный перевод.

Суть проводимой указанным субъектом экспертизы состоит в выяснении, соответствует ли полученная заказчиком услуга, товар или работа заявленным по спецификации, соответствие количества и качества товара, работы или услуги заявленным в условиях контракта, соответствие срокам поставки или исполнения, обозначенным в рамках контракта.

Давая указанное заключение, эксперт фактически определяет, насколько правильно была проведена процедура закупки (или отдельные ее элементы), предполагая возможность наступления (ненаступления) неблагоприятных последствий для участников закупки. В такой ситуации коррупционная заинтересованность лиц, допускающих нарушения, представляется очевидной, однако на сегодняшний день она не находит должного отражения и соответствующего запрета в нормах УК РФ. Необходимо отметить, что аналогичная ситуация в сфере правосудия нашла свое отражение в рамках ст. 309 УК РФ, закрепляющей уголовную ответственность за подкуп или принуждение эксперта либо специалиста к даче ими заведомо ложного заключения [3, с. 105-109].

Так, в случае подкупа члена комиссии по осуществлению закупок, непосредственно участвующего в принятии решения о закупке, такое лицо будет подлежать ответственности по ч. 4 ст. 200.5 УК РФ. Также по данной норме будет подлежать ответственности и лицо, пере-

давшее подкуп (ч. 1 ст. 200.5 УК РФ). Если в аналогичной ситуации окажутся эксперт и лицо, заинтересованное в получении «нужного» заключения, то ответственности за сам подкуп для обоих субъектов не наступит. Статья 200.5 УК РФ не предусматривает возможности привлечения эксперта, а равно и лица, осуществляющего его подкуп, к уголовной ответственности. При этом если эксперт в случае подкупа и последующего составления заведомо ложного заключения может подлежать уголовной ответственности хотя бы за данные действия, то субъект, осуществивший такой подкуп, уголовной ответственности избежит (за исключением случаев оценки его действий как подстрекательства к ст. 200.6 УК РФ). Регулируя указанную сферу правоотношений от возможности противоправного влияния на конкурентные и независимые отношения в сфере закупок, очевидна необходимость полноценного исключения возможности оказания такого влияния.

Следует согласиться с Е.И. Чекмезовой, которая отмечает, что «если учитывать, что ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ являются своего рода реперными точками для построения системы противодействия коррупции и конфликту интересов, то законодательно необходимо стремиться к синхронизации указанных составов» [5, с. 453-455]. При этом необходимо уточнить, что согласованность норм должна происходить в т.ч. и с другими составами (ст. 200.5, 200.6, 285, 309 УК РФ и др.) [1, с. 9-16].

Указанный законодательный пробел в части уголовно-правовой охраны интересов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд фактически приводит к незащищенности от коррупционного воздействия со стороны заинтересованных лиц, непредвзятости и объективности экспертного заключения. Для устранения указанного пробела, на наш взгляд, необходимо в ст. 200.5 УК РФ предусмотреть в качестве субъекта преступления **эксперта либо уполномоченное лицо экспертной организации** и внести соответствующие изменения в диспозицию ч. 1, 4 ст. 200.5 УК РФ.

Литература

1. Борков В.Н. Новое понимание взяточничества: проблемы и решение // Уголовное право. 2019. № 1. С. 9-16.
2. Ботвин И.В. Тенденции уголовной политики по борьбе с «новыми» угрозами // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции (Барнаул, 28-29 июня 2022 г.) / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. С. 166-168.

3. Кашин О.В. Об уголовной ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, эксперта, специалиста или переводчика // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 105-109.

4. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTA, 2020. 256 с.

5. Чекмезова Е.И. Некоторые вопросы применения норм об уголовной ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 453-455.

ОБСТАНОВКА КАК ВНЕШНИЙ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР УГОЛОВНОГО ПРАВА

К.Д. Николаев,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Обстановка, в которой разрабатываются, принимаются, действуют или отменяются уголовно-правовые нормы, непосредственно влияет на содержание уголовного законодательства. В контексте рассматриваемой проблемы под обстановкой предлагается понимать социально-политические и экономические процессы, происходящие на определенной территории в определенное время и отражающие уровень развития производительных сил и производственных отношений [3].

Составной частью обстановки выступает общественный экономический уклад, экономическая база общества, обусловленная появлением новых производственных отношений, господствовавших в тот или иной исторический период [1, с. 73-76]. Коренные изменения общественного уклада обуславливали потребность в разработке и принятии нового или существенном изменении ранее действовавшего уголовного законодательства.

Эти периоды обозначаются термином «общественно-экономическая формация». Исследователи указывают: «Стержнем формации является способ производства материальной жизни в единстве производительных сил и производственных отношений. А основой производственных отношений является форма собственности на средства производства. Общественно-экономическая формация – это исторически конкретное общество на данном этапе его развития. Каждая формация – это особый социальный организм, развивающийся на базе своих имманентных законов. Вместе с тем общественно-

но-экономическая формация – это определенная степень в развитии исторического процесса по восходящей линии» [4, с. 115].

Уголовное законодательство несет на себе печать времени – отражает организацию общества, жизненный уклад того периода, в который оно принималось и действовало. Прослеживается закономерность: сменилась общественно-экономическая формация – сменился уголовный закон. Например, смена общественно-экономической формации, укрепление новых капиталистических отношений по сравнению с существовавшими ранее феодальными общественными отношениями привели к изменению подходов законодателя к приоритетам уголовно-правовой охраны соответствующих объектов. Так, УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. не содержали норм об ответственности за убийство, отражающих дифференциацию ответственности с применением классового подхода. В то же время в первых советских уголовных кодексах встречались другие нормы, отражающие классовый подход при дифференциации уголовной ответственности.

Таким образом, обстановка, существующая в обществе, напрямую влияет на содержание уголовно-правовых норм об ответственности за убийство. То же можно утверждать относительно норм, защищающих другие объекты уголовно-правовой охраны [3].

Обращаясь к обстановке как внешнему системообразующему фактору уголовного права, следует особо отметить, что «количество составов преступлений, а также видов и размеров

наказаний, предусмотренных за совершение соответствующих деяний, должно быть необходимым и достаточным в тот или иной период на данном отрезке социального развития. Общество и государство стремятся к тому, чтобы своевременно реагировать на появление новых деяний, которые обладают общественной опасностью, чтобы на законодательном уровне закрепить их в качестве преступлений, введя соответствующие составы в Особенную часть УК РФ. Подобный подход характерен для каждого исторического периода. Не углубляясь подробно в данную тему, приведем следующие примеры: с развитием транспорта и ростом аварийности общественную опасность приобрело нарушение правил дорожного движения, в результате которого причинен вред здоровью или жизни человека. Реакцией на это стало появление в уголовном законодательстве соответствующего состава преступления. Аналогичная ситуация с реакцией законодателя на ситуацию с развитием вычислительной техники, появлением глобальных компьютерных сетей и т.п., что вызвало появление общественно опасных деяний в сфере компьютерной информации, реакцией на которые стало включение в УК РФ соответствующих составов преступлений (неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ и т.д.). В случае утраты деянием общественной опасности соответствующий состав преступления исключается из Уголовного кодекса и деяние декриминализируется (например, спекуляция)» [2, с. 86-87].

Характеризуя сложившуюся в настоящее время ситуацию, К. Шваб справедливо отмечает: «Из множества разнообразных и увлекательных задач, стоящих перед современным обществом, наиболее важной и впечатляющей является осознание и формирование новой технологической революции, которая предусматривает как минимум преобразование человечества. ... По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [6, с. 9]. Одним из факторов, которыми обосновывается самостоятельность четвертой промышленной революции, К. Шваб считает системное воздействие: эта революция «предусматривает целост-

ные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом» [6, с. 12]. Это относится и к системе права. В ближайшем будущем мы увидим результаты влияния четвертой промышленной революции на право как таковое и уголовное право в частности.

В контексте рассматриваемой проблемы отметим, что необходимо комплексно корректировать отечественное законодательство, в т.ч. и уголовное, с учетом сложившихся и де-факто существующих реалий, изменившейся обстановки в мире, в стране, в обществе. Законодательство не застывшая материя. Надо адаптировать действующее законодательство к существующим общественным отношениям. Речь в данном случае идет о деятельности российских частных военных компаний (как внутри страны, так и за ее пределами). Рассматриваемые общественные отношения уже существуют. Неоценимая польза от них очевидна. Следует их легализовать. В сложившейся обстановке необходимо принять федеральный закон «О частных военных компаниях», т.к. в настоящее время возникают вопросы относительно привлечения сотрудников таких компаний к ответственности за незаконный оборот оружия, организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, наемничество и т.д. Принятие названного федерального закона и внесение соответствующих изменений и дополнений в другие нормативные правовые акты позволят избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, с оружием в руках отстаивающих интересы нашей страны.

Правовые нормы, содержащиеся в актах, составляющих правовую систему России, должны регулировать и охранять важные (значимые) для нашего государства, общества и личности общественные отношения, в т.ч. и обеспечить их действенной уголовно-правовой охраной. И наоборот, нужно исключить неоднозначное толкование и привлечение к ответственности за деяния, обладающие общественной полезностью, но формально могущие содержать признаки тех или иных преступлений.

Итак, обстановка как внешний системообразующий фактор напрямую влияет на уголовное право: его форму, содержание, скорость принятия изменений и дополнений.

Литература

1. Ботвин И.В. Учет принципов уголовного права при оценке преступного деяния // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений международной научной конферен-

ции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева (Омск, 28 февраля 2020 г.). Омск: ОМА МВД России, 2020.

2. Николаев К.Д. Внутренние структурные связи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4.

3. Николаев К.Д. Пространство, время, обстановка и способ как внешние системообразующие факторы уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 2 (85). С. 115-121.

4. Обществознание: учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. М., 2018.

5. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Киев – Петербург – Харьков, 1903.

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2018.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ХИЩЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ, ОПАСНОГО ДЛЯ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЯ

Т.А. Огарь,

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

В литературе современного периода высказываются разнообразные суждения относительно момента окончания хищения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ. Ряд авторов относят данную разновидность хищения наркотических средств и психотропных веществ к разбою. Встречаются суждения о том, что хищение наркотических средств или психотропных веществ квалифицируется по правилам, определенным Пленумом Верховного Суда РФ в постановлениях, посвященных преступлениям против собственности [3, с. 313]. В качестве момента окончания преступления используют разъяснение, данное в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее по тексту – ППВС РФ) от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в соответствии с которым преступление считается оконченным в момент нападения с целью завладения наркотическими средствами и психотропными веществами. Такой подход довольно распространен в уголовно-правовой литературе [4, с. 146; 2, с. 318; 7, с. 497].

Другого подхода придерживается В.А. Шеслер, который на основании проведенного изучения судебной практики полагает, что

хищение наркотических средств и психотропных веществ, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, считается оконченным в момент изъятия наркотических средств и психотропных веществ [8, с. 21]. Наличие такого подхода обусловлено тем, что в п. 23 ППВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» имеется разъяснение, согласно которому хищение, предусмотренное ст. 229 УК РФ, представляет собой изъятие рассматриваемых предметов у юридических или физических лиц, владеющих ими законно или незаконно. У данного подхода также большое количество сторонников [5, с. 74; 9, с. 48].

Следование одному из подходов в данном случае приводит к тому, что по-разному определяется стадия совершения преступления в случае, если виновное лицо успело применить насилие, однако не смогло изъять наркотические средства или психотропные вещества. Так, сторонник первого подхода, относящего данную разновидность хищения к разбою, Т.В. Радченко в качестве ошибочного применения положений ст. 30 УК РФ приводит Апелляционное определение Приморского краевого суда по де-

лу № 22-1854/2015, указывающего, что Р., П. и К., предварительно договорившись, незаконно проникли в квартиру к потерпевшему и, угрожая применением насилия, опасного для жизни и здоровья, требовали деньги, золото и наркотические средства. Затем нанесли сыну потерпевшей, пресекавшему их действия, удар в лицо топором и скрылись, забрав ноутбук. Действия виновных Приморским краевым судом были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ. Т.В. Радченко отмечает, что в данном случае преступление следует считать оконченным, т.к. нападение с применением соответствующего насилия было совершено [6, с. 70].

Однако сторонники второго подхода, ориентирующиеся на рекомендацию, данную в п. 23 ППВС РФ от 15.06.2006 № 14, полагают, что без изъятия невозможно признать преступление оконченным. Так, В.А. Шеслер приводит в качестве примера переквалификации приговор Сузунского районного суда Новосибирской области от 30 октября 2017 г. по делу № 1-121/2017: К., находясь в городской больнице, требовал у хирурга выдать ему промедол, при этом угрожал привести в действие гранату Ф-1. Первоначально органами предварительного расследования содеянное К. было квалифицировано по п. «а» ч. 3 ст. 229 УК РФ как оконченное преступление. Однако суд переквалифицировал действия К. на ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 229 УК РФ, обосновав свою позицию тем, что К. промедолом не завладел [8, с. 21].

Отсутствие единого подхода в данном вопросе вызвано тем, что законодательство и судебная практика в данном вопросе развиваются в различных направлениях, что существенно затрудняет поиск точного решения. Так, в пункте 1 примечания к ст. 158 УК РФ однозначно указано, что закрепленное в нем понятие хищения распространяется на все статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, это следует из фразы «под хищением в статьях настоящего кодекса понимаются». Данное здесь определение в качестве обязательного включает в себя такой признак объективной стороны, как общественно опасные последствия в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества, который оказывает существенное влияние на определение момента окончания преступления. Если законодатель прямо распространяет данное определение на весь Уголовный кодекс, то и во всех других статьях Особенной части, даже расположенных в других главах и разделах, включающих в себя термин «хищение», оно

должно трактоваться единообразно. Однако в правоприменительной практике содержанию термина «хищение» применительно к преступлениям, расположенным в других разделах, придается несколько иной смысл. Ряд исследователей полагают, что в п. 13 ППВС РФ от 12.03.2002 № 5 и п. 23 ППВС РФ от 15.06.2006 № 14 сформулированы понятия специальных видов хищений, включающих другой набор признаков, отличных от понятия, предусмотренного в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ [1, с. 118-122]. Полагаем, что в данных разъяснениях отмечаются именно особенности момента окончания указанных видов хищений. В то же время из них не ясно, распространяются ли общие признаки хищения на его специальные виды. Так, в ППВС РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» в п. 13 определяется момент окончания хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, связывая его с завладением указанными предметами. Таким образом, разъяснения высшей судебной инстанции, данные в отношении специальной разновидности хищения, не относящейся к преступлениям против собственности, уже отличаются от разъяснений, раскрывающих содержание пункта 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Однако момент окончания хищения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, отдельно оговаривается в п. 16 указанного постановления и связывается с моментом нападения так же, как и в разъяснениях по разбою.

Отдельно следует отметить, что наблюдается уход от использования термина «разбой» применительно к хищениям предметов, ограниченных в обороте. В 2019 г. в связи с принятием ППВС РФ от 11.06.2019 № 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств”» в ППВС РФ от 12.03.2002 № 5 из пункта 16 сочетание «хищение <...> путем разбойного нападения» было исключено, вместо него появилось сочетание «хищение <...> с применением насилия». Однако данная формулировка вызывает не меньше вопросов. Если ранее в п. 16 хищение, преду-

смотренное п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ, связывалось с разбоем и это давало основание, исходя из диспозиции ст. 162 УК РФ, использовать термин «нападение», то сейчас при отсутствии связи с разбоем употреблять термин «нападение» представляется некорректным, тем более что он отсутствует в диспозиции ст. 229 УК РФ.

ППВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в п. 23 дает уточнения относительно момента окончания любой разновидности хищения наркотических средств и психотропных веществ, связывая эти действия с противоправным изъятием указанных предметов. Отдельного уточнения относительно особенностей установления момента окончания хищения, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ, в нем не содержится, также как и упоминаний о разбое и нападении как признаках объективной стороны. Полагаем, что буквальное прочтение рекомендаций, данных в п. 23 ППВС РФ от 15.06.2006 № 14, и сопоставление их с формулировками, содержащимися в ст. 229 УК РФ, не дает оснований определять момент окончания хищения наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, совершением нападения, т.к. такое деяние отсутствует в ст. 229 УК РФ. Преступление следует считать оконченным в момент совершения деяния, которое законодатель обозначает как хищение, а высшая судебная инстанция в своих разъяснениях связывает его с моментом изъятия специальных предметов. Таким образом, понятия «разбой» и «хищение с применением насилия,

опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» в отношении различных видов предметов в настоящее время представляют собой разные общественно опасные деяния с разным моментом окончания. Шеслер А.В., Шеслер С.С., Шеслер В.А., рассматривая момент окончания различных видов хищений в уголовном законодательстве, отмечают, что в некоторых случаях судебное толкование является обоснованным в части установления иного момента окончания, отличного от тех, которые предусмотрены в классических постановлениях, посвященных преступлениям против собственности, что обусловливается особенностями предметов специальных видов хищений и, как следствие, объектов уголовно-правовой охраны [8, с. 45-50]. Однако законодательно закрепленное определение хищения имеется только одно, и оно, с учетом обозначенных в статье обстоятельств, требует корректировки, т.к. не все его признаки в настоящее время применимы к другим видам хищений, не относящимся к преступлениям против собственности.

Представляется, что одним из актуальных в настоящее время вопросов является уточнение пункта 1 примечания к ст. 158 УК РФ путем указания на то, что данное определение распространяется только на преступления главы 21 Особенной части УК РФ. Также, ориентируясь на складывающуюся судебную-следственную практику, в примечаниях к статьям, предусматривающим ответственность за специальные виды хищений, необходимо закреплять собственные определения, по признакам адекватно соответствующие характеристикам предмета и объекта преступного посягательства.

Литература

1. Верченко Н.И., Брашнина О.А. Признаки специальных видов хищений // Современное право. 2015. № 11. С. 118-122.
2. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: монография. М.: РИОР: Инфра-М, 2012. 372 с.
3. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2019. 336 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 3. Особенная часть. Раздел IX / В.М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 298 с. URL: <https://urait.ru/bcode/514534> (дата обращения: 25.03.2023).
5. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учеб. пособие для вузов / А.В. Наумов [и др.]; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 141 с. URL: <https://urait.ru/bcode/514823> (дата обращения: 29.03.2023).
6. Радченко Т.В. Особенности квалификации хищения наркотических средств и психотропных веществ, совершенного с применением насилия // Эпоха науки. 2017. № 11. С. 68-73. URL: http://eraofscience.com/EofS/Vypyski2017/Sentjabr2017/11-sentjabr_2017_g..pdf (дата обращения: 25.03.2023).

7. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.Г. Хлебушкина. СПб.: «Р-КОПИ», 2020. 832 с.

8. Шеслер В.А. Момент окончания хищения наркотических средств или психотропных веществ // Наркоконтроль. 2020. № 3. С. 19-23.

9. Шеслер А.В., Шеслер С.С., Шеслер В.А. Момент окончания хищения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021 № 3 (42). С. 45-50.

О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОВЛЕКШИХ ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

Н.В. Тыдыкова,

кандидат юридических наук, доцент

Алтайский государственный университет

Пункты «б» частей 3 ст. 131 и 132 УК РФ предусматривают такое квалифицирующее обстоятельство совершения этих преступлений, как заражение потерпевших ВИЧ-инфекцией. Анализ этого признака показал наличие множества вопросов.

Так, для квалификации по рассматриваемому признаку имеет значение причинно-следственная связь между действиями виновного и заражением потерпевшего. Для установления наличия такой связи необходимо установить, что именно от виновного и именно в процессе совершения насильственного полового преступления произошло заражение потерпевшего или потерпевшей. Современная медицина не обладает диагностическими возможностями, позволяющими ответить на вопрос о том, не от этого ли лица произошло инфицирование потерпевшего. Возможно лишь установить примерную давность инфицирования. В настоящее время применяются тест-системы, позволяющие по иммунному ответу [2, с. 24] определить давность заражения – до 9 месяцев или более 9 месяцев [4, с. 420]. Это означает, что возможно определить только 2 периода инфицирования: в пределах 9 месяцев или более, что означает как 1 год, так и 5 лет назад.

Кроме того, следует учитывать наличие инкубационного периода ВИЧ-инфекции, длительность которого для каждого человека индивидуальна – от двух недель до 6 месяцев и более [3, с. 34] и зависит от состояния иммунитета человека. В отдельных единичных случаях инкубационный период может достигать 1 года [1, с. 87]. Средняя продолжительность составляет три месяца. В соответствии с п. 6 Правил прове-

дения обязательного медицинского освидетельствования на выявление вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) от 13 октября 1995 г. № 1017 основным методом обязательного медицинского освидетельствования является исследование сыворотки крови на наличие антител к вирусу иммунодефицита человека. А антитела к ВИЧ-инфекции с учетом длительности инкубационного периода могут появляться через 6-8 недель, или через 3-6 месяцев, или даже позднее после заражения. Таким образом, возможности определить наличие ВИЧ-инфекции у потерпевшего или потерпевшей от изнасилования или насильственных действий сексуального характера сразу после совершения преступления небольшие. Если факт заражения будет определен спустя длительное время, то не исключено, что потерпевший мог заразиться от контакта с другим лицом уже после совершения преступления или даже до него. Кроме того, инфицирование за длительный период времени могло произойти при оказании потерпевшему или потерпевшей медицинских услуг или инвазивных косметологических услуг. Нельзя исключать возможность того, что потерпевший или потерпевшая и до совершения с ними насильственного полового преступления были носителями ВИЧ-инфекции и не знали об этом факте. Поэтому установление причинно-следственной связи между деянием виновного в насильственном половом преступлении и заражением потерпевшего ВИЧ-инфекцией крайне проблематично. Представляется, что если установить такую связь не удастся, то вменить следует не рассматриваемый квалифицирующий признак, а ч. 1 ст. 122 УК РФ дополнительно к

ст. 131 или 132 УК РФ, если таковое имело место при совершении действий сексуального характера.

Сложности при квалификации по данному признаку возникают и тогда, когда лицом в отношении одной и той же потерпевшей совершаются действия, требующие квалификации по совокупности ст. 131 и 132 УК РФ. В этом случае при заражении потерпевшей ВИЧ-инфекцией возникает вопрос о том, следует ли учитывать этот квалифицирующий признак при квалификации и изнасилования, и насильственных действий сексуального характера. Теоретически, необходимо установить, от полового сношения или от иных действий сексуального характера такое заражение произошло. Если совершенные действия сексуального характера не предполагали возможности заражения (например, состояли в прикосновениях руками или поцелуях при исключении контакта крови), то рассматриваемый признак подлежит вменению только при квалификации изнасилования, т.к. заражение возможно при незащищенном половом контакте. Однако если наряду с половым сношением были совершены и такие действия сексуального характера, при которых заражение также возможно, то вряд ли возможно установить, от какого именно действия такое заражение произошло. В таком случае при установлении того обстоятельства, что заражение произошло в процессе этих преступлений, видится правильным учитывать рассматриваемый квалифицирующий признак при квалификации и по ст. 131 УК РФ и по ст. 132 УК РФ, т.к. нельзя исключать и то обстоятельство, что оба контакта находятся в причинно-следственной связи с последующим заражением. Если допустить, что только один из половых контактов стал причиной заражения, то вероятность быть такой причиной у каждого из действий сексуального характера примерно одинаковая. Аналогичная проблема возникает и при квалификации изнасилования и (или) насильственных действиях сексуального характера, совершенных группой лиц, повлекших заражение потерпевшей ВИЧ-инфекцией, когда оба виновных являлись ВИЧ-инфицированными. Ввиду того, что отсутствуют диагностические возможности для установления личности, от которой произошло заражение, решить этот вопрос в рамках существующих квалификационных правил невозможно.

Такой же вопрос сложно разрешить в случаях совершения ряда эпизодов насильственных половых преступлений в отношении одного потерпевшего, которые получают уголовно-

правовую оценку как совокупность нескольких единичных изнасилований и (или) насильственных действий сексуального характера по причине длительных разрывов во времени между их совершениями и формированием каждый раз нового умысла. Необходимо ли при квалификации каждого эпизода вменять рассматриваемый квалифицирующий признак, ведь установить, заражение от какого именно контакта произошло, невозможно? Еще сложнее для квалификации ситуация, когда виновный вступал с потерпевшей в добровольные половые контакты, а при ее отказе от продолжения отношений, совершил в отношении нее изнасилование. Даже при выявлении факта заражения потерпевшей ВИЧ-инфекцией от виновного (например, при отсутствии у потерпевшей других половых партнеров и наличии медицинских данных об отсутствии ВИЧ-инфекции до начала половых отношений с виновным) невозможно будет установить, в момент добровольных контактов такое заражение произошло или стало результатом изнасилования.

При рассмотрении данного квалифицирующего признака не может не возникнуть и вопрос о возможности квалификации по рассматриваемому признаку действий субъекта в возрасте от 14 до 16 лет. Дело в том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ, также может быть лицо, достигшее 16 лет. Ответственность за изнасилование, насильственные действия сексуального характера, повлекшие заражение ВИЧ-инфекцией, возможна с 14-летнего возраста. Но, учитывая, что если при насильственном половом контакте с ВИЧ-инфицированным заражение не произошло, требуется квалификация содеянного по совокупности с ч. 1 ст. 122 УК РФ, которая невозможна из-за того, что лица в возрасте от 14 до 16 лет не подлежат ответственности по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Получается, что если изнасилование или насильственные действия сексуального характера совершило лицо в возрасте от 14 до 16 лет и потерпевший был инфицирован, то оно подлежит ответственности за квалифицированный состав, а если инфицирования не произошло, но имело место поставление в опасность инфицирования, то ответственность такого лица данным фактом усиливаться не будет [5, с. 44-45].

Интересен вопрос о субъекте данного квалифицированного состава и в свете того, что необходимо определиться, может ли им быть лицо, не являющееся вирусоносителем? Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 122 УК РФ, предполагает заражение другого лица ВИЧ-

инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, что создает правовой пробел, который не позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, не являющихся вирусоносителями, за фактическое заражение других, например, при использовании крови зараженных лиц. Видится единственным вариантом квалификации для таких случаев ч. 1 ст. 122 УК РФ, что, конечно же, не учитывает фактически имевшего место заражения и не отражает общественной опасности деяния. Видится правильным внесение изменений в ч. 2 ст. 122 УК РФ, которые бы обеспечили возможность уголовно-правовой оценки и таких случаев, например, в такой редакции: «Умышленное или легкомысленное заражение другого лица ВИЧ-инфекцией». Конструкция же квалифицированных составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера требует лишь фактическое заражение ВИЧ-инфекцией в результате изнасилования и насильственных действий сексуального характера и не содержит указания на то, что заражающее лицо само должно быть носителем этой инфекции. На основании этого можно прийти к выводу, что субъектом исследуемых квалифицированных составов может быть также и лицо, не являющееся носителем ВИЧ-инфекции. При решении этого вопроса следует учесть, что в ст. 131 и 132 УК РФ речь идет о том, что заражение ВИЧ-инфекцией явилось следствием именно изнасилования и насильственных действий сексуального характера, в объективную сторону кото-

рых, помимо собственно действий сексуального характера, входит также и применение насилия. Поэтому можно представить такую ситуацию, когда виновный преодолевал сопротивление потерпевшего, угрожая иглой с кровью инфицированного, а потом еще в процессе применения физического насилия инфицировал потерпевшего. Представляется, что в этом случае возможно вменение рассматриваемого признака, хотя и виновный не является носителем ВИЧ-инфекции. Однако следует оговориться, что подобный вариант квалификации хотя и видится разумным решением вопроса, однако противоречит сложившейся практике толкования квалифицирующих признаков составов преступлений, которые одновременно представляют собой самостоятельный состав преступления. Например, ст. 119 УК РФ содержит указание на реальность угрозы убийством. Однако при закреплении квалифицирующего признака «соединенное с угрозой убийством» в различных составах преступлений, в т.ч. в пунктах «б» частей 2 ст. 131 и 132 УК РФ, законодатель этот признак не закрепляет, хотя правоприменительная практика идет по пути обязательности его установления для квалификации по этому признаку.

Таким образом, решение некоторых проблем квалификации насильственных половых преступлений, повлекших заражение потерпевшего ВИЧ-инфекцией, требует развития не только знаний в области уголовного права, но и медицинских технологий.

Литература

1. Афтаева Л.Н., Мельников В.Л., Вотолкина С.В., Судапина А.Р. и др. Особенности ВИЧ-инфекции у взрослых // Сибирский научный медицинский журнал. 2020. № 40 (4). С. 86-90.
2. Загрядская Ю.Е., Нешумаев Д.А., Кокотюха Ю.А., Мейрманова Е.М. и др. Оценка новой тест-системы дс-ифа-вич-ат-срок для определения вероятных сроков заражения вирусом иммунодефицита человека 1-го типа (ВИЧ-1) // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2015. № 3. Т. 20. С. 23-26.
3. Миляева Ю.В. ВИЧ-инфекция: профилактика и лечение // Медицинская сестра. 2010. № 2. С. 33-35.
4. Нешумаев Д.А., Рузаева Л.А., Шевченко Н.М., Кокотюха Ю.А. и др. Опыт использования теста для определения давности заражения в диагностическом алгоритме ВИЧ-инфекции // Инфекция и иммунитет. 2012. С. 420.
5. Тыдыкова Н.В. Заражение потерпевшего венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией как квалифицирующий признак: критика уголовного закона // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 41-46.

О ВЛИЯНИИ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРОФИЛАКТИКУ ПОБОЕВ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ

А.Ф. Федоров,

кандидат педагогических наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России

Исследование истории развития человеческой цивилизации свидетельствует о том, что на протяжении тысячелетий люди в своих взаимоотношениях постоянно использовали насилие как способ решения тех или иных проблем.

На глобальном уровне это проявлялось и проявляется в применении силы в многочисленных военных конфликтах, на индивидуальном уровне – в решении конфликтов межличностных.

Что касается конфликтов между людьми, то насилие практически постоянно применяется в повседневной жизни людей, часто приводит к самым негативным последствиям.

Официальной статистикой МВД России доводятся сведения, согласно которым наше общество от рук преступников ежегодно теряет более 20 тыс. человек погибшими и еще более 30 тыс. наших граждан наносится серьезный вред здоровью [5].

Юридический словарь трактует насилие как физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность в физическом и духовном смысле [1, с. 397].

Наиболее опасным по последствиям, безусловно, является физическое насилие, выражающееся, как правило, в нанесении побоев и телесных повреждений.

Побои представляют собой самый распространенный вид физического насилия и заключаются в нанесении ударов с целью причинения боли другому человеку. В результате побоев могут возникнуть ссадины, кровоподтеки, небольшие раны, которые не вызывают кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности.

В силу последнего обстоятельства законодателем в результате нескольких изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), нанесение побоев было практически декриминализовано, т.к. уголовная ответственность на сегодняшний день предусмотрена только, если деяние совершено из хулиганских побуждений, а равно по мотивам

политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Что касается причинения побоев при отсутствии таких мотивов, то за данные деяния в настоящее время предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Кроме того, законодатель предусмотрел и уголовную ответственность за нанесение побоев путем применения административной преюдиции, т.е. если деяние было совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние или имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия.

Многочисленные дискуссии ученых и практиков [2, 6] по поводу декриминализации побоев на протяжении пяти последних лет, прошедших после существенных изменений законодательства, пока не привели к каким-либо конкретным выводам и результатам, несмотря на весьма значительный прирост числа данных противоправных деяний за этот период.

Это наглядно подтверждается путем анализа имеющихся статистических данных, которые свидетельствуют о том, что если до внесения изменений в законодательство, декриминализовавших побои, в России ежегодно регистрировалось более 80 тыс. таких преступлений, то по итогам последующих лет ежегодная общая цифра по количеству как административно, так и уголовно наказуемых побоев постоянно превышает отметку в 200 тыс. случаев.

При этом также необходимо отметить, что на фоне некоторого наметившегося снижения административно наказуемых побоев в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ и уголовно наказуемых побоев в соответствии со ст. 116 УК РФ прослеживается устойчивая тенденция к росту уголовно наказуемых побоев с административной преюдицией, регламентированных ст. 116.1 УК РФ, т.е. наблюдается весьма значительный

рост количества повторных деяний. За последние пять лет число таких побоев возросло с 2696 случаев в 2018 г. до 7295 преступлений по итогам 2022 г., или в 2,7 раза.

Профилактикой нанесения побоев в настоящее время по большей части занимаются подразделения участковых уполномоченных полиции, деятельность которых регламентирована приказом МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности».

Пункт 9 этого приказа прямо указывает эту работу в качестве одной из основных задач, которые должен решать участковый уполномоченный полиции при несении службы на обслуживаемом административном участке, а именно:

- принимать меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений;

- осуществлять превентивные меры по снижению риска совершения преступлений лицами, имеющими непогашенную (не снятую) судимость, уделяя особое внимание выявлению деяний, предусмотренных ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 и 314.1 УК РФ, ст. 6.1.1 и 19.24 КоАП РФ, а также бытовых преступлений [3].

С учетом указанных статистических показателей полагаем, что на данный момент декриминализация побоев достигла только целей гуманизации и либерализации законодательства, однако эффективно защитить таким путем личность и порядок управления от указанных противоправных деяний, как это предусматривали авторы законопроекта, пока явно не удастся.

Кроме того, показатели по количеству правонарушений, связанных с нанесением побоев, свидетельствуют о возросшей почти в три раза нагрузке на сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции, занимающихся профилактикой данных посягательств.

На наш взгляд, декриминализацией побоев была явно занижена степень общественной опасности таких деяний, в силу того, что в определении административного правонарушения, данном в ст. 2.1 КоАП РФ, не содержится

такого признака. Соответственно, побои, регламентированные ст. 6.1.1 КоАП РФ, не обладают, по мнению законодателя, значительной степенью общественной опасности, что противоречит ст. 2 Конституции РФ, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Помимо этого, ст. 21 Конституции РФ говорит о том, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

В этой связи полагаем, что необходимо полностью согласиться с точкой зрения Н.А. Лопашенко, которая считает, что если деяние обладает общественной опасностью, достаточной для признания его преступлением, не нужно занижать степень общественной опасности искусственно и объявлять это деяние административным деликтом [2, с. 84-93].

Такая позиция соответствует и самой идее введения административной преюдиции в УК РФ, озвученной в 2009 г. Президентом РФ в его ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ и состоящей в том, что в уголовном законе следует шире использовать административную преюдицию, т.е. привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения [4].

По смыслу данного заявления Президента РФ речь идет о признании преступлениями неоднократно повторяющихся административных правонарушений в целях их профилактики, но никак не о декриминализации преступных деяний, тем более связанных с насилием.

С учетом изложенного полагаем, что вопрос об отнесении побоев к деяниям уголовного или административно-правового характера нуждается в дальнейшем научном изучении для оптимизации установления вида ответственности, назначения справедливого наказания с целью снижения нарушений закона и максимального профилактического воздействия на виновных лиц со стороны участковых уполномоченных полиции.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1998. Т. VI. 790 с.
2. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84-93.

3. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 04.03.2023).

6. Трофина И.А., Тютюник Р.Я. Привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ // Законность. 2021. № 5.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 356¹ УК РФ

А.А. Чугунов,

кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

Е.Р. Власенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В условиях сложившейся вокруг Российской Федерации ситуации на международной арене с учетом введения на территории отдельных субъектов нашего государства соответствующих правовых режимов [1, с. 166-168] возникла необходимость восстановить ответственность за ряд преступлений, в число которых вошло мародерство. Обстановка совершения преступления во время ведения боевых или военных действий обладает повышенной общественной опасностью, вследствие чего может быть оправдано ужесточение ответственности за его совершение. Возможность совершения мародерства в связи с произошедшим бедствием, с использованием беспомощности людей доказывает повышенную опасность виновных, которые, помимо изложенного, используют свое служебное положение для облегчения реализации преступного умысла [3]. Подобные противоправные действия нередко становятся причиной недоверия граждан к действиям государства в лице его армии, что недопустимо.

В настоящей редакции УК РФ мародерство определяется как «совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого иму-

щества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)».

Основным непосредственным объектом являются общественные отношения по обеспечению безопасности собственности лиц, находящихся под защитой международного права в условиях ведения боевых действий. В качестве дополнительного непосредственного объекта могут выступать здоровье и жизнь людей. Предмет преступления – чужое имущество. Факultatивным признаком является потерпевший, которым по смыслу статьи могут выступать военнослужащие, в т.ч. раненые, а также гражданское население.

Объективная сторона выражается в виде действий, направленных на противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества. Обязательным конструктивным признаком является обстановка: период военного положения, военное время либо условия вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Заметим, что при описании деяния как обязательного признака объективной стороны состава преступления, законодатель не использует понятие «хищение», а лишь опирается на некоторые его признаки. Таким образом, с нашей точки зрения, наступление общественно опасных последствий в виде причинения ущерба для квалификации преступного поведения по

рассматриваемой статье не имеет значения, что является основанием для вывода о том, что состав преступления – формальный. Действительно, в рассматриваемой обстановке зачастую для родственников убитых – лиц, могущих выступать в качестве потерпевших, ценность представляет не само имущество (его материальный эквивалент), а духовное содержание, как память о погибшем. Общественную опасность в данном случае при изъятии такого имущества представляют сами действия лиц, которые вместо помощи в критической ситуации стремятся воспользоваться случаем и обогатиться за счет чужого горя. Для квалификации не имеет значения и способ изъятия (обращения в чью-либо пользу), поэтому при возникновении конкуренции ст. 356¹ УК РФ и статей, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против собственности, следует применять специальную норму при наличии в составе обязательных конструктивных признаков.

Субъект общий: исходя из содержания диспозиции статьи, им может являться любое физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, при этом не исключается такой субъект, как военнослужащий.

Субъективная сторона – умышленная форма вины в виде прямого умысла: лицо осознает, что безвозмездно, противоправно изымает и (или) обращает в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество и желает поступить таким образом. Обязательно наличие корыстной цели.

Подводя итог вышесказанному, в настоящей редакции мародерства законодатель приводит довольно обширный круг обстоятельств, при которых может применяться норма. Не имеют значения место совершения преступления или статус виновного. Делая акцент на опасность обстановки, законодатель уходит от охраны установленного порядка прохождения военной службы, что исключает помещение рассматриваемого состава в соответствующий раздел УК РФ. Отсутствие всех признаков хищения служит основанием для помещения статьи в раздел, отличный от содержащего перечень преступлений против собственности. Законодатель закрепил статью в разделе XII УК РФ, что мы можем объяснить отражением требований соответствующих международно-правовых нормативных актов, которые ограничивают средства и методы ведения войны.

В международном праве ведение вооруженных конфликтов регулируется Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним. В частности, их нормы направлены на защиту людей, которые не принимают участия в военных действиях, или тех, кто по каким-либо причинам (в т.ч. получение ранения, заболевание, попадание в плен) перестал принимать участие в военных действиях. Четвертая Женевская конвенция обеспечивает защиту гражданского населения, в т.ч. на территории, захваченной вооруженными силами стороннего государства. Дополнительные протоколы налагают ограничения на средства и методы ведения войны. Так, мародерство на международной арене рассматривается в широком смысле: запрещается ограбление на неприятельской территории, в т.ч. с применением насилия [2].

Поэтому, вводя подобный состав преступления, законодатель стремится защитить общественные отношения и интересы по обеспечению мира и безопасности человечества, т.е. состояния защищенности всего населения планеты от глобальных угроз социально-политического характера, и помещает «мародерство» в соответствующих раздел УК РФ. Видовым объектом выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе выполнения предписаний, содержащихся в нормах международного права, и реализации соответствующих принципов, которые обеспечивают мирное существование государств и народов. Действительно, армия, в которой распространено мародерство, воевать не способна. Оно ведет к падению дисциплины, подкупу вышестоящих чинов, отступлению от непосредственной тяжелой работы и другим социально негативным последствиям, которые отражаются на политической сфере жизнедеятельности. Процветает преступность, падает авторитет власти, что ведет к нарушению нормального функционирования общества.

Учитывая изложенное, считаем, что существующая редакция статьи, предусматривающей уголовную ответственность за мародерство, с ее отличительными особенностями позволит сформировать устойчивую правоприменительную практику, чтобы наиболее эффективно обеспечивать правопорядок и поддерживать стабильное функционирование общественной жизни в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Литература

1. Ботвин И.В. Тенденции уголовной политики по борьбе с «новыми» угрозами // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции (Барнаул, 28-29 июня 2022 г.) / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022.
2. Женевские конвенции: основа международного гуманитарного права. 8 августа 2019 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/zhenevskie-konvencii-osnova-mezhhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava> (дата обращения: 03.02.2023).
3. Президент России ввел военное положение в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Стенограмма и видео выступления Владимира Путина на заседании Совета Безопасности РФ. URL: <https://rg.ru/2022/10/19/prezident-rossii-vvel-voennoe-polozhenie-v-dnr-lnr-hersonskoj-i-zaporozhskoj-oblastiah-stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-zasedanii-soveta-bezopasnosti-rf.html> (дата обращения: 03.02.2023).

ИЗМЕНЕНИЕ СУДОМ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

О.А. Шатилова,

кандидат исторических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Изменения и дополнения, внесенные федеральным законом в феврале 2011 г. в российское уголовное законодательство, существенным образом расширили полномочия судей в части назначения уголовного наказания. В этой связи нормы ст. 15 УК РФ претерпели изменения, суть которых заключается в возможности судов изменять категорию преступления на менее тяжкую, что представляется не совсем правильным.

По мнению Верховного Суда РФ, изменение категории преступления на менее тяжкую положительно отразится на положении осужденного, поскольку влияет на выбор исправительного учреждения, где данному лицу предстоит отбывать наказание, а также положительно образом может отразиться на других правовых моментах.

Следует согласиться с позицией Н.Е. Крыловой, что внесенное нововведение в институт категоризации преступлений не только поставило его под сомнение, но и под сомнение также автоматически ставится вопрос о понятии «общественная опасность преступления». Недаром большинство специалистов в области уголовного права и законодательства данную норму провозгласили «миной замедленного действия» [3, с. 26-27]. Бесспорно, характер и степень общественной опасности выступают не только основным критерием в классификации преступле-

ний, но также и средством индивидуализации уголовного наказания.

А.В. Елинский в своей работе относительно решений по уголовным делам пишет: «Прежде чем отнести преступление к какой-либо из категорий, необходимо изначально исходить из санкции, предусматривающей уголовное наказание за его совершение, что касается срока и размера наказания, то в данной ситуации применение категоризации неприменимо» [2, с. 211].

Законодатель ввел в Уголовный кодекс дополнительный критерий, позволяющий суду оценить тяжесть совершенного деяния. К ним относятся фактические обстоятельства уголовного дела, которые должны быть оценены только судом при разрешении вопроса относительно изменения категории преступления, не давая при этом четких и вразумительных комментариев относительно того, что следует понимать под «учетом фактических обстоятельств по уголовному делу». Если внимательно изучить данное понятие, то видно, что именно фактические обстоятельства дела позволяют категоризировать тяжесть содеянного. Проблема изменения судом категории преступления на менее тяжкую носит не только материальный характер, но и процессуальный. Как показывает судебная практика, большинство приговоров, как обвинительных, так и оправдательных, в мотивировочной части не имеют правового обоснования,

позволяющего говорить о виновности или невиновности осужденного (оправданного), что указывает на серьезные нарушения нормы уголовно-процессуального законодательства. Применение судами положений п. 6 ст. 15 УК РФ, как показала практика, происходит в большинстве случаев необоснованно, опираясь больше на субъективные критерии судей, нежели на объективные. Анализируя обвинительные приговоры, можно заметить, что в их мотивировочной части не указываются какие-либо конкретные фактические обстоятельства. Единственное, что можно увидеть в приговорах, так это просто пустую фразу «фактические обстоятельства совершения преступления и...». При этом происходит своего рода подмена таких понятий, как мотив и основания, на базе которых строится обвинительный или оправдательный приговор. В отдельных приговорах данный вопрос вообще обсуждению не подлежит. Так, одним из судей Алтайского краевого суда было указано, что суды первой инстанции неправильно применяют положения п. 6 ст. 15 УК РФ, иными словами, необоснованно изменяют категорию преступления. В приговоре отсутствуют мотивы и основания, позволяющие судье изменить категорию преступления на менее тяжкую, а фраза «фактические обстоятельства совершенного преступления и степень его общественной опасности» не несет никакой смысловой нагрузки. Так, Ленинским районным судом г. Барнаула гр. А. и В. признаны виновными в совершении преступления по ч. 3 ст. 160 УК РФ, а также по ч. 1 ст. 292 УК РФ. Согласно обстоятельствам уголовного дела, виновные лица осуждены за растрату средств из федерального бюджета в размере 79 000 рублей, предназначенных для оплаты расходов колледжа и командировок работникам данного учебного заведения. Денежные средства были потрачены на проведение праздничных мероприятий, не связанных со служебной деятельностью. Суд первой инстанции при вынесении приговора изменил категорию преступления с тяжкого на средней тяжести, делая акцент на то, что «фактиче-

ские обстоятельства и степень общественной опасности» в данном случае не нашли своего отражения, в связи с чем суд применил нормы п. 6 ст. 15 УК РФ. Как мы видим, суд первой инстанции в обвинительном приговоре изложил поверхностные суждения, без какой-либо конкретизации обстоятельств, которые в действительности могли послужить основанием для изменения категории преступлений [1].

В заключение отметим, что как в теории, так и в правоприменительной практике до настоящего времени так и не внесено ясности относительно применения положений п. 6 ст. 15 УК РФ.

Нормы ст. 15 УК РФ позволяют изменить категорию преступления при наличии четырех оснований:

- 1) с учетом фактических обстоятельств уголовного дела;
- 2) с учетом степени общественной опасности;
- 3) при наличии имеющихся в уголовном деле смягчающих и отягчающих обстоятельств;
- 4) назначенное судом уголовное наказание не должно выходить за пределы, обозначенные санкцией статьи Особенной части УК РФ.

Однако несмотря на законодательное закрепление перечисленных оснований, ни в теории, ни в правоприменительной практике они так и не нашли однозначного понимания. В частности, неясным остается вопрос относительно фактических обстоятельств и степени общественной опасности, почему, применяя положения п. 6 ст. 15 УК РФ, не следует ссылаться на смягчающие и отягчающие обстоятельства и т.д.

Разъяснения, данные Верховным Судом Российской Федерации в 2018 г., также не конкретизируют и не комментируют нормы п. 6 ст. 15 УК РФ и порядок их применения.

В связи с вышесказанным представляется целесообразным законодателю указать конкретные основания, которые в дальнейшем могут способствовать изменению категории преступления именно в рамках п. 6 ст. 15 УК РФ, устранив, таким образом, данную проблему.

Литература

1. Архив Ленинского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-206/2017.
2. Елинский А.В. Уголовное право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2020.
3. Крылова Н.Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2021. № 6.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В ФОРМЕ НАВЯЗЧИВОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (СТАЛКИНГ)

Ю.А. Шутова

Санкт-Петербургский университет МВД России

Ввиду динамично развивающихся общественных отношений появляются все новые формы психического насилия, такие как stalking (навязчивое преследование), буллинг (травля), харрасмент (сексуальное домогательство) и др. [1, с. 76-78]. Исследование указанных форм психического насилия должно идти в ногу со временем для выработки необходимых мер защиты от противоправного психического воздействия.

В современной науке stalking определяет как настойчивое преследование, при котором один человек неоднократно навязывает другому нежелательные связи и (или) контакты. Л.Н. Ключенко полагает, что под навязчивым преследованием следует понимать «психическое воздействие на потерпевшего, совершаемое путём систематических оскорблений, шантажа, демонстраций агрессии или иных действий и причинившие потерпевшему нравственные страдания» [2, с. 163]. В.Л. Самуткин и Е.Г. Сторублёнова высказывают позицию о том, что «навязчивое преследование заключается в повторных и продолжающихся попытках (хотя бы один месяц) навязать другому человеку не желаемое знакомство и (или) контакт» [4, с. 280].

В век цифровых технологий, широкого развития сети Интернет и СМИ нельзя игнорировать зарубежный опыт, касающийся правового урегулирования вопросов stalking. Преследование во многих западных странах является преступлением, за которое наступает уголовная ответственность. Особенно этот процесс активизировался после вступления в силу в 2011 г. Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [3]. Так, в настоящее время большинство западных стран, ратифицировавших данную Конвенцию, закрепили в национальных уголовных кодексах ответственность за навязчивое преследование.

Однако стоит отметить, что в законодательном определении общественно опасного явления stalking нет единообразия. По-видимому, stalking – это неуловимая концеп-

ция, бросающая вызов национальным законодателям. Для обобщения различий в формулировании stalking как преступления стоит отметить некоторые спорные моменты.

Во-первых, указанное противоречие касается законодательного закрепления негативных последствий для потерпевших.

С одной стороны, есть ученые, которые утверждают, что «страх» является неотъемлемым элементом преследования. Без страха такое поведение может квалифицироваться как преследование, но не как уголовно наказуемое преследование. Разрешение законодательных конструкций, нейтральных к страху, приведет к (чрезмерной) криминализации раздражающего поведения, тем самым нарушая принцип *ultimo ratio* (криминализация как крайняя мера).

С другой стороны, противники утверждают, что исключительное внимание к жертвам, испытывающим чувство страха, является излишне ограничительным. В данной ситуации определенные группы жертв остаются незащищенными, особенно на этапе, когда преследование еще не стало общественно опасным и раннее вмешательство правоохранительных органов может предотвратить дальнейшее обострение ситуации и уменьшить вероятность физического насилия.

Корень данной проблемы уходит в то обстоятельство, что негативные последствия, включенные в текст уголовно-правовой нормы, должны быть установлены и доказаны правоохранительными органами. Это означает, например, что в Германии правоприменителям необходимо доказать, что преследование «серьезно нарушило образ жизни жертвы», в то время как в Польше преследование должно вызывать у жертвы «обоснованный страх» или «значительно нарушило её покой». В Италии преследование должно вызывать у жертвы «определенный уровень беспокойства или страха». Указанные последствия зарубежным правоприменителям придется оценивать посредством судебной экспертизы.

Напротив, в некоторых странах закон не требует, чтобы жертва испытывала страх, стра-

дание или какие-либо другие негативные последствия в результате преследования. Такое положение, нейтральное к последствиям, следует предпочесть, по крайней мере, с точки зрения жертвы, поскольку оно существенно облегчает бремя доказывания. Правоприменитель не обязан доказывать, какие именно последствия возникли в результате психического воздействия в виде stalking.

В результате указанных противоречий Соединенные Штаты Америки объективизируют этот элемент, вводя стандарт разумного человека. Уже не имеет значения, действительно ли жертва испытывала определенный уровень страха, – это не обязательно устанавливать и доказывать, – но будет понятно, что разумный человек переносит эмоциональный стресс из-за повторяющегося, навязчивого преследования.

Во-вторых, зарубежные законодатели выделили разные категории специальных потерпевших в качестве квалифицирующего признака навязчивого преследования.

Так, например, в Италии в число специальных потерпевших квалифицирующего состава stalking вошли: бывший партнер, несовершеннолетний, беременная женщина или инвалид. В Венгрии преследование бывшего супруга, или зарегистрированного партнера, или лица, находящегося под его опекой, надзором или

лечением, выступает в качестве квалифицирующего признака.

Между тем практика выделения конкретных потерпевших и наложение повышенного наказания для тех, кто нацелен на них, быстро распространяются по всей Европе. На данный момент в общей сложности девять стран включили специальных потерпевших в качестве квалифицирующего признака состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за навязчивое преследование (Бельгия, Хорватия, Чешская Республика, Франция, Венгрия, Мальта, Словакия, Словения и Испания).

Однако, по-видимому, существует расхождение в отношении закрепления точных характеристик специальных потерпевших. В то время как в некоторых странах физические и психические особенности потерпевших являются определяющим критерием – например, если потерпевшим является ребенок, беременная женщина или лицо, страдающее физическими или умственными недостатками. Другие страны ввели более строгое наказания для преступников, нацеленных на жертв, с которыми они имеют особые отношения. В этих странах преследование (бывшего) супруга или (бывшего) романтического партнера, членов семьи или лиц, находящихся под их опекой или властью, приводит к более суровым видам наказания.

Литература

1. Ботвин И.В. Модернизация уголовного закона в эпоху цифровизации // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат-лы XXII Всерос. науч.-практ. конф-ции (Новокузнецк, 19-20 октября 2022 г.) / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН, 2022. С. 76-78.
2. Клоченко Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 206 с.
3. Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (CETS N 210) (Вместе с «Привилегиями и иммунитетами...») (Заключена в г. Стамбуле 11.05.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
4. Сторублёнкова Е.Г., Самуткин В.Л. Stalking: синдром навязчивого преследования // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 278-281.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Л.В. Яковлева,

доктор юридических наук, доцент

ВНИИ МВД России

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) можно охарактеризовать как правовой документ, сложный для понимания и применения. Несмотря на то, что он регулирует правоотношения, возникающие по поводу совершения преступления, сами преступления совершаются в различных сферах жизнедеятельности.

Правильно квалифицировать деяние можно только при хорошем знании позитивного законодательства, к которому адресуют бланкетные нормы УК РФ, присутствующие в нем в большом количестве. Нормы позитивного законодательства часто меняются, отражая тенденции общественной жизни каждого этапа развития общества. Вслед за ними трансформируются и нормы уголовного законодательства. Этот процесс перманентен и неостановим. И если бы проблемы реализации норм уголовного закона ограничивались этими трудностями, решить их можно было бы путем повышения качества и уровня знаний базового законодательства сотрудниками правоприменительных органов.

Однако научно-технический прогресс и сопутствующие ему достижения в сфере развития информационно-телекоммуникационных технологий осложняют понимание отдельных признаков составов преступлений. Данное утверждение можно распространить даже на преступления, которые давно известны уголовному закону и криминализованы едва ли не одними из первых после убийства. В качестве таких преступлений выступают, например, кража и мошенничество.

Рассуждая о времени возникновения норм права, Н.Г. Иванов пишет: «Правовая норма появилась с того момента, когда появился первый забор собственника, через который перелезали “злодеи”, посягая на то, что не принадлежало им» [2, с. 9]. Проблем с квалификацией таких хищений не возникало в течение многих веков, поскольку в этих случаях имущество непосредственно переходило в чужое неправомерное владение. Осложнения стали возникать при «отягощении» процесса неправомерного обрете-

ния имущества, когда между собственником имущества и похищающим его лицом отсутствует личный контакт, а незаконное изъятие имущества происходит опосредованно. В новых способах совершения кражи и мошенничества такими «посредниками» являются технические устройства или средства передачи информации.

В связи с этим у практических работников стали обоснованно возникать вопросы, как квалифицировать кражу с банковского счета или кражу электронных денежных средств или что относить к мошенничеству с использованием электронных средств платежа.

В юридической литературе появилось множество публикаций, содержащих порой прямо противоположные варианты квалификации таких действий. Не отличалось единообразием и судебное толкование. Разные суды давали различные правовые оценки содеянному. Разрешить создавшуюся коллизию можно было двояко: либо изменить закон, либо растолковать предписания УК РФ, вызывающие столько споров.

Изменять УК РФ в этой части было нецелесообразно, поскольку деяния, описанные в п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159³ УК РФ, продолжали совершаться, и число их неуклонно росло. Разрешить вопрос предстояло Пленуму Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), который внес в 2021 г. соответствующие изменения в постановления от 30.11.2017 № 48 [6] и от 27.12.2002 № 29 [5]. После этого, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), правовая неопределенность в толковании указанных норм была ликвидирована [4].

Суть внесенных Пленумом ВС РФ изменений сводилась к тому, что те действия, которые ранее рекомендовалось квалифицировать по ст. 159³ УК РФ, надлежало теперь рассматривать как кражу, предусмотренную п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Соответственно в настоящее время кражей признается изъятие денежных средств лица через банкомат либо в торговой

или кредитной организации. Обман или введение в заблуждение сотрудников этих организаций относительно правомерности обладания платежной картой не признается мошенничеством, как это предлагалось считать ранее. На данное обстоятельство обращается внимание и в определении КС РФ [4].

Представляется, что такие разъяснения высших судебных инстанций правильны. Они основаны на классическом толковании содержания «мошенничества», неотъемлемым признаком которого является обман или злоупотребление доверием собственника имущества, на которое неправомерно посягает виновный, либо лиц, в ведении или под охраной которых такое имущество находится. Сотрудники торговых или кредитных организаций не только не являются собственниками имущества, но они и не уполномочены ни хранить чужое имущество, ни распоряжаться им, поэтому обман этих лиц нельзя рассматривать как мошенничество. В этом отношении они ничем не отличаются от банкоматов (хотя такое сравнение людей с неодушевленными предметами и некорректно), через которые похищаются чужие денежные средства.

Таким образом, на примере двух рассмотренных норм УК РФ можно еще раз убедиться в том, что недооценивать значение разъяснений и рекомендаций, содержащихся в постановлениях Пленума ВС РФ, нельзя. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание учеными. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, разъяснения Пленума ВС РФ «конкретизируют “букву” закона. Последняя является достаточно общей, и трудность любого правоприменителя заключается (всякий раз) в поиске ответа на вопрос о том, а охватывается ли данный конкретный случай “буквой” уголовного закона и, следовательно, состав рассматриваемого судом деяния образует состав инкриминируемого лицу преступления» [3, с. 61].

Вместе с тем нельзя не согласиться и с позицией тех авторов, которые полагают, что разъяснения Пленума ВС РФ «в определенных ситуациях формируют подзаконные уголовно-

правовые нормы» [1, с. 127], имеют «нормативное уголовно-правовое значение, поскольку содержащиеся в нем предписания компенсируют пробелы в УК РФ, устраняют противоречия в уголовном законе, осуществляют его нормативную конкретизацию» [7, с. 17].

Подтверждение данных выводов ученых можно обнаружить в нескольких постановлениях Пленума ВС РФ, принимаемых в последние годы. Применительно к рассматриваемым нормам с учетом особенности предмета и способа совершения преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и в ст. 159³ УК РФ, Пленуму ВС РФ пришлось скорректировать момент окончания данных преступлений, отличающийся от закрепленного в УК РФ положения, содержащегося в прим. 1 к ст. 158 УК РФ.

В упоминавшемся постановлении Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 указано, что мошенничество, предметом которого выступают «безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, <...> следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб», тогда как иные виды мошенничества признаются оконченными, когда чужое имущество «поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность <...> пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению» [6]. Аналогичное положение включено и в постановление Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29 в отношении кражи [5]. В этих случаях момент окончания преступления перенесен на более раннюю стадию – на стадию изъятия денежных средств, а не на время, когда эти средства поступают к похитителям.

Способы совершения и иных преступлений, которые связаны с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, особенно моменты их окончания, также излагаются ВС РФ иначе, чем это принято в отношении деяний, где такие способы не использовались.

Литература

1. Жалинский А. Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования // Уголовное право. 2010. № 4. С. 127-130.
2. Курс российского уголовного права. Общая часть: учебное пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яценко. М.: Экономика. 2010. 666 с.
3. Наумов А. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2. С. 59-63.

4. О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2021 № 1374-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022 № 38) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

7. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 61 с.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Р.М. Абызов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

П.Д. Фризен,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

История развития человечества – это всего лишь субъективная интерпретация эпохальных событий, которые имеют устойчивую тенденцию к иносказаниям. Искаженные данные порой могут носить даже специально сфальсифицированный, в угоду правителям и господствующему сословию, характер. Значит, изучая социально-экономические, политические, правовые и прочие обстоятельства, обуславливающие преступность в различные периоды, исследователи не имели возможности адекватно осознавать как прошлую, так и нынешнюю реальность [5, с. 47-50]. Следовательно, свои выводы они строили на анализе информации, не соответствующей действительности, и формулировали предложения и рекомендации, которые не отражают требования текущих событий и времени.

В настоящее время, по мнению мэтра отечественной криминологии – профессора Ю.М. Антоняна, причины преступности в нашей стране исследуются крайне мало, во всяком случае, на должном теоретическом уровне. То, что имеется сейчас в учебниках по криминологии, он в расчет не принимает, поскольку в причинном аспекте рассматриваются лишь отдельные социальные обстоятельства [3, с. 59-64].

Действительно, подавляющее большинство исследователей изучают преступность и причины, ее обуславливающие, преимущественно с помощью статистических и социологических методов. Такие методы отлично реализовывали необходимые задачи на заре зарождения отечественной криминологии, однако сегодня такого арсенала методов явно не достаточно, в силу того, что они способны транслировать лишь самый верхний слой информации об изучаемых явлениях.

Если обратиться к работам известных отечественных криминологов, внёсших достойный вклад в исследование причин российской преступности, прослеживаются следующие тенденции: не существует универсальной причины или перечня таких причин, обуславливающих весь

спектр преступлений [6, с. 12-17, 864]; сложившаяся в настоящий момент концепция причинности в криминологии не выдерживает критики [8]; непосредственные причины следует искать в сознании человека [9]; существует своего рода генетическая преступная предрасположенность [7].

Действительно, превозносить материальные потребности в качестве первопричины преступности однобоко, к тому же такой подход является только лишь материалистическим. По мнению профессора Ю.М. Антоняна, такая ригидность представления действительности заслоняет истинные факторы преступности, которые всегда сложны, многослойны, противоречивы [1, с. 285].

Обращаясь к современной действительности, невольно напрашивается вывод о том, что криминализация общественных отношений, а главное – общественного и индивидуального сознания, сегодня опережает, а порой даже воспроизводит негативные тенденции существующей реальности. Далеко ходить не надо, это наглядно демонстрирует сложившаяся криминальная субкультура.

За последние 30 лет в стране образовался криминальный и полукриминальный анклав, игнорирующий правовое поле государства. Сюда же следует добавить беспомощность государства в вопросах серьёзного подрыва фундаментальных устоев преступности, что свидетельствует о неэффективности борьбы с ней, а лишь о сдерживании преступности на определенно допустимом для власти уровне.

И наконец, где следует искать эти самые причины преступности? Позволим себе остановиться на трех наиболее важных, на наш взгляд, моментах, естественно, небесспорных и достойных дискуссии.

Во-первых, конкретный комплекс преступности можно выявить лишь на региональном и муниципальном уровнях, в чём мы убедились, изучая криминальную ситуацию на территории Алтайского края за период с 2015 по 2020 г., да

и то лишь по наиболее распространённым либо тяжким и особо тяжким преступлениям.

Во-вторых, в качестве реально действующих причин преступности следует выделить: а) несовершенство системы жизнеустройства и жизнеобеспечения большей части населения; б) осознание первого факта большей частью социума и их желание к улучшению ситуации [11, с. 21, 25].

В-третьих, о наиболее спорном, пожалуй, моменте – о классическом споре относительно соотношения и первичности материального либо духовного, объективного либо субъективного и т.п. в причинах преступности. Другими словами, вопрос стоит об объективной либо субъективной детерминированности преступлений.

Стремительно меняющаяся постмодернистская реальность, выражающаяся в ускоряющейся тенденции по информатизации и цифровизации государства и общества, выводит сознание на первый план в попытках объяснить причинность преступности.

Отдельно стоит отметить, что разрыв между криминологией и смежными дисциплинами играет негативную роль в понимании природы и причин преступности. Большинство криминологов лишь вскользь знакомы с трудами Ч. Ломброзо, З. Фрейда или К.Г. Юнга.

Если же попытаться проследить путь формирования причин преступности и глубже понять ее вечный характер, то необходимо обратиться к истокам. Факт того, что человек появился не в дружелюбной среде, неоспорим. Первобытного человека окружала пугающая и непонятная атмосфера, наполненная различными трудностями и опасностями, начиная с диких животных и неясности природных явлений и заканчивая местом и ролью самого себя в мире.

Удовлетворение экзистенциальных и базовых потребностей способствовало выработке определенных механизмов защиты, одним из них стало агрессивное поведение. То есть агрессивная природа породила не менее агрессивного человека, а государство лишь решает, какие именно проявления этой самой агрессии считать преступлениями. Такая гипотеза, конечно, нуждается в эмпирической проверке, однако это отдельная тема для исследования.

Несмотря на то, что агрессия не является правовым термином, она охватывает широчайший спектр действий, от покушений на чужое имущество до посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство. Интересным представляется, что мотивы преступного поведения практически не изменились с самых древних времен.

Стоит отметить, что конфликты, противоречия в обществе и другие социальные причины могут также выступать источником агрессии – источником преступности. Однако не стоит оставлять без внимания и биологические причины. Например, причины совершения преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка), объясняются не только отсутствием социальных благ, необходимых для реализации роли материнства, но и несработавшим базовым инстинктом – инстинктом материнства.

Отдельно стоит отметить, что иногда социальные причины, порождающие преступность, могут не зависеть от одного человека, что очевидно. Однако в истории есть примеры, где такая зависимость прослеживается очень явно – Гитлер в Германии или Пол Пот в Камбодже.

Отдельно стоит отметить, что не все проявления агрессии имеют отрицательную оценку. Нет ничего негативного в агрессии в спорте или при защите Родины. При оценке агрессии стоит учитывать общественную опасность такого поведения. Очевидно, что есть наиболее опасные проявления агрессии, например, убийство ради убийства, массовые убийства представителей определенных групп людей (фашизм, холокост, геноцид), обусловленные делением общества на «своих» и «чужих», причем такая топология может выступать как способ политической манипуляции.

Не менее важным психологическим аспектом преступности является социальная реализация личности. Первопричиной приверженности людей к преступлениям является агрессивная среда, которая, в свою очередь, вызывает беспокойство и тревожность по поводу поиска себя. Если степень этой тревожности не снижается за счет выполнения социальных функций, то такая ситуация является триггером психотравмирующего переживания, что порождает противоправное поведение. Однако механизмы защиты настроены так, что зачастую человек склонен винить в своих провалах не самого себя (это прямой путь к фрустрации), а окружающих.

Такое положение дел является основанием для гипотезы о том, что некоторые преступники имеют слишком высокий уровень тревожности. Стоит отметить, что у этой теории имеются эмпирические подтверждения в свободном доступе. Например, по наблюдениям отечественных социологов, в начале и середине 1990-х гг. в России отмечался высокий уровень тревожности и беспокойства среди населения. На этот же период времени, что совсем не случайно, приходится значительный рост преступности.

Отдельно хочется отметить спорную позицию Ж. Бодрийяра, который говорил о хронической непознаваемости причин появления нацизма и других подобных явлений. По его мнению, «по мере того, как мы досконально изучаем нацизм, газовые камеры и т.п., они становятся все менее понятными и в конце концов мы логично задаем себе потрясающий вопрос: “А вообще, было ли все это на самом деле?”» [4, с. 135-136].

Действительно, некоторые ужасные события происходили настолько давно, что с неуклонным течением времени стали приобретать фантастические нотки. Однако существование неоспоримых доказательств проявления зверских издевательств человека над человеком свидетельствует о том, что насилие на земле не сокращается с древнейших времен.

Создается впечатление, что природа насилия в человеке, состязающаяся с цивилизацией, олицетворяющей добро (ненасилие), – это выражение одного из законов гегелевской диалек-

тики. При этом важно, что возможность для проявления агрессии предоставляет именно цивилизация и ничто другое. Поэтому она вряд ли была бы оправдана судом истории [10]. А Тойнби писал, что «современный западный взгляд на историю чрезвычайно противоречив». Тем не менее это лишь одно из многих противоречий, характеризующих нашу эпоху.

«Скажем так, наш мир возвысился до беспрецедентно высокой степени гуманистического сознания. Мы признаем права человека любого класса, нации и расы и одновременно погрузились в пучину классовой ненависти, национализма и расизма. Эти низменные страсти находят выход в хладнокровных планомерных жестокостях; и эти два несовместимых состояния души и нормы поведения сегодня можно видеть идущими бок о бок не просто в одном мире, но и в одной и той же стране и даже в одной и той же душе» [10, с. 360]. Верно, но печально.

Литература

1. Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 374 с.
2. Антонян Ю.М. Преступность в первобытном обществе // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. № 2. С. 119-131.
3. Антонян Ю.М. Причины преступности // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 58-64.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковой. М.: Добросвет; КДУ, 2014. 260 с.
5. Ботвин И.В. Современные детерминанты преступлений против собственности // Альманах молодых ученых: сб. науч. ст. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. С. 47-50.
6. Долгова А.И. Криминология: учебник. М., 2005. 912 с.
7. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975.
8. Самовичев Е.Г. Выступление на межвузовском научно-практическом семинаре «Какая криминология нужна стране?». М., 2011.
9. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право и её роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.
10. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.
11. Фадеев В.Н. Причинность в криминологии и детерминация преступности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 21-27.

О БУДУЩЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИМИНОЛОГОВ

К.Р. Абызов,

кандидат юридических наук, доцент

Е.Р. Абызова,

кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Криминологи ещё в прошлом столетии научились прогнозировать тенденции преступности на основе анализа социально-экономических, политико-правовых, организационно-управленческих и иных факторов, обуславливающих как саму преступность, так и возможности борьбы с ней.

Вместе с тем, по мнению профессора В.С. Овчинского, какой-либо структурированный взгляд на образ будущей преступности практически отсутствует [2, с. 211]. Другими словами, научно обоснованная концепция того, какова будет преступность в стране, не разработана и не принята.

На это имеется множество причин объективного и субъективного характера. Не вдаваясь в их анализ и перечень, отметим главное. Выражаем полное согласие с точкой зрения профессора Д.А. Шестакова, который считает, что «в России, как и за её пределами, сильные мира сего остерегаются развития криминологии, т.к. оно закономерно приводит к углублению осмысления преступности от обыденного к более глубинным её уровням. Науки о преступности они боятся» [3, с. 288].

Другой учёный-криминолог, профессор В.Н. Фадеев, в своих трудах отмечал: «В последние десятилетия свёрнуты многие криминологические исследования, снижается их качество. Криминологию “отодвинули” от поиска и выявления субъектов, ответственных за развитие преступности. Сегодня системы эффективной профилактики преступных деяний в обществе просто нет, как нет и подходов к её созданию» [1, с. 115].

Учёные-криминологи, кстати, лучше других специалистов понимающие причины происходящего, искренне хотят помочь обществу и государству справиться с преступностью. Но к их научным рекомендациям, как правило, политики не прислушиваются.

Именно несоответствие официальных законов естественным законам поведения людей

есть причина преступности! Тем самым государство вольно или невольно стимулирует преступность своими непродуманными решениями.

Однако вернёмся к основной нашей проблеме – преступности.

В 2021 г. в Российской Федерации было зарегистрировано немногим более 2 млн преступлений, пострадавшими от которых были признаны более 1,3 млн человек. Естественно, что «потерпевшими» были признаны только те, кто заявил в правоохранительные органы о совершенных в отношении них деяниях, и эти преступления были зарегистрированы в установленном законом порядке. На основании данных всероссийского опроса Института проблем правоприменения (далее – ИПП), только половина потерпевших сообщает о совершенных в отношении них преступлениях в правоохранительные органы. По оценкам экспертов ИПП, ежегодно совершается около 12,9 млн преступлений, в то время как в официальной статистике регистрируется около 2 млн преступных деяний, что составляет около 15% преступлений, попадающих в официальную статистику зарегистрированной преступности.

Зададимся вопросом: какие же на сегодняшний день просматриваются основные тенденции будущей преступности, и от чего они могут зависеть?

Новая политическая и экономическая реальность буквально на глазах самым кардинальным образом изменяет саму сущность как национальной, так и международной безопасности, влияя при этом не только на виды конфликтов, но и на их природу. Фактически можно говорить о том, что сегодня стали размыты границы между войной и миром; солдатом и полицейским, с одной стороны, и гражданским человеком – с другой; и даже насилием и ненасилием.

Именно через эту призму нам и придётся прогнозировать возможные состояния преступности в стране, осмысливать вероятные изменения будущей преступности и на основе прогно-

зов разрабатывать меры по ее предупреждению и профилактике.

Криминологами доказано, что в тех странах, которые принимают участие в тех или иных военных действиях и конфликтах, резко увеличивается количество преступлений, связанных с применением насилия и совершением террористических актов. Об этом же свидетельствуют американские социологи Д. Арчер и Р. Гартнер, считающие, что количество убийств стабильно повышается после войн. По их мнению, рост убийств связан с легитимацией насилия, которая предполагает, что наличие разрешенных убийств во время войны имеет остаточный эффект на уровень убийств в мирное время. И с ними не согласиться невозможно.

Вооруженный конфликт является основной движущей силой террористической деятельности – такой вывод делают создатели Global Terrorism Database (GTD). Являясь крупнейшей открытой базой данных, она включает в себя информацию о террористических актах по всему миру (в настоящее время более 200 000 случаев).

Смертность, связанная с боевыми действиями, и смертность от терроризма взаимосвязаны. Более того, в странах, участвующих в вооруженных конфликтах, теракты в среднем более чем в три раза смертоноснее, чем в странах, не участвующих в вооруженных конфликтах.

Проблема терроризма не только в том, что повышается вероятность погибнуть в террористическом акте, проблема еще и в том, что терроризм, организованная преступность и коррупция тесно взаимосвязаны.

Ещё Марк Аврелий утверждал, что бедность – мать преступлений. Поэтому на вопрос, станут ли россияне жить беднее, ответ, к сожалению, будет положительным. При этом даже оптимисты не спорят с тем, что в целом мы станем жить хуже, вопрос лишь в том, насколько.

На сегодняшний день в России более половины всех зарегистрированных преступлений (52,3%) составляют хищения чужого имущества, количество которых, особенно краж, хотя и незначительно, но растет. Эксперты прогнозируют рост числа хищений чужого имущества из загородной недвижимости, тем более что за последнее десятилетие возросло число подобного рода домовладений.

Для того, чтобы хищение произошло, необходимо имущество, которое может быть похищено. Другими словами, доступность привлекательных для хищения объектов влияет на количество хищений этих объектов.

И похоже, что в ближайшее время преступникам будет что взять. По итогам сентября 2022 г. объем наличных денежных средств на руках у населения достиг 14,2 трлн рублей. Плюс доллары, которых, по оценке заместителя министра финансов Алексея Моисеева, «несколько сотен миллиардов».

Но только наличными дело не ограничилось. По данным российских банков, только за пять месяцев клиенты Сбербанка приобрели 10,9 тонны золотых слитков. Банк ВТБ в середине апреля заявлял о продаже 2 тонн золота в слитках.

Но главное, что, судя по росту спроса на сейфы, патроны и оружие самообороны, граждане собираются хранить свои накопления дома. А это, скорее всего, приведет к росту числа краж, притом, что на сегодняшний день преступления, связанные с хищением чужого имущества, наиболее часто регистрируются.

Беспрецедентные размеры приобрело и распространение коррупции, ее проникновение во все ветви и на все уровни государственной власти. Результаты различных социологических исследований указывают на то, что лишь четверть российских граждан в своей повседневной жизни не сталкивалась с фактами взяточничества и коррупции чиновников.

В современном российском обществе большую озабоченность вызывает высокий уровень и продолжающийся рост преступности в экономической сфере.

По данным официальной статистики, происходит рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Так, по данным за 2021 г., их число составило 65 тыс. преступных деяний. И это несмотря на то, что ежегодно у граждан изымается порядка 100 тыс. единиц незаконно хранящегося огнестрельного оружия. При этом число преступлений с применением незаконно хранящегося огнестрельного оружия составило более 25 тыс. преступных деяний.

Еще одной проблемой, которая не может не вызывать тревогу, является так называемая киберпреступность. По данным официальной статистики, каждое четвертое преступление в 2021 г. – это киберпреступление. Изучая статистику за 2018-2021 гг., можно увидеть, что доля зарегистрированных киберпреступлений в стране возросла почти в 3 раза: со 175 тыс. до 517 тыс. преступных деяний. А если сравнить с 2012 г., то рост произошел почти в 50 раз. В 2021 г. доля киберпреступлений составила 26% от числа всех совершенных преступлений, при том что в 2018 г. эта доля составляла лишь 9%.

И наконец, особо опасной тенденцией преступности является ее самовоспроизводство, связанное с высоким уровнем криминализации населения страны, ростом числа лиц с устойчивой противоправной установкой, а также их психологическим принятием (оправданием) совершения преступлений.

По данным ряда криминологических исследований, почти треть граждан страны прошло своеобразную «школу» криминального обучения в местах лишения свободы. В числе лиц, совершивших преступления, свыше 20% – рецидивисты; 15-18% – женщины; 10-12% – несовершеннолетние; более 50% – лица, не имеющие постоянного источника доходов.

Анализ состояния преступности, тенденций ее развития и прогностических оценок свидетельствует о том, что сегодня она представляет собой качественно новый феномен как по своим масштабам, так и по степени негативного влияния на всю жизнедеятельность общества, на обеспечение надежной защиты прав и законных интересов граждан.

Теперь о нескольких конкретных прогнозах для нашей страны.

Первое. Кризисные процессы в экономической сфере, сложности вхождения в новую промышленную революцию увеличат напряженность на рынках труда, в межнациональных отношениях, в мигрантской среде. Продолжится рост корыстных и корыстно-насильственных

преступлений в общей структуре преступности не только в ближайшие годы, но и в ближайшие десятилетия.

Второе. Правоохранительные органы в условиях дефицита финансовых средств будут постоянно запаздывать в своих ответных действиях на технологизацию преступного мира. На наш взгляд, необходима серьезная перестройка всей системы подготовки кадров правоохранительных органов с учётом растущей киберпреступности.

Третье. При раскрытии преступлений следует изменить систему использования новых технических средств получения объективной информации о виновности подозреваемых лиц. Современная нейробиология с помощью детекторов лжи нового поколения уже сейчас позволяет устанавливать правдивость тех или иных показаний практически со стопроцентной точностью.

Четвёртое. Необходима коренная перестройка в экспертной деятельности. Сегодня новейшие открытия по целому ряду направлений криминалистической науки требуют их использования в той сфере, которая традиционно называется криминалистической экспертизой.

Пятое. Требуется перестройки и судебная система. На сегодняшний день наше уголовное судопроизводство, а также система исполнения наказаний практически никак не связаны с технологической реальностью.

Литература

1. Кофырин Н. Наука о преступности будущего – 22.09.2018. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/1287574/post4409023> (дата обращения: 03.02.2023).
2. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Инфра-М, 2018. 352 с.
3. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб.: Юридический центр, 2015.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2022 ГОД

В.В. Бабурин,

доктор юридических наук, профессор

Омская академия МВД России

Качественная и результативная деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью в Российской Федерации обеспечивается ежедневной плановой многофакторной и

комплексной работой их подразделений в субъектах Федерации. Решение возникающих при этом многочисленных вопросов возможно лишь при наличии эффективной системы управления

планированием деятельности территориальных органов внутренних дел районного уровня, обеспечивающей контроль по всем основным направлениям планирования их деятельности, что в целом начинается с изучения и анализа постоянно меняющегося состояния преступности в каждом регионе как основы содержания оперативной обстановки [4, с. 45].

Для проведения объективной оценки сущности происходящих в преступности изменений важной частью анализа оперативной обстановки в органах внутренних дел становится анализ ежегодных изменений состояния преступности в субъектах Российской Федерации, имеющих определенные социально-экономические, общественно-политические, социально-демографические и иные особенности. К таким субъектам в Российской Федерации, безусловно, относится Омская область, обладающая своей социально-экономической и социально-демографической спецификой [1, с. 8].

Опубликование статистической информации о состоянии преступности в Российской Федерации и всех ее субъектах за 2022 год позволяет продолжить ежегодный мониторинг изменений состояния преступности в них и в Омской области в частности.

Так, за 2022 г. в Российской Федерации было совершено 1 966 795 преступлений, что на 1,9% меньше, чем за аналогичный период прошлого года (2 004 404 преступления), при таком же общем снижении преступности прошлого года на 1,9% по сравнению с позапрошлым годом [5]. Характеризуя коэффициент преступности, следует отметить, что в 2022 г. по России он составил 1351 преступление в расчете на 100 тысяч населения Российской Федерации.

Как отмечено в докладе Министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенной коллегии МВД России 20 марта 2023 г., принятые руководством страны меры по поддержке экономики, социальной сферы наряду с деятельностью субъектов профилактики оказали определенное позитивное влияние на состояние оперативной обстановки. В прошедшем году уменьшилось общее число преступлений, включая тяжкие и особо тяжкие. Продолжилось последовательное сокращение разбоев, грабежей, фактов причинения тяжкого вреда здоровью и ряда иных нарушений уголовного законодательства [2].

На территории Омской области за 2022 г. было совершено 23 074 зарегистрированных преступления. При этом их общее число снизи-

лось на 751 преступление, или 3,2%, по сравнению с предыдущим годом. Коэффициент преступности в Омской области традиционно низкий, и в 2022 г. составил 1227 преступлений в расчете на 100 тысяч населения, что является самым низким показателем уровня преступности не только в Сибирском федеральном округе (1651 преступление), но и по России в целом [3].

Характеризуя динамику преступлений, следует отметить, что начиная с 2016 г. идет стабильное снижение преступности. Так, если в 2015 г. на территории Омской области зарегистрировано 30 746 преступлений, что на 1732, или 6,0%, больше аналогичного периода предшествующего года, то в 2016 г. было уже 29 352 преступления. При этом снижение происходит в среднем на 3-4% в год.

Как показывает изучение состояния преступности в Омском регионе, по итогам 2022 г. в результате принятых профилактических мер уменьшилось на 12, или 4,5%, число зарегистрированных причинений тяжкого вреда здоровью (252), на 5, или 14,7%, – изнасилований (29), на 8, или 2,8%, – грабежей (275), на 18, или 25,0%, – разбоев (54), на 99, или 2,5%, – мошенничеств (3818), на 733, или 8,3%, – краж чужого имущества (8074), в т.ч. на 38, или 9,5%, – краж из квартир (363), на 9, или 11,8%, – краж транспортных средств (67), на 25, или 13,7%, – неправомерных завладений транспортными средствами (158), на 875, или 15,9%, – имущественных преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий (4617).

Раскрываемость преступлений составила 62,9% (Россия – 53,4%; СФО – 55,2%). Принятые меры позволили повысить раскрываемость особо тяжких преступлений (с 41,8% до 53,2%), тяжких (с 41,1% до 52,6%), убийств (с 96,2% до 96,6%), краж чужого имущества (с 49,3% до 55,5%), грабежей (с 95,3% до 96,5%), мошенничеств (с 20,4% до 27,0%). Сохранена стопроцентная раскрываемость изнасилований, причинений тяжкого вреда здоровью. Кроме того, раскрыто 588 преступлений, уголовные дела о которых приостанавливались в предыдущие годы, в т.ч. 225 тяжких и особо тяжких, 9 убийств, 9 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 4 грабежа, 1 разбой, 104 мошенничества, 199 краж чужого имущества [3].

В целом следует отметить в Омской области положительную динамику в борьбе с ростом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных техно-

логий или в сфере компьютерной информации, которые вызывают особую озабоченность у простых граждан. Еще в 2017 г. рост этих преступлений и борьба с ними представляли особую тревогу у населения Омской области, когда Омская область вошла в топ-3 регионов по активности хакеров. За взлом компьютеров и рассылку вирусов в Омской области было возбуждено на четверть больше уголовных дел, чем в Москве. В Омской области по ст. 272 и 273 Уголовного кодекса РФ возбуждено 75 уголовных дел – на четверть больше, чем в Москве, что позволило региону занять третью строчку в России по этому виду правонарушений [6]. В 2022 г. Омская область вошла в число регионов

с высокими темпами прироста (62%) предварительно расследованных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

В целом же изучение состояния преступности Омской области в 2022 г. как определённого среза этого социального явления позволяет повысить качество анализа и прогнозирования криминологических процессов региона, которые станут важным звеном в единой структуре государственного управления регионом, основой разработки региональных комплексных и целевых программ борьбы с преступностью.

Литература

1. Бабурин В.В. Актуальные вопросы изучения состояния преступности в Омской области // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 20-й междунар. науч.-практ. конф-ции / под ред. Д.Л. Проказина. В 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 8-9.
2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/news/item/28589724/> (дата обращения: 03.02.2023).
3. Информационно-аналитическая записка о мерах, принимаемых УМВД России по Омской области по охране общественного порядка и общественной безопасности, защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств и по обеспечению общественного доверия и поддержки граждан на территории Омской области в 2022 г. URL: https://мвд.рф/upload/site57/folder_page/002/046/358/Informatsionno_analiticheskaya_zapiska.pdf (дата обращения: 03.02.2023).
4. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р.М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 299 с.
5. Состояние преступности в России январь – декабрь 2022 г. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 03.02.2023).
6. URL: https://newsomsk.ru/news/77334-omskaya_oblast_voshla_v_top_3_regionov_po_aktivnos/ (дата обращения: 03.02.2023).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

О.П. Виноградова,

кандидат юридических наук

Уральский юридический институт МВД России

В настоящее время среди ученых ведутся дискуссии по поводу определения, содержания и процесса сбора, проверки и оценки информации, содержащейся на электронном носителе. Несмотря на введение в 2018 г. в УПК РФ ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных

носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», законодательство не конкретизировало, что понимать под термином «электронный носитель информации», что привело к некоторой правовой неопределенности.

Например, А.И. Зазулин в своих работах отмечает, что «термин “электронный носитель информации” сужает круг предметов, в отношении которых может быть применено изъятие и копирование компьютерной информации» [5, с. 56]. Для общего употребления следует ввести понятие «цифровой носитель информации», который подразумевал бы различные типы носителей информации. В то же время Ю.В. Гаврилин считает, что «понятие “электронный носитель” можно раскрыть как устройства, конструктивно предназначенные для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, передачи через информационно-телекоммуникационные сети или обработки в информационных системах», подчеркивая, что указанный термин имеет неопределенное расширительное толкование. Такое мнение порождает, в свою очередь, новые дискуссии [4, с. 48]. Законодательно закрепленное определение электронных сетей на сегодняшний день отсутствует [3, с. 47-50]. Д.В. Токманцев определил электронные сети как «сети первого поколения, для которых характерно отсутствие в их структуре электронных устройств, преобразующих сигналы с информацией в цифровой формат. В этих сетях передача информации осуществляется посредством электромагнитных сигналов, которые могут направляться по кабелю, оптическому каналу или с помощью радиоволн (в беспроводном случае). Примером является стационарный городской телефон» [12].

Под информационно-телекоммуникационной сетью, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», понимается технологическая система, которая служит для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется посредством эксплуатации вычислительной техники [7]. Она представляет собой многообразие средств телекоммуникации, которые связаны между собой и формируют сеть конкретного вида, например, телефонные сети для отправления информации (голоса), компьютерные сети для передачи цифровых данных или радиосети для передачи аудиозаписей. Отправляемые по информационно-телекоммуникационным сетям данные формируются в виде сообщений, которые имеют определенную структуру [1, с. 9].

Понятие «сеть Интернет» используется во многих нормативно-правовых актах, но законодательного закрепления так и не нашло. В Фе-

деральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сеть Интернет определяется как «информационная система». В Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» сеть Интернет упоминается как «информационно-телекоммуникационная сеть» [13]. В постановлении Государственной Думы РФ от 16 декабря 1998 г. № 3319-П «О неотложных мерах по предупреждению распространения в России наркомании и токсикомании среди детей и молодежи» сеть Интернет обозначена как компьютерная информационная сеть [10].

И.М. Рассолов указывает, что Интернет – это часть мировой телекоммуникационной технологии, которая активно развивается и стремится к новой информационной индустрии [11, с. 239]. Сеть Интернет как международную сеть электросвязи, которая содействует обмену данными, определял С.В. Петровский [9, с. 156]. Таким образом, сеть Интернет можно определить как информационно-телекоммуникационную сеть, которая предназначена для передачи данных посредством вычислительной техники и средств связи. Кроме того, А.С. Анисимова отмечает, что сеть Интернет имеет глобальный и децентрализованный характер. Данная сеть не имеет границ, являясь новым средством доступа к информационным ресурсам человечества [2, с. 7].

Следует выделить особенности компьютерной информации. К ним относятся: быстрота обработки; простота уничтожения; способность создавать, изменять и копировать информацию с помощью средств вычислительной техники; возможность передавать информацию через информационно-телекоммуникационные сети; возможность доступа и использования информации нескольким пользователям; тождественность оригинала и копии информации, находящейся на электронном носителе (идентичность оригинала и копии информации для уголовного процесса составляет одинаковую ценность, а для процесса доказывания важно наличие целостности информации и соответствия оригинальной информации и её копии); способность сохранять значительной объем информации; неразрывная связь между электронным носителем и информацией (цифровая информация является нематериальной, и её содержание не зависит от типа материального носителя).

По способу получения доступа к информации, находящейся на электронном носителе,

подразделяются на локальные (представляющие собой непосредственное физическое подключение к техническому устройству и сетевые носители, например, флеш-карта, CD- и DVD-диски, встроенная память ПК, ноутбуков, смартфонов и т.д., особенностью таких устройств является обязательная функция хранения информации) и сетевые носители информации, к которым относятся серверы, имеющие выход через компьютерную сеть (сеть Интернет), и доступ к которой осуществляется дистанционно. Главной чертой сетевых носителей информации (серверов) является возможность находиться за пределами Российской Федерации, на территории иностранного государства, следовательно, возникает проблема получения с них значимой для уголовного судопроизводства информации, например, социальные сети (ВКонтакте, Twitter и иные), торговые площадки, облачные сервера, электронная почта.

По возможности перемещения в пространстве подразделяются на стационарные (персональный компьютер, моноблок и т.д.), перемещение которых невозможно без частичного демонтажа и конструктивно для его регулярного перемещения не предназначены, и переносные (ноутбук, смартфон, электронная книга, планшет и в т.ч. съемные носители информации, такие как флеш-карта), которые конструктивно предназначены для постоянного перемещения и удобства использования в любой среде нахождения.

По типу устройства хранения информации бывают внутренние, которые встроены в техническое устройство, являющиеся его неотъемлемой частью и функционирование без которых невозможно, и внешние, выступающие в роли дополнительного носителя информации, изъятие которых не приведет к прекращению работы технического устройства.

По времени хранения информации делятся на временные (в течение определенного временного промежутка) и постоянные (в течение неограниченного времени). Основным и единственным отличием является зависимость от питания энергией. Временные носители информации зависимы от постоянного или внутреннего источника питания, отсутствие которого приведет к потере и невозможности доступа к данным. Постоянные носители информации полностью являются энергозависимыми.

По функциональной принадлежности подразделяются на монофункциональные и полифункциональные. У монофункциональных носителей информации есть только одна цель – хранение этой самой информации (флеш-карта,

CD- и DVD-диски и иные), в то время как у полифункциональных носителей информации хранение является одной из функций и не выступает как основная. Определить родо- и видовые характеристики электронных носителей необходимо также для обеспечения полноты и всесторонности рассматриваемого вопроса, провести анализ отдельных видов информации, которая играет не менее важную роль в процессуальном порядке собирания доказательств.

Статья 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет, что «информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [7]. Содержание деятельности, направленной на получение данных с электронных носителей и формирование доказательств по уголовному делу, непосредственно зависит от правовой природы той самой информации. В связи с этим необходимо сформировать классификацию доказательной информации, которая содержится на электронных носителях:

По критерию доступности: общедоступная (общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен) и частная (информация, имеющая ограниченный доступ в соответствии с законодательством или по просьбе (требованию) правообладателя).

В зависимости от правового характера вида доказательной информации выделяют такие категории, как: электронный документ [7]; электронное сообщение; сайт в сети Интернет; страница сайта в сети Интернет; доменное имя; системная информация – служебная информация, предназначенная для использования определенным кругом лиц и ограниченным количеством ЭВМ в целях функционирования информационных технологий и сетей; индивидуализирующая информация; программа для ЭВМ; база данных как совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования данными, независимая от прикладных программ; электронная подпись [8]; вредоносная программа; охраняемая компьютерная информация, содержащаяся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации – объект критической информационной инфраструктуры и включенная в Реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры [6].

Необходимо отметить, что данная классификация достаточно подробно описывает процессуальный порядок собирания доказательной информации с электронного носителя и сам

процессуальный порядок собирания, зависит от родовидовой характеристики информации.

При раскрытии классификации доказательств, содержащихся на электронных носителях, необходимо исходить из их формы, содержания, специфики процессуальной формы и роли в процессе доказывания преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Рассматривая отдельные виды доказательств, закрепленные в федеральном законодательстве, следует заострить внимание на возможности и особенностях их формирования на электронных носителях информации.

К видам доказательств, содержащихся на электронных носителях, относятся:

1. Показания потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, а также показания и заключения эксперта и специалиста. Основным способом фиксации показаний участников уголовного процесса является протокол допроса. Дополнительным же способом фиксации является применение аудио- и видеозаписи. При этом зачастую применение аудио- и видеозаписи играет важную роль в ходе проведения следственного действия, повышает полноту, достоверность и точность фиксируемой информации, а также передает эмоциональное состояние лица в ходе допроса. О применении аудио- или видеозаписи делается соответствующая отметка в протоколе допроса, согласно требованиям ст. 190 УПК РФ, а также отражается информация о наименовании, марке, модели и типе технического средства.

2. Протоколы следственных и иных процессуальных действий. Как уже отмечалось выше, в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий допускается применение технических средств для фото-, аудио- и видеозаписи. Данные технические средства часто применяются в ходе осмотра места происшествия, обыска, выемки и следственного эксперимента.

3. Вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ).

4. Иные документы (ст. 84 УПК РФ) допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Таким образом, можно сделать вывод, что постоянное развитие информационно-телекоммуникационных технологий непосредственно влияет на уголовно-процессуальный порядок работы с ними в процессе расследования уголовного дела на стадии досудебного производства. Очевидно, что порядок работы с электронными носителями информации и работа с информацией из сети Интернет отличаются друг от друга процессуальным порядком изъятия. Соответственно, необходимо разрабатывать оформление процессуального порядка собирания доказательственной информации с электронного носителя в зависимости от его технических особенностей, определить классификацию данных носителей.

Литература

1. Алиев Т.В. Сети ЭВМ и телекоммуникации: учеб. пособие. СПб., 2011.
2. Анисимова А.С. К вопросу о понятии сети «Интернет» в теории права и законодательстве // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 6-7.
3. Ботвин И.В. Современные детерминанты преступлений против собственности // Альманах молодых ученых: сб. науч. ст. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. С. 47-50.
4. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
5. Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11).
6. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 187. Ст. 465.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об электронной подписи: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

9. Петровский С.В. Интернет-услуги в российском праве. М.: Издат. Сервис, 2003.
10. О неотложных мерах по предупреждению распространения в России наркомании и токсикомании среди детей и молодежи [Электронный ресурс]: постановление Государственной Думы РФ от 16 декабря 1998 г. № 3319-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М., 2009.
12. Токманцев Д.В. Состав сбыта наркотиков с использованием сети Интернет: проблемы конструкции и пути совершенствования // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/03/65132> (дата обращения: 22.11.2022).
13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЦИФРОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Е.Н. Гордеева,

кандидат педагогических наук

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Е.С. Горбатенков

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В настоящее время развитие цифрового общества все больше приводит к совершению незаконной деятельности в цифровом пространстве, которую зачастую называют киберпреступностью. Участвовавшие случаи использования цифровых технологий в преступных целях требуют уточнения определения понятия «цифровая преступность».

Специалисты «Лаборатории Касперского» дают определение киберпреступности как преступной деятельности, целью которой является неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства.

Исследователь-криминолог Т.Л. Тропина понимает под киберпреступностью виновное совершенное общественное уголовное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, а также иные общественно опасные действия, совершаемые с помощью компьютеров, а также с помощью или посредством иных устройств доступа к моделируемому с помощью компьютера пространству [4].

В то же время ученые-эксперты ООН, анализируя определение киберпреступности, указывают на то, что это любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети лицом с использованием специальных технических средств [3].

Исходя из вышеперечисленных определений, мы можем выделить основные признаки, которые отличают цифровую преступность, а именно:

- использование специального технического устройства (техническим устройством может выступать компьютер, телефон, банкомат, «умные» часы, а также любое устройство, с помощью которого можно выйти в Интернет);
- наличие у преступника особых, специальных знаний (стоит отметить, что преступнику необходимо обладать специальными техническими знаниями для совершения цифрового преступления).

Важным показателем для киберпреступности является отсутствие законодательной базы в области определения информационной базы. На это указывает, например, то, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) имеется одна глава (гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации»), которая регламентирует уголовную ответственность за совершение преступлений при использовании информационно-телекоммуникационных технологий.

В качестве еще одной проблемы можно выделить высокий уровень анонимности в Интернете, социальных сетях. Пользователь любой социальной сети может выбрать любое имя,

указывать любое место жительства и любой год рождения, изменять фотографию. Все перечисленное позволяет преступнику входить в доверие к пользователям соцсетей, владеть абсолютно любой информацией о пользователях и использовать ее в своих преступных целях [1, с. 47-50].

Безусловно, стоит выделить тенденцию государственной уголовной политики страны, которая ужесточила ответственность за цифровую преступность посредством введения в уголовное законодательство ст. 274 и 274.1 УК РФ, предусматривающих ответственность за нарушение эксплуатационных правил хранения, обработки и передачи информации посредством информационно-коммуникационных сетей, а также противозаконные действия, направленные на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Анализ современной криминогенной обстановки в киберпространстве позволяет нам сделать вывод о большом количестве совершаемых в нем преступлений, а дальнейшее стремительное развитие цифрового мира позволяет

нам спрогнозировать сложности, связанные со стабилизацией этой тенденции, несмотря на меры, которые будут предприниматься руководством страны и сотрудниками правоохранительных органов.

Таким образом, рассмотрев вышеизложенные понятия цифровой преступности, можно сказать, что она представляет собой общественно опасное явление, которое запрещено уголовным законодательством страны и с которым активно ведется борьба.

Исходя из имеющихся проблем, необходимо принимать усилия по развитию данных направлений как можно скорее, иначе цифровых преступлений с каждым днем будет значительно больше.

Также, подводя итог, можно сказать о том, что решение таких проблем возможно благодаря использованию международного опыта борьбы с такими преступлениями, а также своевременному совершенствованию нормативной правовой базы для урегулирования современных проблем в цифровой преступности.

Литература

1. Ботвин И.В. Современные детерминанты преступлений против собственности // Альманах молодых ученых: сб. науч. ст. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. С. 47-50.
2. Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М.: Горячая линия – Телеком, 2002. 336 с.
3. Лунеев В.В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95-100.
4. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 28 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Е.Н. Гордеева,

кандидат педагогических наук

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

П.О. Дилан

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

На современном этапе развития информационных технологий правоохранительные органы столкнулись с совершенно новым видом

преступлений – так называемой цифровой преступностью.

О распространённости цифровых преступлений по всему миру говорят статистические

данные. Например, согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, за 2022 г. количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, составило 79 700 фактов, что, в свою очередь, подтверждает актуальность избранной темы исследования [3].

Любое международное сотрудничество имеет правовую основу – нормативный документ, ратифицированный странами и определяющий порядок и особенности взаимодействия между собой.

Кроме того, существуют международные организации, которые занимаются обеспечением деятельности государств по противодействию преступности – Интерпол, Европол, Совет Европы, ООН и т.д.

Стоит отметить, что для эффективной борьбы с международной цифровой преступностью необходим единообразный подход к пониманию сути проблемы. То есть речь идёт о едином понимании терминов, а также элементов составов преступлений [1, с. 76-78]. Без этого невозможно добиться качественной борьбы с преступностью. Национальное законодательство государств, участвующих в борьбе с цифровой преступностью, должно подходить под критерии международного уровня, но не должно нарушать основополагающие права человека и гражданина.

Одним из первых международно-правовых документов в области обеспечения цифровой безопасности стала Конвенция о киберпреступности от 23 ноября 2001 г., подписанная в Будапеште, к которой присоединились 30 стран. Директор департамента МИД России по вопросам новых вызовов и угроз Илья Рогачев отметил следующее: «Однако ключевая проблема, не позволяющая России, как и другим странам, присоединиться к Будапештской конвенции – параграф В статьи 32, содержание которого оказалось неприемлемым. В частности, в соответствии с этой частью документа участники механизма получают трансграничный доступ к данным, которыми располагает другая сторона, без уведомления властей данного государства, располагающего соответствующей информацией».

Существует также Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности Шанхайской организации сотрудничества от 16 июня 2009 г., которое содержит лишь общее определение информационной преступности.

В 2010 г. была принята Конвенция о борьбе с преступлениями в области информационных

технологий Лиги арабских государств, которая определяет перечень информационных преступлений.

В июне 2014 г. Африканский союз принял Конвенцию о кибербезопасности и защите персональных данных. Конвенция призывает стран-участниц предусмотреть в национальном уголовном законодательстве составы преступлений, которые перечислены в ст. 29 и 30 Конвенции.

В рамках Содружества Независимых Государств действует Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ [2] в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Основной целью данного соглашения является сотрудничество правоохранительных органов государств – участников СНГ по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений. Кроме того, в спектр задач соглашения входит обмен информацией между правоохранительными органами государств СНГ, а также исполнение запросов и процессуальных действий.

Следует отметить, что данные соглашения, имея рекомендательный характер, оставляют национальному законодателю возможность учитывать присущие той или иной стране особенности.

Международное сотрудничество в противодействии цифровой преступности представляет собой целенаправленную деятельность правоохранительных органов различных государств, направленную на совместное предупреждение, раскрытие и расследование киберпреступлений, а также привлечение виновных лиц к юридической ответственности.

В условиях всеобщего суверенитета государств не представляется возможным создание такого международного органа, который давал бы чёткие указания странам по противодействию цифровой преступности. Именно поэтому деятельность международных организаций носит рекомендательный характер для других стран.

В рамках Евросоюза существуют две организации – Евроюст и Европол. Европол координирует в себе аналитическую деятельность по особенностям совершения уголовных преступлений и при необходимости предоставляет имеющуюся информацию. Евроюст, в свою очередь, координирует деятельность правоохранительных органов по вопросам противодействия цифровой преступности, а также оказывает помощь странам Евросоюза в проведении расследований по уголовным делам.

В 2013 г. в Гааге был открыт Европейский центр по борьбе с киберпреступностью, кото-

рый собирает и обрабатывает материалы по киберпреступности, а также разрабатывает меры по их расследованию.

В 2015 г. Интерпол инициировал открытие Международного центра по борьбе с киберпреступностью в Сингапуре.

Следует подчеркнуть, что международное сотрудничество в сфере борьбы с цифровой преступностью должно строиться на принципе оперативности. Эффективность борьбы с киберпреступностью заметно снизится, если действия правоохранительных органов различных государств не будут скоординированными и оперативными, т.к. информация о преступлении достаточно быстро теряет свою актуальность.

Таким образом, международное взаимодействие в противодействии международной пре-

ступности заключается в обеспечении комплекса мероприятий правоохранительных органов различных государств с целью обеспечения цифровой безопасности граждан. Здесь важным является то, что действие всех международных нормативных правовых актов в интересующей области направлено на унификацию национального законодательства каждой страны, которая участвует в международной борьбе с цифровыми преступлениями. В заключение считаем необходимым отметить, что для того, чтобы добиться успехов в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере информационных технологий, необходимо применять комплексный подход, подкреплённый принципом оперативности.

Литература

1. Ботвин И.В. Модернизация уголовного закона в эпоху цифровизации // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат-лы XXII Всерос. науч.-практ. конф-ции (Новокузнецк, 19-20 октября 2022 г.) / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН, 2022. С. 76-78.
2. Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Состояние преступности в России за январь – февраль 2022 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2022. 67 с.

ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

И.В. Григорьева,

кандидат юридических наук

ВИПК МВД России

Необходимость охраны бюджетных средств от преступных посягательств продолжает оставаться актуальной и значимой, особенно в современных условиях.

Стратегией национальной безопасности России 2021 г. [2] для обеспечения государственной и общественной безопасности обозначена необходимость в предупреждении и пресечении нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием.

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2022 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным поставлена задача МВД России эффективно пресекать хищения бюджетных

средств. Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым отмечено возрастание рисков хищения бюджетных средств, выделяемых на поддержку медицинских работников, а также малого и среднего бизнеса [3].

Согласно ведомственному приказу [1] в обязанности участковых уполномоченных полиции входит деятельность по предупреждению преступлений: оказывать содействие представителям государственных контролирующих органов и сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в проведении проверок, установлении и задержании лиц, осуществляющих противоправную деятельность в сфере экономики (п. 7.14).

Поэтому участковому уполномоченному полиции с целью предупреждения преступных посягательств на бюджетные средства необходимо понимание признаков составов таких преступлений, в т.ч. способов их совершения и личности преступника.

Так, проведенный анализ приговоров по преступным посягательствам на бюджетные средства за 2018-2022 гг. показал, что лиц, совершающих такие преступления, условно можно разделить на группы:

1) должностные лица, имеющие служебное положение, позволяющее им распределять бюджетные средства;

2) лица, имеющие служебное положение, позволяющее им получать и расходовать бюджетные средства;

3) лица, не имеющие служебного положения, позволяющего им распределять и расходовать бюджетные средства.

Среди лиц первой и второй групп как лиц, совершивших преступные посягательства на бюджетные средства, по изученным приговорам встречаются:

1) руководители (администрация), от кого зависит законность обращения с бюджетными средствами: директор, управляющий, генеральный директор, главный бухгалтер, начальник отдела, учредитель, заместитель начальника, исполняющий его обязанности, в т.ч. временно;

2) служащие, кто непосредственно расходует бюджетные средства: бухгалтер, иные работники и сотрудники организации.

Что касается органов, учреждений и организаций, чьи должностные лица совершили хищение бюджетных средств, по изученным приговорам, то это лица государственных органов субъектов Российской Федерации, в т.ч. ОВД, ФСИН, МЧС, ФССП, Минэкономразвития РФ, Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор), Министерства здравоохранения региона, Министерства образования региона, Министерства культуры различных субъектов РФ, бюджетных учреждений Министерства по информационной политике и массовым коммуникациям, Министерства природных ресурсов и экологии, Министерства труда и социальной защиты, ФГУП «Почта России», муниципальных органов муниципальных образований, муниципальных унитарных предприятий.

Как видим, среди таких главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств, чьи должностные лица совершили хищение бюджетных средств, присутствуют и государ-

ственные, и муниципальные органы, подведомственные им учреждения и предприятия.

Из них лиц, совершивших хищения, по изученным приговорам, 62,2% – это руководители бюджетных и небюджетных организаций. Соответственно, служащих бюджетных и небюджетных организаций – 37,7% от всех лиц, совершивших хищение бюджетных средств.

Использовавших свое служебное положение при совершении преступления – 57,6% должностных лиц государственных и муниципальных органов и учреждений (в общем руководителей и служащих).

Среди получателей бюджетных средств, из изученных приговоров, следующие организации: ООО, ЗАО, ОАО (в т.ч. ОАО «РЖД»), крестьянско-фермерские хозяйства, сельскохозяйственные производственные кооперативы и предприятия, общественные организации, индивидуальные предприниматели.

Всего лиц данной категории (работников коммерческих и некоммерческих организаций) – 28,5% всех лиц, совершивших хищение бюджетных средств, из изученных приговоров (это в два раза меньше, чем бюджетных должностных лиц).

Из них руководителей таких организаций – 90% всех работников коммерческих и некоммерческих организаций и 25,7% всех лиц, совершивших хищения, по изученным приговорам. При этом служащих лиц – 8,6% всех работников коммерческих и некоммерческих организаций и 2,4% всех лиц, совершивших хищения, по изученным приговорам. Работники таких коммерческих организаций составляют 63,9% всех работников коммерческих и некоммерческих организаций, на втором месте индивидуальные предприниматели (14,2%), на третьем – главы крестьянско-фермерских хозяйств (13,6%).

Лиц, не имеющих должностного положения, необходимого для получения средств, – 14,1% от всех лиц, совершивших преступные посягательства на бюджетные средства, по изученным приговорам.

Кроме того, в настоящее время хищения бюджетных средств относятся к преступным посягательствам, объектом которых являются только отношения собственности. Дополнительным объектом считаются отношения государственной власти и порядка в случае совершения лицом преступления с использованием служебного положения. Однако изучение приговоров по хищениям бюджетных средств в различных сферах позволило выявить, что отношения государственной власти и порядка

нарушаются и при хищении бюджетных средств, даже если субъект преступления – не должностное лицо, т.е. лицо, совершающее хищение бюджетных средств, всегда нарушает и отношения собственности, и отношения по нормальному функционированию государственной власти и порядка. Поэтому участковым уполномоченным полиции, осуществляющим предупреждение преступлений данного вида, следует обратить внимание на то, что одна из характерных черт личности преступника по рассматриваемым преступлениям – это равнодушное и небрежное отношение лиц к бюджетным средствам, а порой именно их отнесенность к государственной или муниципальной собственности.

Что касается обязанности участковых уполномоченных полиции по оказанию содействия в проведении проверок по осуществлению лицами противоправной деятельности в сфере экономики, то необходимо обратить внимание на то, что одним из способов совершения преступных посягательств на бюджетные средства является предоставление лицами подложных документов для получения государственной помощи – субсидий, к примеру, для поддержки и

развития бизнеса. Подложные документы – поскольку такие документы отражают наличие условий получения субсидий (наличие помещения, оборудования, средств для деятельности и т.п.), которых на самом деле нет. В ходе проверок участковыми уполномоченными полиции могут быть зафиксированы такие факты реальных обстоятельств, связанных с занимаемым юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем помещением и его наполнением.

Таким образом, из года в год противодействие хищениям бюджетных средств остается одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел и всего государства. Оказать содействие в таком противодействии путем предупреждения данного вида преступлений является обязанностью участковых уполномоченных полиции, и в настоящих условиях, связанных с международной обстановкой, необходимостью особенно бережного обращения с бюджетными средствами и поставленными перед органами внутренних дел задачами, данная обязанность становится одной из приоритетных.

Литература

1. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и об утверждении Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 03.02.2023).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.П. Детков,

доктор юридических наук, доцент

Алтайский государственный университет

Уголовное наказание как институт уголовного права на протяжении длительного времени продолжает оставаться в центре внимания представителей не только науки уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, но и социологии, психологии, социальной антропологии и ряда социогуманитарных наук.

Безусловно, данный институт не остается неизменным, а с течением времени, в силу меняющихся современных реалий в сфере социально-экономической и уголовной политики государства, подвержен многочисленным (порой не всегда оправданным) законодательным коррекциям, что не всегда приводит к повыше-

нию эффективности функционирования как самого института уголовного наказания, так и его отдельных элементов. Все это обуславливает поиск новых научно обоснованных подходов в исследовании как самой природы уголовного наказания, так и личности осужденного [2, с. 65]. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно использовать антропологическую методологию при исследовании достаточно сложной и противоречивой природы самого института уголовного наказания, это, в свою очередь, будет способствовать проведению системного, долгосрочного и лонгитюдного (включенного) исследования социально-психологической сущности личности осужденных.

Антропология как комплексная и интегративная наука, объединяющая философию, социологию, право, этнологию, психологию, содержит инструментальный и научный потенциал, позволяющий исследовать не только все стороны уголовного наказания как правового института, но и влияние его на лиц, отбывающих и исполняющих наказание в виде лишения свободы. В качестве методологических принципов, на наш взгляд, целесообразно использовать принципы, сформулированные применительно к разным уровням методологии социального познания. В качестве таковых могут выступать базовые принципы: принцип развития, принцип всеобщей связи, принцип диалектического единства теории, эксперимента и практики, принцип системного подхода, принцип конкретно-исторического подхода, принцип объективности, междисциплинарности, преемственности, принцип субъективно-личностного подхода. Общая схема любого исследования может быть представлена как процесс накопления знания посредством формирования его на таких уровнях, как методологический, теоретический, технологический и практический. В универсальной методологической схеме научного познания могут быть наглядно эксплицированы теоретические и практические возможности исследования в плане формулирования гипотез, концепций, постановки исследовательских задач. Эти уровни антропологического познания, соответственно, могут раскрывать специфику макро-, мезо- и микроуровней уголовно-исполнительных правоотношений. Анализ современной правоприменительной и судебной практики свидетельствует о том, что лишение свободы как уголовное наказание, по-прежнему, является достаточно востребованным уголовной юстицией. По своему содержанию оно, прежде всего, выполняет принудительную функцию и функцию социального контроля, которые, в свою очередь,

должны обеспечивать достижение целей уголовного наказания.

Актуальность антропологического подхода заключается и в том, что в ходе исполнения наказания складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, уголовное наказание как правовой институт, необходимый и позитивный инструмент правоприменения призвано решать социально важные задачи по восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных, предупреждению новых преступлений (общая и частная превенция), а с другой – в ходе исполнения и отбывания наказания создаются социально-психологические и криминологические условия для возникновения различных деструктивных процессов и эксцессов, которые снижают эффективность уголовного наказания. Лишение свободы обусловлено объективными и субъективными факторами, которые изначально свойственны и характерны только данному виду наказания.

К числу объективных факторов, на наш взгляд, можно отнести, прежде всего, сам характер уголовного наказания, его цели, длительность, вид исправительного учреждения, режим содержания, условия отбывания наказания.

К объективным факторам следует также отнести карательный потенциал лишения свободы, замкнутость среды и сферы общения осужденных, ограниченность (а порой и отсутствие) социально полезных связей, низкий социальный престиж личности. Среда осужденных в пределах колонии одного вида достаточно разнородна. Она характеризуется, прежде всего, не только разнообразием отбывающих наказание осужденных по их уголовно-правовой и криминологической характеристике, но и с точки зрения их национальной, религиозной и половой принадлежности, семейного положения, возраста, образования и т.д.

К субъективным факторам мест лишения свободы мы относим социально-правовую запущенность личности, трудности адаптации, субъективно-личностную, социально-демографическую, психологическую и уголовно-исполнительную характеристики.

Личность осужденного в современной педологии рассматривается как явление типологического порядка, как носитель наиболее общих, устойчивых, существенных социально-психологических черт и свойств, демографических и криминологических характеристик. Эмпирические исследования личности осужденных в местах лишения свободы дают основания сделать общий вывод о том, что линейная темпоральность всего срока отбывания

наказания (особенно длительных, до 10 лет, и сверхдлительных, до 25 лет, пожизненного заключения) характеризуется «девальвацией» социально-психологических и личностных особенностей осужденных.

Сформировавшаяся социокультурная среда пребывания осужденных в исправительных учреждениях оказывает дестабилизирующее воздействие на личность осужденного в том смысле, что он вынужден как бы заново социализироваться, т.е. приспособляться и адаптироваться к новым правилам и нормам общественной жизни, резко (коренным образом) отличающимся от тех, которые характерны для жизни на свободе.

В этой связи социальная перцепция у осужденных в местах лишения свободы, особенно на первоначальном этапе отбывания наказания, в первую очередь обусловлена определенной дихотомией в виде системы координат «свой – чужой», «свои – враги», когда происходит переоценка социальных, психологических, нравственных установок социальной среды мест лишения свободы. Пребывание человека в местах лишения свободы требует от него значительного физического и психологического напряжения, усиливаются механизмы стрессоустойчивости и самосохранения в условиях строгой изоляции. Это, в свою очередь, не способствует ресоциализации личности и реализации такой цели наказания, как исправление. Протекающие латентные деструктивные процессы и социальная среда мест лишения свободы способствуют дальнейшей дезадаптации и десоциализации личности, что является мощным фактором, блокирующим воспитательное воздействие на осужденного, применение индивидуальных мер психолого-педагогического характера. Наши исследования на протяжении ряда лет показывают, что у осужденных, отбывающих длительные и сверхдлительные сроки лишения свободы, отмечаются устойчивые социопатические предпосылки деструктивного поведения, которые выражаются в агрессии и конфликтах различной типологии. Сравнительный социально-демографический и психологический анализ показывает, что осужденные мужчины и женщины по-разному воспринимают и отбывают уголовное наказание в местах лишения свободы. Так, например, осужденные женщины, в сравнении с мужчинами, более импульсивны, возбудимы, впечатлительны, внушаемы и тревожны. Они более остро, чем мужчины, воспринимают сам факт изоляции, разрыв с семьей, потерю социальных контактов, у них более отчетливо проявляется чувство вины и

раскаяния. Исходя из принципа дифференциации исполнения наказания, индивидуально-коррекционная и психологическая работа в отношении осужденных мужчин и женщин, на наш взгляд, должна складываться с учетом половых, возрастных и ряда других характеристик.

Уголовное наказание в виде лишения свободы сопровождается не только латентными деструктивными процессами, но и большим количеством конфликтов различной типологии, приводящих часто к совершению преступлений (убийствам, массовым беспорядкам, захватом заложников) и тяжким последствиям. Антропологические измерения и анализ пенитенциарных конфликтов позволяют выявить причинный комплекс и способы разрешения конфликтов, возникающих среди осужденных, отбывающих уголовное наказание. Это особого рода социальные конфликты. Они обуславливаются многими факторами, в основе которых не только своеобразие «человеческого материала», но и специфические ценностные и психологические установки, которые формируются под воздействием среды содержания осужденных и степени тяжести уголовного наказания. Познание и объяснение этих факторов, а также формирование на их основе определенных моделей (способов) разрешения конфликтов. Методологический уровень антропологического познания – это поиск исходных оснований, позволяющих исследовать конфликты как естественные и (или) искусственные процессы, система принципов и взглядов, доминирующая в конкретных условиях. Это методы организации теоретической, технологической и практической деятельности, основанные на выявлении соответствия разных теоретических конструкций конфликтов, происходящих в исправительных учреждениях, и технологий задачам уголовно-исполнительной практики.

Исходя из общих положений пенитенциарной психологии, структуру личности осужденного образуют, как правило, три взаимосвязанных и взаимообусловленных компонента: биологический, психологический и социальный [1, с. 155]. Биологическая структура включает различные природные свойства человека: возрастные, половые, конституционно-соматические, нейродинамические и т.п. Психологическая структура личности – это совокупность психических свойств и качеств, определяющих социально значимые формы деятельности и общения. Лонгитюдные наблюдения и исследования, проводимые в исправительных колониях строгого и особого режимов, дают основания

полагать, что в процессе отбывания уголовного наказания у осужденных к длительным и сверхдлительным срокам лишения свободы наблюдается определенная корреляция биологических, психологических и социальных компонентов. Использование антропологической

методологии позволяет не только всесторонне исследовать институт уголовного наказания, но и в сочетании с другими науками (пенитенциарной психологией, уголовно-исполнительным правом) разработать новую модель уголовно-исполнительных правоотношений.

Литература

1. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации. Ростов н/Д.: Феникс, 2007.
2. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В СТРАНАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И.Н. Заварькин,

кандидат юридических наук

Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена участвовавшими резонансными фактами незаконного оборота гидрохлорида кокаина, синтетических наркотиков, а также иных наркотиков растительного происхождения в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности.

В Указе Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» среди мер совершенствования международного сотрудничества в сфере оборота наркотиков отмечается в т.ч. развитие и расширение двустороннего и многостороннего сотрудничества в противодействии незаконному обороту наркотиков в рамках Организации Договора о коллективной безопасности [5].

Несмотря на то, что предпринимаемыми усилиями правоохранителей вышеуказанных государств ведется непрерывная борьба с наркотрафиком, показатели преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, остаются на достаточно высоком уровне.

Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) – это международная региональная организация, которая создана несколькими государствами Евразии (Россия, Бе-

лоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан). Общее население стран, входящих в ОДКБ, составляет почти 194 млн человек. Целями ОДКБ являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам [4].

В Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками указывается, что в 2021 г. потенциальный объем производства опиума в Афганистане составил 6800 тонн. Данное государство непосредственно граничит с Таджикистаном (членом ОДКБ), Узбекистаном и Туркменистаном, которые, в свою очередь, граничат со странами ОДКБ. Следовательно, наркоугрозы, распространяющиеся из Афганистана, принимают наиболее актуальный характер.

Изучив наркоситуацию в регионе ОДКБ, можно адекватно оценить возможности, правовой потенциал и имеющиеся правоохранные резервы в противодействии наркопреступности и формировании эффективной стратегии и тактики борьбы с незаконным оборотом

наркотических и психотропных веществ на территории этих стран [2, с. 5].

Итак, рассмотрим наркоситуацию, сложившуюся в странах ОДКБ.

По данным МВД России, в 2021 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 179 732 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из них 132 157 – тяжкие и особо тяжкие; 1350 преступлений – по фактам контрабанды наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Изъято 84,5 тонны (в 2020 г. – 30 тонн) подконтрольных веществ, в т.ч. 30,6 тонны (в 2020 г. – 21 тонна) наркотических средств, 4,8 тонны (в 2020 г. – 560 килограммов) психотропных и 2 тонны (в 2020 г. – 1,2 тонна) сильнодействующих веществ, а также 47 тонн (2020 г. – 7,3 тонны) прекурсоров.

В 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 42,3% увеличилось количество выявленных и пресеченных преступлений, связанных с производством наркотиков, на 11% – связанных с их пересылкой, и на 20,2% – количество зарегистрированных наркопреступлений, совершенных с использованием IT-технологий. Увеличился удельный вес наркотиков синтетического происхождения – 44% в общей массе всех изъятых наркотиков.

Самыми распространенными изымаемыми наркотиками в России по-прежнему остаются синтетические (мефедрон, N-метилэфедрон, MDPV и альфа-PVP («соли»)), каннабиноиды (марихуана, гашиш, гашишное масло), героин и другие опиаты, кокаин.

В Республике Армения в 2021 г. выявлено 1544 наркопреступления (+26% по сравнению с 2020 г.). Изъято 606,4 килограмма наркотических средств и психотропных веществ (+431% по сравнению с 2020 г.).

В Республике Беларусь в 2021 г. выявлено 4643 наркопреступления (+31% по сравнению с 2020 г.). Изъято 663,6 килограмма наркотических средств и психотропных веществ (+316% по сравнению с 2020 г.).

В Республике Казахстан в 2021 г. выявлено 6850 наркопреступлений (+11% по сравнению с 2020 г.). Изъято 13 801,3 килограмма наркотических средств и психотропных веществ (-11,8% по сравнению с 2020 г.).

В Киргизской Республике в 2021 г. выявлено 990 наркопреступлений (+25% по сравнению с 2020 г.). Изъято 4202,2 килограмма наркотических

средств и психотропных веществ (-15% по сравнению с 2020 г.).

В Республике Таджикистан в 2021 г. выявлено 707 наркопреступлений (в 2020 г. – 714 преступлений). Изъято 4083 килограмма наркотических средств и психотропных веществ (+68,4% по сравнению с 2020 г.) [2].

В связи с политическими изменениями и приходом к власти движения «Талибан» сохранилась угроза активизации поставок афганских наркотиков через государства Средней Азии, а также Кавказский и Прикаспийский регионы.

Следует сказать о том, что в азиатских странах ОДКБ отмечается рост выявления незаконного оборота синтетических наркотиков.

Так, в Таджикистане в 2021 г. изъято свыше 101 килограмма метамфетамина, что в 2,5 раза больше показателей 2020 г., а также 21 537 таблеток психотропных веществ, что почти в 3 раза больше, чем в 2020 г.

В Киргизской Республике в 2021 г. изъято почти 20,5 килограмма синтетических наркотиков, что в 3 раза больше, чем в 2020 г.

В Республике Казахстан в 2021 г. изъято почти 143 килограмма синтетических наркотиков, что в 1,3 раза больше показателей 2020 г.

Синтетические наркотики поступают преимущественно из Юго-Восточной Азии, а также Китая в виде прекурсоров. Далее из них изготавливают так называемые «соли» в условиях подпольных нарколабораторий на территории России и стран ОДКБ.

Большинство объемов изымаемого в странах ОДКБ кокаина поступает из таких государств Латинской Америки, как Колумбия, Эквадор и Перу.

Так, 30 марта 2023 г. российские полицейские перекрыли канал поставки кокаина из Эквадора в г. Санкт-Петербург и изъяли свыше 200 кг этого наркотика. Преступление совершили два неоднократно судимых гражданина Российской Федерации, которые оборудовали тайник для перевозки наркотиков в грузовике, транспортировавшем фрукты из морского порта. Ориентировочная стоимость изъятого кокаина на черном рынке составила 800 млн рублей [5].

10 апреля 2023 г. сотрудники ФСБ России изъяли партию кокаина из Колумбии весом 699 кг в Подмосковье. Наркотики из Латинской Америки были замаскированы под молотый перец чили. Ориентировочная стоимость изъятого

кокаина на черном рынке составила 2,5 млрд рублей [3].

Принятие Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ на 2021-2025 гг. демонстрирует твердое намерение выполнять стратегические задачи и преодолевать совре-

менные вызовы, которые ставятся перед Организацией [2, с. 47].

В заключение отметим, что увеличение количества изымаемых наркотиков обусловлено в т.ч. улучшением качества проводимой оперативной работы и слаженными действиями правоохранителей стран ОДКБ.

Литература

1. В Петербурге изъяли более 200 килограммов кокаина на 800 миллионов рублей. URL: <https://ria.ru/20230331/narkotiki-1862112524.html> (дата обращения 31.03.2023).
2. Криминологическая характеристика и тенденции наркоситуации в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности: аналитический обзор / сост. П.В. Тепляшин, Н.Н. Цуканов, М.Г. Мелихов [и др.]. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. 48 с.
3. Крупнейшие партии наркотиков, изъятые в России в 2018-2023 годах. URL: <https://ria.ru/20230331/narkotiki-1862170746.html> (дата обращения 10.04.2023).
4. О ратификации Устава Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26 мая 2003 г. № 56-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

А.В. Максименко,

кандидат юридических наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина;

Р.А. Лашенко

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Наряду с общепрофилактическими мероприятиями важнейшей задачей органов внутренних дел является деятельность по специальной профилактике краж, совершаемых несовершеннолетними. Мероприятия в этом направлении, как правило, осуществляются непосредственно силами и средствами органов внутренних дел, но во взаимодействии с другими государственными органами и общественными организациями [15, с. 47-50]. Одним из основных направлений этой деятельности является выявление лиц, склонных к совершению краж, и проведение с ними индивидуально-профилактической работы.

Такая категория подростков выявляется в первую очередь из числа:

- освобожденных из мест лишения свободы и специальных учебных заведений, судимых за совершение умышленных преступлений;
- осужденных за умышленные преступления к лишению свободы условно или к мерам наказания, не связанным с лишением свободы;
- совершивших преступления и не взятых под стражу на период расследования дела;
- имеющих с лицами, перечисленными выше, близкие связи, возникшие на почве антиобщественного поведения.

Активные профилактические мероприятия с подростками должны проводиться немедленно после совершения ими преступления и постановки на учет. В этой связи большое значение имеет правильная организация работы по изу-

чению личности несовершеннолетнего, условий его проживания и воспитания в семье, причин, побудивших к совершению преступления, а также проведению воспитательных мероприятий с несовершеннолетним, содействию в бытовом, трудовом устройстве или направлении на учебу, устранению факторов, оказывающих отрицательное влияние на воспитание подростков, осуществление контроля за их поведением, образом жизни, связями [5, с. 95-97].

Большое значение в организации индивидуальной профилактической работы с подростком имеет изучение его воспитания в семье:

- взаимоотношения между родителями и подростком;
- отношение родителей к выполнению обязанностей по воспитанию своих детей;
- кто из членов семьи оказывает отрицательное влияние на подростка;
- на кого из родителей или других членов семьи можно опираться в работе по воспитанию несовершеннолетнего;
- какая необходима помощь родителям по воспитанию детей (педагогическая, медицинская, психологическая, социальная и др.).

Особое значение для успешной организации работы по предупреждению повторных правонарушений имеет первая беседа с несовершеннолетним. Во время ее проведения необходимо разъяснить подростку и его родителям существо постановки на учет, правовые последствия совершения им повторных правонарушений. Способствует положительным результатам практика регулярных встреч сотрудников ПДН с преподавателями, учителями, представителями администрации при посещении мест учебы, работы подростков, беседы с лицами, отвечающими за их обучение и воспитание.

Достижению положительных результатов в работе по профилактике преступлений несовершеннолетних, в т.ч. краж, во многом способствует правильная организация досуга подростков. В этой связи органами внутренних дел во взаимодействии с другими субъектами социальной профилактики ежегодно проводится комплексная профилактическая операция «Подросток», которая предусматривает организацию летнего отдыха несовершеннолетних, состоящих на учете, посредством направления подростков-правонарушителей в лагеря труда и отдыха, оборонно-спортивные лагеря, предоставления временного трудоустройства, участия в работе кружков и секций по интересам по месту жительства [3].

Одной из актуальных задач, стоящих перед органами внутренних дел, является предупре-

ждение групповой преступности несовершеннолетних, усиление борьбы с лицами, вовлекающими несовершеннолетних в совершение преступлений, в т.ч. краж. Предупреждение группового преступного поведения несовершеннолетних, совершающих кражи, предполагает своевременное выявление и постановку на учет таких групп, всестороннее и полное их изучение, обеспечение целенаправленного профилактического и оперативно-розыскного воздействия на группу и отдельных ее членов в целях недопущения совершения повторных преступлений, разобщения и переориентации групп.

Особое внимание в этой работе уделяется решению следующих задач:

- выявление лидеров, а также организаторов и подстрекателей из числа взрослых. Решение данной задачи направлено на пресечение преступной деятельности указанных лиц по вовлечению подростков в преступные группы, а также изоляцию таких лиц от среды несовершеннолетних;

- выявление и документирование всех ранее имевших место преступных действий группы. Решение задачи связано с необходимостью соблюдения принципов законности и социальной справедливости в воспитании подростков;

- обеспечение возмещения нанесенного ущерба. Решение задачи требует выявления сбытчиков, перекупщиков, лиц, незаконно владеющих похищенным имуществом, мест хранения краденого и последующего возвращения предметов и ценностей законным владельцам;

- недопущение совершения подростками новых краж в процессе работы с группой. Решение этой задачи направлено на пресечение преступного поведения подростков путем активного воспитательного воздействия;

- выявление, фиксация и устранение причин совершения преступлений несовершеннолетними и условий, способствующих их совершению. Данная задача обусловлена наступательным характером профилактической деятельности, направленной на опережение преступных замыслов несовершеннолетних путем учета и последующего устранения выявленных обстоятельств.

Четкая оперативная осведомленность о поведении групп подростков позволяет своевременно принять к ним следующие профилактические меры:

- переориентация группы (на ранней стадии формирования, когда возможен психологический контакт с организатором или участниками или есть возможность подчинить их влиянию

нового лидера с твердым положительным поведением);

- разобщение группы (путем направления подростков на учебу, работу в различные организации, закрепления за подростками наставников, общественных воспитателей; привлечения к ответственности лидеров и активных участников групп, направления их в места лишения свободы, специальные учебно-воспитательные учреждения);

- разложение группы (путем компрометации лидера, принудительной изоляции большинства ее участников).

К мерам профилактического воздействия на отдельных членов групп несовершеннолетних, совершающих кражи, можно отнести следующие: проведение с участниками групп профилактических бесед о разъяснении правовых последствий за совершение краж; вызов для регистрации и официального предостережения о недопустимости совершения правонарушений; создание условий, препятствующих общению подростка с группой (установление контроля со стороны родителей и близких авторитетных лиц, трудоустройство, выезд в другую местность и др.); установление над группой индивидуального и коллективного шефства; привлечение группы к социально полезным занятиям с учетом положительных интересов ее участников; организация воспитательного воздействия на членов группы в трудовом и ученическом коллективах; привлечение к ответственности лиц, в обязанность которых входит воспитание подростков и уклоняющихся от выполнения своих обязанностей, и т.д. [2].

Для того чтобы успешно справиться со значительно возросшим объемом работы, необходимо умело сочетать контроль за поведением осужденных с кропотливым проведением воспитательных мероприятий, всемерно укреплять связь правоохранительных органов с ученическими и трудовыми коллективами, а также общественностью по месту жительства несовершеннолетних.

Эффективность профилактической работы органов внутренних дел по предупреждению преступлений несовершеннолетних, в т.ч. краж, во многом зависит от организации взаимодействия всех служб и подразделений в этом направлении.

Координирующим звеном взаимодействия служб являются подразделения по делам несовершеннолетних, вместе с тем перед каждым подразделением ОВД нормативными актами поставлены свои конкретные задачи. Так, следователь в процессе расследования уголовных

дел в отношении несовершеннолетних о кражах своевременно информирует сотрудника ПДН о привлечении подростка к уголовной ответственности, с учетом характеристики личности подростка, предоставляемой инспектором ПДН, избирает меру пресечения на период предварительного расследования. Взаимодействие с оперуполномоченными уголовного розыска осуществляется на основе обмена интересующей информацией о фактах совершения несовершеннолетними краж и других правонарушений, о замышляемых и подготавливаемых подростками преступлениях, организаторах и подстрекателях, вовлекающих подростков в совершение краж. Организуются совместные профилактические мероприятия в местах наиболее вероятного совершения краж, рейды по проверке притонов, мест возможного хранения краденого. Анализируются и обсуждаются результаты проводимой работы.

Совершению краж подростками в значительной мере способствуют безнадзорность и бродяжничество. Оставшись без средств к существованию, несовершеннолетние вынуждены совершать кражи, заниматься попрошайничеством, многие из них попадают под влияние взрослых преступников. В этой связи задача патрульно-постовой службы и других наружных подразделений полиции – осуществлять выявление и доставку в подразделения по делам несовершеннолетних подростков, занимающихся бродяжничеством, попрошайничеством, находящихся в нетрезвом состоянии, а также на улицах в возрасте до 16 лет в позднее вечернее и ночное время без сопровождения взрослых.

Участковые уполномоченные полиции не только выявляют несовершеннолетних правонарушителей, неблагополучные семьи, причины и условия, способствующие совершению подростками правонарушений, но и осуществляют конкретную профилактическую работу с подростками, состоящими на учете в ОВД, принимают меры к оздоровлению обстановки в неблагополучных семьях, вплоть до оформления материков на лишение родительских прав.

Существенный вклад в результаты работы по предупреждению безнадзорности несовершеннолетних выполняют Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП). В условиях доброжелательности и открытости в работе с доставленными во многих случаях воспитателям удается найти подход к подросткам и выяснить истинные причины ухода из семьи, а также побегов из школ-интернатов, детских домов, специ-

альных учебных заведений и принять меры по их устранению [6].

Исходя из вышеизложенного очевидно, что основы взаимодействия всех подразделений в борьбе с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних закладываются в территориальном органе внутренних дел по месту жительства профилируемого подростка. Именно в этом звене решается успех всей работы в данном направлении [4, с. 22].

Подводя итог, следует отметить, что за последние годы резко обострилась криминальная ситуация в подростковой среде, значительно

повысилась активность детей в возрасте до 14 лет в совершении краж. Таким образом, задачи оздоровления общества, в т.ч. системы образования и воспитания, борьбы с подростковой преступностью, профилактики психического здоровья как задачи стратегические являются на сегодняшний день чрезвычайно актуальными. Необходима переориентация практических усилий по предупреждению отклоняющегося поведения с криминальной сферы на область повседневной жизни детей, подростков, молодежи, включая семью, учебные заведения, реальные детские и подростковые группы.

Литература

1. Ботвин И.В. Современные детерминанты преступлений против собственности // Альманах молодых ученых: сб. науч. ст. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. С. 47-50.
2. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит-ра, 1981.
3. Иванова В.С. Предупреждение преступлений негосударственными субъектами в России: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007.
4. Лелеков В.А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 4.
5. Остапенко Н.И. К вопросу о взаимодействии правоохранительных органов при осуществлении мер профилактики преступлений несовершеннолетних // Актуальные проблемы современной науки. 2009. № 5 (49).
6. Холостова Е.И. Социальная работа с дезадаптированными детьми: учеб. пособие. М.: Дашков и К°, 2013.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

М.А. Малетина,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Проблема рецидивной преступности в нашей стране на протяжении достаточно длительного периода времени является одной из самых острых в силу того, что имеет устойчивую тенденцию к росту. Так, в 2018 г. в России 58,3% преступлений (из числа предварительно расследованных) совершено лицами, ранее нарушавшими уголовный закон; в 2019 г. – 58,7%; 2020 г. – 59,8%; 2021 г. – 60%; а в 2022 г. их количество составило 60,4% [2]. При этом необходимо отметить, что количественно-качественные показатели рецидивной преступ-

ности неодинаковы на всей территории страны, поэтому представляется необходимым изучить региональные особенности в целях выявления закономерностей ее развития.

Анализ статистических данных МВД России свидетельствует о том, что одним из наиболее неблагополучных регионов России по количеству расследованных преступлений, совершенных лицами, имеющими криминальный опыт, является Сибирский федеральный округ (далее – СФО): в 2018 и 2019 гг. он занимал второе место, а на протяжении последних трех

лет – третье место (после Приволжского и Центрального федеральных округов) [1].

Состояние рецидивной преступности в СФО в период с 2018 по 2022 г. характеризуется следующими показателями: в 2018 г. количество преступлений (из числа предварительно расследованных), совершенных лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, составляло 115 035; в 2019 г. – 109 549; в 2020 г. – 107 213; в 2021 г. – 105 363 и в 2022 г. – 104 968 преступлений [1]. Несмотря на тенденцию к снижению количества рассматриваемых преступных посягательств, их удельный вес на протяжении последних пяти лет продолжает оставаться высоким: в 2018 г. он составлял 66,8%, в 2019 г. – 67,5%, в 2020 г. возрос до 69,3%, в 2021 г. наблюдалось некоторое снижение – 68,6%, а в 2022 г. он достиг 68,8% от общего числа предварительно расследованных на

территории СФО преступлений. Анализ приведенных статистических данных свидетельствует о том, что показатель рецидивной преступности за рассматриваемый период времени в СФО значительно превышает общероссийский.

Кроме того, уровень рецидивной преступности в СФО также демонстрирует ее рост. Так, в 2018 г. его значение было равно 596,4 на 100 тыс. чел.; в 2019 г. – 637,9; в 2020 и 2021 гг. наблюдалось некоторое его снижение (626,3 и 619,6 соответственно); а в 2022 г. коэффициент рецидива достиг 621,5 преступлений.

Данные о количестве рецидивных преступлений, регистрируемых в субъектах СФО (табл. 1), показывают, что состояние повторной преступности в округе определяется ситуацией в Кемеровской, Иркутской областях, а также в Красноярском и Алтайском краях, на которые приходится самое большое их количество.

Таблица 1

Количество и удельный вес предварительно расследованных преступлений, совершенных на территории СФО лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, в период 2018-2022 гг.

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Сибирский федеральный округ	115 035	109 549	107 213	105 363	104 968
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>66,8</i>	<i>67,6</i>	<i>69,3</i>	<i>68,7</i>	<i>68,8</i>
Алтайский край	17 117	16 553	15 400	14 999	14 928
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>69,3</i>	<i>70,4</i>	<i>71,8</i>	<i>71,4</i>	<i>70,9</i>
Иркутская область	15 504	15 062	15 125	14 824	14 751
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>63,7</i>	<i>64,7</i>	<i>67,7</i>	<i>67,2</i>	<i>65,4</i>
Кемеровская область – Кузбасс	21 954	20 102	20 250	19 305	18 887
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>70,8</i>	<i>71,0</i>	<i>72,3</i>	<i>71,8</i>	<i>72,8</i>
Красноярский край	17 875	17 395	17 372	18 458	17 829
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>66,8</i>	<i>67,0</i>	<i>68,7</i>	<i>68,2</i>	<i>69,2</i>
Новосибирская область	13 531	13 597	12 547	11 120	11 950
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>61,8</i>	<i>63,4</i>	<i>65,3</i>	<i>60,5</i>	<i>61,3</i>
Омская область	11 185	10 439	9928	9470	9600
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>64,9</i>	<i>67,4</i>	<i>69,5</i>	<i>70,3</i>	<i>69,8</i>
Томская область	7571	6747	6940	7022	7419
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>70,3</i>	<i>69,2</i>	<i>69,0</i>	<i>68,0</i>	<i>70,2</i>
Республика Алтай	2317	2116	2326	2435	2556
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>68,5</i>	<i>67,2</i>	<i>69,5</i>	<i>67,7</i>	<i>69,1</i>
Республика Тыва	2604	2709	2540	2847	2821
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>55,0</i>	<i>61,6</i>	<i>62,0</i>	<i>65,9</i>	<i>66,0</i>
Республика Хакасия	5377	4829	4785	4883	4227
<i>удельный вес (в %)</i>	<i>72,8</i>	<i>70,0</i>	<i>71,5</i>	<i>76,5</i>	<i>75,8</i>

Наибольший удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления (от числа расследованных), в 2022 г. зафиксирован в Республике Хакасия (75,8%), Кемеровской области (72,8%), Алтайском крае (70,9%), Томской (70,2%) и Омской (69,8%) областях. Данный показатель значительно превышает как общероссийский показатель рецидивной преступности (60,4%), так и ее показатель в СФО (68,8%). Кроме того, особого внимания заслуживает тот факт, что во всех субъектах СФО на протяжении последних пяти лет преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, составляют более половины расследованных.

Кемеровская область из всех субъектов СФО на протяжении последних 5 лет занимает лидирующие позиции по количеству предварительно расследованных преступлений, совершенных лицами, ранее нарушавшими уголовный закон, а по удельному весу повторной пре-

ступности 2022 года занимает второе место в России после Республики Хакасия. Алтайский край и Томская область, в свою очередь, входят в десятку регионов России с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершенных лицами, ранее совершавшими преступления.

Среди регионов с наименьшим удельным весом рецидивной преступности по итогам 2022 г. – Новосибирская область (61,3%), Республика Тыва (66,0%), Иркутская область (65,4%).

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что повторная преступность продолжает оставаться одним из основных дестабилизирующих факторов общественного развития, что предъявляет повышенные требования к организации работы по профилактике преступлений, совершаемых лицами, имеющими криминальный опыт, как на территории СФО, так и в России в целом.

Литература

1. Количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления // Единая межведомственная информационная статистическая система: официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36207> (дата обращения: 03.04.2023).

2. Состояние преступности в России // Министерство внутренних дел РФ Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 03.04.2023).

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2022 ГОДУ

Л.Я. Тарасова,

кандидат исторических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

В настоящее время борьба с преступностью в органах внутренних дел ведется активно, т.к. данные проявления напрямую влияют на состояние законности и правопорядка как в Алтайском крае, так и в Российской Федерации в целом.

При изучении обзора, представленного ГУ МВД по Алтайскому краю, динамика преступлений, к совершению которых причастны должностные лица органов внутренних дел Алтайского края, свидетельствует об уменьшении в сравнении с 2021 г. на 46,4% (с 56 до 30). Су-

щественная доля (83,3%, или 25 из 30) представлена должностными преступлениями, из которых 11 фактов взяточничества, 7 – превышение должностных полномочий, 4 – злоупотребление должностными полномочиями, 2 – против правосудия. По сравнению с аналогичным периодом 2021 г. количество сотрудников ОВД, подвергнутых уголовному преследованию, увеличилось на 12,5% (с 24 до 27), из них за совершение должностных преступлений привлечено 22 (10 месяцев 2021 г. – 13, +69,2%), коррупционных – 10 (10 месяцев 2021 г. – 9,

+11,1%), общеуголовных – 5 (10 месяцев 2021 г. – 11, -54,5%) [1]. Если рассматривать территориальную распространенность, то в ГУ и отделах УМВД России по г. Барнаулу проходило службу – 12, в МО МВД России «Рубцовский» – 4, «Троицкий» – 3, «Кулундинский» – 3, «Благовещенский» – 2, «Заринский» – 2, МО МВД России «Славгородский» и Отд. МВД России по Михайловскому району – по одному. Сотрудники, подвергнутые уголовному преследованию, проходили службу в подразделениях ГИБДД – 10, УУПиПДН – 4, ППСИ и ОУР – по 3, прочие подразделения – 7. Из общего числа должностных лиц, привлеченных к уголовной ответственности, 18,5% (5 из 27) занимали руководящую должность [1].

Проведенный анализ указывает на отсутствие исчерпывающего перечня видов допущенных правонарушений. Совершенные деяния затрагивают различные области жизнедеятельности, в т.ч. сферу лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса и незаконного оборота биоресурсов. Так, в сентябре 2019 г. на расстоянии 5,24 км в северо-западном направлении от с. Озерно-Кузнецово Угловского района Грунцов А.С., являясь старшим инспектором отделения уголовного розыска ОП по Угловскому району МО МВД России «Рубцовский», при исполнении своих должностных полномочий остановил два автомобиля, на которых группы граждан по указанию одного и того же лица перевозили незаконно срубленную сыро-растущую древесину породы сосна. Таким образом, Грунцов А.С., выявив совершенное последними преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 260 УК РФ, из личной заинтересованности укрыл указанное преступление от учёта путём его прямой нерегистрации и непроведения по нему проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ и, не став выяснять обстоятельства совершенного преступления, отпустил указанных лиц с незаконно срубленной древесиной [3].

Продолжает оставаться напряженной ситуация с преступлениями коррупционной направ-

ленности, совершенными сотрудниками органов внутренних дел Алтайского края. В течение 2022 г. органами судебной власти осуждено двое сотрудников ОВД края за получение взяток. Например, приговором Ребрихинского районного суда Алтайского края от 25.02.2022 бывший государственный инспектор безопасности дорожного движения РЭО ГИБДД МО МВД России «Павловский» Блюм Ю.А. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 292 УК РФ, ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 292 УК РФ, который в период с февраля по апрель 2022 г. осуществлял незаконные действия, выразившиеся в выставлении положительных оценок в экзаменационные листы кандидатам в водители без сдачи последними теоретических экзаменов на право управления транспортными средствами и без проверки уровня их знаний в области правил дорожного движения РФ, а также внесении изменений в регистрационные данные транспортного средства, конструкция которого не соответствовала сведениям в идентифицирующих его документах, с выдачей соответствующих документов. Суммарный размер взяток составил 122 тыс. рублей [2].

На основе проведенного анализа состояния преступности и обзоров МВД России можно сделать вывод о том, что основной причиной совершения преступлений сотрудниками ОВД в Алтайском крае является ненадлежащая организация работы руководителями в сегменте профилактической воспитательной деятельности с личным составом, а также отсутствие должного контроля с их стороны за оперативно-служебной деятельностью подчинённых. Обеспечение собственной безопасности было и остается одной из важнейших основ эффективной деятельности органов внутренних дел, а соблюдение законности сотрудниками является ключевым фактором, определяющим эффективность и значимость работы органов правопорядка в глазах общества.

Литература

1. Обзор об осуждении сотрудников органов внутренних дел Алтайского края в 2022 г. за совершение преступлений.
2. Приговор Ребрихинского районного суда в отношении Блюм Ю.А. от 17 сентября 2019 г. № 12-18/2019 по делу № 12-18/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/БлюмРебрихинский+районный+суд+%28Алтайский+край> (дата обращения: 23.03.2023).
3. Приговор Угловского районного суда в отношении Грунцова А.С. от 4 мая 2020 г. № 22-5141/2020. URL: [https://sudact.ru/regular/doc/Угловский+районный+суд+%28Алтайский+край%](https://sudact.ru/regular/doc/Угловский+районный+суд+%28Алтайский+край%28) (дата обращения: 23.03.2023).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

П.В. Тепляшин,

доктор юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России

Преступность несовершеннолетних крайне информативно отражает характер социально-экономических процессов, протекающих в обществе, четко высвечивает трансформацию духовно-нравственной сферы и неизбежно вторит идеологическим особенностям общественного развития. За последнее десятилетие наблюдается стабильное снижение числа несовершеннолетних, совершивших преступления. Так, если в 2010 г. в Российской Федерации таких лиц было зарегистрировано 72 692, то в 2022 г. – 26 305. Однако на этом фоне деформируется характер совершаемых ими преступлений, в частности, растет доля удельного веса совершаемых несовершеннолетними тяжких преступлений, усиливается криминальная мотивация посягательств. В этой связи нельзя не отметить справедливый тезис А.Л. Репецкой о том, что «мировым трендом современного периода, развивающимся последние 10-15 лет, является так называемое “великое снижение преступности” (great crime drop)» [3, с. 151]. На фоне общего снижения уровня преступности синхронно изменяется её структура, подвергается преобразованию преступность несовершеннолетних, меняются её свойства, что должно выступать предметом соответствующих криминологических исследований.

Особый научный интерес представляет региональный аспект преступности несовершеннолетних. Ведь освещение именно территориально-пространственной плоскости криминальных подростковых проявлений обеспечивает понимание более конкретных закономерностей её существования, позволяет установить причинно-следственные связи между региональными социально-экономическими процессами и характером преступности несовершеннолетних, проживающих в соответствующем субъекте Российской Федерации. В силу этих аргументов целесообразно обратиться к рассмотрению криминологических особенностей преступности несовершеннолетних в Красноярском крае, который занимает центральное место на карте России, имеет разнообразные экономические, социальные, национальные, религиозные, куль-

турные, географические и иные условия проживания населения данного субъекта.

Так, на территории Красноярского края в 2022 г. число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, снизилось на 17,7% (с 968 до 797). Причем снижение наблюдается с 2015 г., в котором было зарегистрировано 2437 преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Вместе с этим сократился и удельный вес подростковой преступности в общей массе зарегистрированных преступлений, который составил 3,1% (2021 г. – 3,6%). Кроме того, на фоне общего снижения количества преступных деяний сократилось число тяжких и особо тяжких (с 298 до 210), в т.ч. зарегистрировано 1 (в 2021 г. было зарегистрировано 2) убийство.

Однако возросло количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного (со 105 до 106) и наркотического (с 1 до 2) опьянения, изнасилований (с 2 до 3), разбойных нападений (с 7 до 10), вымогательств (с 4 до 8), хулиганств (с 0 до 1).

Количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, сократилось на 17,4% (с 898 до 742), в т.ч. 271 (в 2021 г. – 296) в возрасте 14-15 лет, 471 (в 2021 г. – 602) в возрасте 16-17 лет. Из указанного количества несовершеннолетних 52 лица женского пола (2021 г. – 101 девушка). Вместе с тем возросло число лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (с 94 до 95), их доля от общего числа участников также возросла и составила 12,8%, что на 2,3% больше, чем в 2021 г.

Несовершеннолетними совершено 267 (в 2021 г. – 318) преступлений в составе групп, из них 120 (в 2021 г. – 179) – в группах со взрослыми. Удельный вес групповой преступности составил 33,5% (в 2021 г. – 36,5 %), 44,2 % (в 2021 г. – 118) из групповых деяний относятся к категории тяжких и особо тяжких. В совершении групповых преступлений приняли участие 337 (в 2021 г. – 338) несовершеннолетних, из которых 138 – это лица в возрасте 14-15 лет (в

2021 г. – 133) и 199 (в 2021 г. – 238) – лица в возрасте 16-17 лет.

Несовершеннолетними совершено 237 (в 2021 г. – 305) повторных преступлений, что составляет 29,7% (в 2021 г. – 31,5%) от общего количества преступлений несовершеннолетних, из которых 71 (в 2021 г. – 98) относится к категории тяжких и особо тяжких. Повторно совершили преступления в возрасте 14-15 лет 35 лиц (в 2021 г. – 35), в возрасте 16-17 лет – 149 (в 2021 г. – 194). На момент совершения повторного преступления в состоянии алкогольного опьянения находились 30 (в 2021 г. – 33) подростков.

В 2022 г. зарегистрировано 411 общественно опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, что находится на отметке 2021 г. (в 2020 г. было зарегистрировано 459 таких деяний). Большая часть из них относится к деяниям имущественного характера – 296 (в 2021 г. – 308), 67 (в 2021 г. – 60) – против жизни и здоровья, 24 (в 2021 г. – 27) – против половой неприкосновенности и половой свободы личности, 4 (в 2021 г. – 5) были связаны с незаконным оборотом наркотиков. При этом установлено 507 лиц, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших общественно опасные деяния, что на 1,4% меньше по сравнению с 2021 г., в котором таких лиц было выявлено 500. Причем среди указанных лиц повторно деяния совершили 43 (в 2021 г. – 61) подростка.

Из общего числа общественно опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, 114 (-5,8 %) совершены подростками на улице, 74 (-23,7 %) – в квартирах и домах, 60 (+30,4 %) – в иных местах.

На профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Красноярского края по состоянию на 1 января 2023 г. состояло 2035 (-2,2%) лиц, из которых 1513 (-0,1%) – школьники, 398 (+1,8%) – учащиеся профессиональных образовательных организаций. Из числа указанных лиц 6 (в 2021 г. – 11) являлись потребителями наркотических средств, 20 (в 2021 г. – 45) – алкогольной продукции, 53 относились к членам неформальных молодежных объединений противоправной направленности (в частности, «Колумбайн», «Дед Инсайд», «АУЕ»). Также на профилактическом учете состояло 127 (+7,6%) групп несовершеннолетних с антиобщественной направленностью, в которых насчитывалось 319 участников (+7,0% в сравнении с 2021 г.).

Представленная общая характеристика преступности несовершеннолетних в Красноярском крае позволяет сформулировать ряд её тенденций.

Можно отметить возрастание дерзости и циничности совершаемых несовершеннолетними преступлений в условиях достаточно либеральной уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних (молодых) преступников.

Обнаруживается рост негативных свойств их мотивации: с одной стороны, корыстных и изживенческих мотивов, с другой – криминально ориентированных и подкрепленных преступной идеологией. Эта тенденция подтверждается результатами специально проведенных исследований, в которых утверждается о «преимущественно корыстном умысле при совершении несовершеннолетними преступлений. Формально они могут выражаться в зависти, фактах поиска дополнительных материальных средств, неудовлетворительном материальном состоянии семьи» [2, с. 116].

Усиление межэтнической и межкультурной конфликтности. Причем в некоторых случаях имеют место массовые конфликты насильственного характера (в качестве примера можно привести противоправные действия адептов движения «ЧВК Редан» в некоторых торговых развлекательных центрах г. Красноярск).

Также одной из тенденций выступает совершение общественно опасных деяний на фоне демонстративных проявлений девиантного поведения со стороны несовершеннолетних (в частности, курение, в т.ч. электронных сигарет – вейпов, IQOS, вызывающий внешний вид).

Наблюдается тенденция усиления психологической отчужденности от семьи и общественных институтов, отдаление от позитивных форм досуга, отсутствие должного контроля и внимания, как результат – стигматизация либо наоборот – прямое приобщение к девиантному образу жизни родителей (например, в случае алкоголизации) либо криминально ориентированной субкультуре. Так, Е.Е. Чередниченко констатирует следующее: «Некачественная организация детского досуга, тлетворное влияние окружения, неправильная система ценностей в семье ребенка, бедность, социальная деградация – вот основные причины совершения несовершеннолетними преступлений и правонарушений» [4, с. 216]. В целом можно согласиться с данным мнением, но возразить тому, что это «основные причины» преступности несовершеннолетних.

Появляются высоколатентные факты получения психологических травм, сопряжённых с

фактами насилия, очевидцем или даже участником которых стал несовершеннолетний.

Можно констатировать значительную виктимизированность несовершеннолетних от негативного воздействия информационной среды (в т.ч. в части выставления фото детей на сайтах и в порножурналах), воздействия в информационно-телекоммуникационных сетях (в частности, приверженность движению колумбайнеров («скулштуингу»), иных субкультурных молодежных сообществ в сети Интернет, популяризирующих культ насилия, подражательство. На этом фоне зачастую расширение секьюритизации общества нередко не дает должного эффекта в отношении несовершеннолетних.

В унисон предыдущей тенденции следует отметить подмену у многих несовершеннолетних реальной действительности виртуальной, что купирует чувство самосохранения и снижает способность к адекватному поведению в социальной реальности, тем самым повышая степень виктимизации несовершеннолетнего в случае воздействия на его сознание идеологии экстремизма. В этой части нельзя не согласиться с Е.В. Демидовой-Петровой, которая отмечает, что «такие виды досуга, как нахождение в интернет-пространстве, онлайн-социальных сетях, компьютерные игры и, как следствие, “жизнь” в онлайн-мире, имеют значительную тенденцию к росту и начинают замещать “жизнь” в “реальном” мире “офлайн”» [1, с. 40].

Продолжающаяся наркоэкспансия и модернизация видов наркотиков (многообразие синтетических наркотиков, спайсов и дизайнерских

наркотиков, курительных смесей, иных психоактивных веществ, в т.ч. в виде обычных конфет), что втягивает подростков и молодых людей в криминальные отношения (участие в качестве закладчиков, совершение посягательств на собственность с целью получения средств на приобретение наркотиков и т.п.).

Сокращение в Красноярском крае коррекционных учебных заведений и возрастание инклюзивных принципов образования привело к росту удельного веса классов в обычных школах, в которых обучаются дети с нарушением интеллектуального развития (задержкой психического развития). Как результат – стабильно высокий уровень общественно опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, в 2021-2022 гг. сохраняется во многом за счет совершения этих деяний обучающимися общеобразовательных обычных школ, имеющих задержки психического развития.

Таким образом, преступность несовершеннолетних в Красноярском крае имеет определенные особенности, демонстрирует общее снижение степени криминальной пораженности подростков, но заставляет обратить внимание на необходимость дальнейшего улучшения социально-экономических условий региона и повышение эффективности профилактической деятельности всех задействованных в этой сфере субъектов.

Литература

1. Демидова-Петрова Е.В. Матрица криминологически значимой информации в познании преступности несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2 (48). С. 37-43.
2. Окутина Н.Н., Забелич Л.В. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 114-121.
3. Репецкая А.Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 151-156.
4. Чередниченко Е.Е. Преступность несовершеннолетних: современный взгляд на проблему // Ученые записки. 2022. № 2 (42). С. 214-217.

РОЛЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КРИМИНАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

В.С. Харламов,

доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

В Российской Федерации в авангарде борьбы с внутрисемейными насильственными преступлениями находятся органы внутренних дел. Их компетенцией охватывается раскрытие и расследование криминальных посягательств в сфере семьи. Значимое место в антикриминальной превенции в семейных отношениях занимает служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП). Права и обязанности УУП в исследуемой сфере закреплены в действующих нормативно-правовых актах, в соответствии с которыми УУП уполномочен владеть оперативной обстановкой на обслуживаемой территории, знать жителей закрепленного административного участка, вести учет лиц, отличающихся преступным поведением, владеть тактикой и методикой разрешения внутрисемейных криминальных конфликтов, привлекать иные службы органов правопорядка и общественности для антикриминальной превенции. Многогранной деятельности УУП посвящены труды отечественных ученых, таких как А.И. Алексеев, Н.В. Багуцкий, С.В. Ганина, С.И. Герасимов, А.Г. Гришаков, И.П. Данилов, Р.П. Кучмезов, А.А. Латаев, Н.П. Мышляев, Г.В. Минахина, Ю.А. Прибытко, В.Н. Прокопенко, В.П. Савенков, А.Я. Сухарев [1-6, 9].

Инклюзивные (или сущностные, комплексные) черты работы УУП по профилактике криминального насилия в семье предусмотрены в Наставлении по организации службы участковых уполномоченных полиции, утвержденном приказом МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [7]. Упомянутым Наставлением сотрудники службы УУП выдвинуты на передний край работы с обслуживаемым населением, им предоставлены полномочия по обеспечению криминологической безопасности членов семьи.

К важнейшим компонентам превентивной деятельности УУП в семейной сфере относятся меры по предотвращению, выявлению, пресечению и раскрытию криминальных и административных деликтов между домочадцами, контроль

на обслуживаемом участке за лицами с криминальными наклонностями, прием жителей и обход жилого массива для индивидуальной работы с правонарушителями в сфере семьи и быта, охватывающей выявление криминогенных лиц, постановку их на профилактический учет, дальнейшее сопровождение в период учета и снятие с учета, а также антикриминальная коррекция отношений в семейной сфере во взаимодействии с государственными, общественными и иными учреждениями. Кроме того, УУП с согласия руководителя подразделения уполномочен инициировать проведение предусмотренных профилактических мероприятий совместно с дружинниками, внештатными помощниками, членами семьи профилактируемого, сотрудниками других подразделений и служб органов правопорядка. Превентивные мероприятия направлены на достижение взаимопонимания между УУП и подучетником с целью дальнейшего разрешения конфликтной ситуации и выработки норм законопослушного поведения.

От УУП особого внимания требуют отдельные категории граждан. В их числе: лица, осужденные за совершение криминальных посягательств в семейно-бытовой сфере условно или к не связанным с лишением свободы мерам наказания; экс-заключенные, освобожденные из пениitenciарных учреждений за совершение насильственных преступлений в семье; лица, подвергнутые административному наказанию за совершение деликтов в отношении домочадцев; персоны, страдающие наркоманией и алкоголизмом; злоумышленники, склонные к совершению бытовых преступлений; лица, состоящие на учете в наркологических и психоневрологических диспансерах; жильцы, имеющие психические расстройства и отличающиеся противоправным поведением. Фокус индивидуальной профилактики УУП следует направить на поднадзорных лиц, контроль за которыми предусмотрен Федеральным законом от 06.04.2011 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [8]. Надлежащая эффективность превентивной работы органов

внутренних дел, в т.ч. службы УУП, обеспечивается, как свидетельствуют результаты криминологических исследований, ростом уровня наблюдения за поведением фигурантов вышеуказанных категорий, увеличением частоты посещения их по месту жительства, повышением персонального общения с их близкими и родными. Предотвращение убийств, истязаний и других наиболее общественно опасных внутрисемейных насильственных посягательств реализуется посредством изобличения сотрудниками органов внутренних дел, в т.ч. УУП, фигурантов, совершивших криминальные посягательства с так называемой двойной превенцией. Среди них: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); истязание (ст. 117 УК РФ); побои (ст. 116 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и др.

По мнению известного правоведа А.И. Алексеева, практика правоохранительных

органов свидетельствует о том, что уровень и состояние противодействия преступлениям с двойной превенцией серьезно влияют на положение дел с наиболее опасной насильственной преступностью в сфере семьи, быта и, прежде всего, с убийствами. Оставшиеся без должного реагирования конфликтные противоправные проявления зачастую приобретают статус поведенческой нормы в семейных отношениях, тем самым способствуя совершению более тяжких криминальных посягательств. Двойная превентивная роль рассматриваемых уголовно-правовых норм заключается в том, что, будучи примененными правоохранительными органами, они позволяют содействовать предотвращению в дальнейшем совершения как аналогичных криминальных посягательств, так и других, более опасных деяний [1, с. 148].

Литература

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М.: Норма, 2001. 496 с.
2. Ганина С.В., Багуцкий Н.В. Проблемные аспекты деятельности участковых уполномоченных полиции // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 9 (37). С. 220-224.
3. Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А. Основные принципы деятельности участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 2 (29). С. 17-19.
4. Кучмезов Р.П. Особенности административной деятельности участкового уполномоченного полиции в курортном регионе. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2017. 137 с.
5. Латаев А.А. Административно-правовые основы деятельности участковых уполномоченных милиции в условиях пригородного района мегаполиса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 172 с.
6. Мышляев Н.П., Данилов И.П., Минахина Г.В., Савенков В.П. Профилактика корыстно-насильственных преступлений участковыми инспекторами милиции: пособие. М.: ВНИИ МВД России, 1994. 97 с.
7. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Зарегистрировано в Минюсте России 03.07.2019 № 55115 // Российская газета. 2019. 8 июля.
8. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 06.04.2011 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
9. Прокопенко В.Н. Правовые и организационные основы профилактической деятельности участковых уполномоченных милиции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 186 с.

АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ ЗА 2018-2022 ГГ.

О.М. Шаганова,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Преступность несовершеннолетних – это особый специфический объект криминологического исследования, его выделение абсолютно объективно и обоснованно [2, с. 127]. Отдельные ученые отмечают, что в настоящее время проблема преступности несовершеннолетних в России находится в центре внимания и ее нужно решать общими усилиями в кратчайшие сроки [1, с. 66].

Изучение официальных статистических данных ГИАЦ МВД России за 2018-2022 гг. свидетельствует, что количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними¹, на территории Алтайского края имеет тенденцию к снижению. Так, в 2018 г. это число составляло 938 преступлений (+0,4%); в 2019 г. – 839 (-10,6%); в 2020 г. – 776 (-7,5%); в 2021 г. – 675 (-13,1%); в 2022 г. – 655 преступления (-3,0%).

Чаще всего несовершеннолетние совершают преступления средней и небольшой тяжести. При этом их количественный показатель сократился за последние пять лет в отношении преступлений средней тяжести с 429 в 2018 г. (удельный вес от общего количества совершенных несовершеннолетними составляет 45,7%) до 259 в 2022 г. (удельный вес – 39,5%) и в отношении преступлений небольшой тяжести с 317 в 2018 г. (удельный вес – 33,8%) до 219 в 2022 г. (удельный вес – 33,4%).

Напротив, увеличилось число совершенных особо тяжких преступлений с 21 в 2018 г. (удельный вес – 2,2 8%) до 37 в 2022 г. (удельный вес – 5,6%), что вызывает особую тревогу.

Рассматривая структуру преступлений, совершенных несовершеннолетними² в Алтайском крае за последние пять лет, отметим, что наиболее распространенными из них выступают деяния, входящие в гл. 21 УК РФ, а именно:

- кражи (в 2022 г. несовершеннолетними было совершено 346 краж (удельный вес от общего количества совершенных преступлений – 52,8%));

- грабежи (в 2022 г. зафиксировано 26 грабежей (удельный вес от общего количества совершенных преступлений – 4,0%));

- угоны (в 2022 г. совершено 59 угонов (удельный вес от общего количества совершенных преступлений – 9,0%)).

Стоит указать, что показатели представленных видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, из года в год постепенно снижаются, однако удельный вес от общего количества совершенных в крае преступлений остается примерно на одном уровне. Это свидетельствует о том, что общее количество всех преступлений, совершаемых разными категориями лиц, с 2018 по 2022 г. также снижается. Так, в 2018 г. было зарегистрировано: краж – 548 (удельный вес – 58,4%); грабежей – 40 (удельный вес – 4,2%); угонов – 84 (удельный вес – 9,0%).

Также достаточно часто несовершеннолетние совершают умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) (в 2018 г. число таких деяний составляло 67 (удельный вес – 7,1%), в 2019 г. – 71 (8,4%), в 2020 г. – 60 (7,7%), в 2021 г. – 53 (7,8%), в 2022 г. – 57 (8,7%) и незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ) (в 2018 г. – 43 (удельный вес от общего количества совершенных преступлений – 4,6%), в 2019 г. – 25 (3,0%), в 2020 г. – 23 (3,0%), в 2021 г. – 22 (3,3%), в 2022 г. – 16 (2,4%)).

Отметим, что количество выявленных несовершеннолетних, являющихся студентами, совершающих преступления, в последнее время резко возросло. В частности, с 2018 по 2021 г. их число было примерно на одном уровне – около 5 преступлений в год, в 2022 г. фиксируется рост в 32 раза и теперь эта цифра равна 160 преступлениям.

¹ Данные представлены из числа расследованных преступлений за соответствующий год.

² Данные представлены из числа расследованных преступлений за соответствующий год.

Следует отметить отрицательную динамику в последнюю пятилетку в целом по количеству выявленных несовершеннолетних лиц, совершавших групповые преступления (в 2018 г. – 446; в 2019 г. – 413; в 2020 г. – 356; в 2021 г. – 287; в 2015 г. – 279 лиц). Наиболее распространенной является такая форма соучастия, как группа лиц по предварительному сговору: в 2018 г. было выявлено 429 лиц; в 2019 г. – 381; в 2020 г. – 337; в 2021 г. – 271; в 2022 г. – 266 лиц. При этом тенденцию к увеличению имеет число выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступление в составе организованной группы: в 2018 г. – 2 лица; в 2019 г. – 6; в 2020 г. – 2; в 2021 г. – 4; в 2022 г. – 6 лиц.

Количество выявленных несовершеннолетних, совершавших преступления в состоянии опьянения, ранее совершавших преступления и

ранее судимых, из года в год снижается. В частности, в состоянии алкогольного опьянения в 2018 г. было выявлено 117 лиц, в 2022 г. – 76. Ранее совершавших преступления в 2018 г. – 294, в 2022 г. – 182. Ранее судимых в 2018 г. – 73, в 2022 г. – 56.

Таким образом, с 2018 по 2022 г. наблюдается снижение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на территории Алтайского края с 938 до 655. Количество выявленных несовершеннолетних преступников также постепенно сокращается – с 1067 до 737. Наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними, являются кражи, грабежи и угоны. Отмечается рост числа несовершеннолетних, совершающих особо тяжкие преступления, с 21 до 37 и в составе организованной группы – с 2 до 6.

Литература

1. Батыщева Е.В. Преступность несовершеннолетних: состояние, причины, профилактика // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1 (25). С. 66-69.
2. Репьева А.М., Шаганова О.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: детерминанты и меры предупреждения (на материалах Алтайского края) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 127-140.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

О.Н. Штаб,

кандидат педагогических наук, доцент

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Д.А. Маракулин

Барнаульский юридический институт МВД России

Сегодня можно с уверенностью говорить о значительной роли участковых уполномоченных полиции в вопросах предупреждения незаконного оборота наркотиков, начиная с индивидуальной профилактической работы с лицами, больными наркоманией, и заканчивая выявлением и пресечением административных правонарушений и преступлений в данной сфере [5].

Участковые уполномоченные полиции в соответствии с п. 7.3 приказа МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» наделены обязанностью на административном участке выявлять и принимать меры по привлечению в установленном порядке и в пределах своей компетенции к ответственности лиц, ко-

торые совершают незаконные действия, не только связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами или прекурсорами, но и с новыми потенциально опасными психоактивными веществами (далее – НПОПВ).

При этом в п. 7.16 данного нормативного правового акта закрепляется ещё одна обязанность участковых уполномоченных полиции по взаимодействию в предупреждении преступлений в сфере незаконного оборота указанных предметов с другими подразделениями территориальных органов внутренних дел [3].

Понятие НПОПВ было закреплено в 2015 г. в ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». В статье 2 данного закона говорится о Реестре НПОПВ и определяется, что порядок формирования и содержание Реестра устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел [4].

С появлением данного понятия законодатель устанавливает административную ответственность (ст. 6.9, 6.9.1, 6.10, 6.13, 20.20, 20.22 КоАП РФ) и уголовную ответственность (ст. 234.1 УК РФ) за незаконные действия, связанные с НПОПВ.

Казалось бы, есть все предпосылки к тому, что незаконный оборот НПОПВ находится под полным контролем правоохранительных органов, но, например, анализ данных судебной статистики свидетельствует о другом: в России с 2016 по 2022 г. по ст. 234.1 УК РФ было осуждено всего 3 человека [7].

Вопрос о проблемах, связанных с НПОПВ, неоднократно поднимался многими авторами в юридической литературе [1, 8, 9].

Однако мы разделяем мнение авторов, в первую очередь обращающих внимание на законодательные пробелы формирования Реестра НПОПВ, которые в связаны с процессом реорганизации ФСКН России [2].

Так, проведенный нами опрос среди участковых уполномоченных полиции (всего в опросе приняло участие 54 сотрудника со стажем работы в должности от 1 до 5 лет) показал, что они не испытывают трудности при определении таких понятий, как «наркотические средства», «психотропные вещества», «прекурсоры». Опрашиваемые называли наименования наркотических средств и психотропных веществ, которые утверждены постановлением Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 и наиболее часто встречаются в судебно-следственной практике на обслуживаемых административных участках [6].

Но абсолютно все респонденты затруднились в определении НПОПВ. При этом 24 сотрудника к НПОПВ отнесли разновидности некурительных табачных изделий (снюс и (или) насвай), 20 опрашиваемых назвали в их числе «курительные смеси», а остальные не смогли ответить на данный вопрос.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что сегодня законодатель определяет понятие «новые потенциально опасные психоактивные вещества», запрещает их оборот, наделяет субъекты профилактики обязанностью бороться с ними, предусматривая при этом административную и уголовную ответственность, однако в то же время упускает вопрос совершенствования механизма формирования Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, является одной из главных причин, связанных с возникающими трудностями в профилактической работе участковых уполномоченных полиции в вопросах незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которая требует скорейшего решения.

Литература

1. Кухарук В.В. Новые психоактивные вещества как современный фактор угрозы безопасности здоровью населения // Право и политика. 2021. № 2. С. 61-69.
2. Новикова Е.П. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ: состояние и тенденции // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 220-223.
3. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 29.09.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 (ред. от 24.01.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Судебная статистика. URL: <https://stat.api-пресс.рф/> (дата обращения: 10.05.2023).

8. Темботова М.А. Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: вопросы нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 139-143.

9. Федоров А.В. Вопросы криминализации и квалификации оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Антинаркотическая безопасность. 2016. № 1 (6). С. 5-14.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

М.Д. Ардзинба

Волгоградская академия МВД России

Повсеместное внедрение и распространение интернет-технологий внесло в жизнь общества множество полезных возможностей, в т.ч. передачу сообщений на любые расстояния в кратчайшие сроки. Однако достижениями современных компьютерных технологий пользуются в т.ч. и преступники [1, с. 76-78].

Одной из наиболее острых проблем является сбыт наркотических средств и психотропных веществ (далее – НСПВ) с помощью сети Интернет. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. было зарегистрировано 47 тыс. преступлений, связанных со сбытом наркотических средств с использованием сети Интернет, это 41% от всех наркопреступлений, зарегистрированных в указанный период [2].

Проблема распространения НСПВ с помощью сети Интернет, которое зачастую проходит через посредников, представителей незаконных маркетплейсов, в условиях, когда окончательный приобретатель наркотических средств не всегда (а как показывает практика, такой принцип распространения наркотиков в основном и встречается) напрямую связывается со сбытчиком.

Наиболее дискуссионным с точки зрения уголовного права является вопрос о моменте сбыта: будет ли сбыт окончательным преступлением, если «закладчика» задержали сотрудники правоохранительных органов в момент, когда он еще не передал данные «закладки» покупателю, или если посредник по каким-либо причинам не передал данные последнему?

Данные вопросы относятся к объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, а именно к такому признаку объективной стороны, как способ совершения преступления.

В разъяснениях Верховного Суда РФ можно найти термины, подходящие для определения подобных методов сбыта НСПВ, если в момент изготовления тайника с наркотическим средством лицо по независящим от него обстоятельствам не передает его данные окончательному потребителю (приобретателю), такое деяние будет классифицироваться как «покушение на незаконный сбыт» [4].

Тогда, если окончательный потребитель (приобретатель) наркотического средства уведомлен о нахождении «закладки», то в этом случае имеет место оконченное преступление – сбыт НСПВ.

Однако в уголовной практике встречались случаи, когда изготовитель «закладок» после их создания передавал координаты посреднику, а тот, в свою очередь, передавал данные третьим лицам. Суд на основании доказательств, представленных сотрудниками правоохранительных органов, посчитал, что этими третьими лицами были конечные потребители, на основании информации об автоматической рассылке данных о нахождении наркотических средств. Однако оперативными сотрудниками не были предоставлены достаточные данные о том, каким образом и с помощью какого программного обеспечения была осуществлена эта рассылка, также не было предоставлено однозначных доказательств о том, что указанные в материалах дела третьи лица были конечными потребителями.

Рассмотрев вышеуказанные обстоятельства, Верховный Суд указал, что суд первой инстанции оставил без внимания обстоятельство, что подсудимый, передавая информацию о нахождении наркотических средств, не был проинформирован о передаче этой информации третьим лицам, также аргумент обвинения о наличии автоматической рассылки данных о нахождении наркотических веществ не был достоверно установлен. Верховный Суд удовлетворил жалобу подсудимого и смягчил его наказание, переqualифицировав приговор как преступление, предусмотренное п. «а» и «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, – как покушение на незаконный сбыт наркотических средств группой лиц по предварительному сговору с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [3].

Подводя итог, можно отметить, что установленное понятие «покушение на сбыт НСПВ» в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 дает точную квалификацию неоконченного сбыта НСПВ относительно объективной стороны преступлений, связанных с бесконтактной передачей наркотических средств.

Литература

1. Ботвин И.В. Модернизация уголовного закона в эпоху цифровизации // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат-лы XXII Всерос. науч.-практ. конф-ции (Новокузнецк, 19-20 октября 2022 г.) / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН, 2022. С. 76-78.

2. Интервью ТАСС начальника Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ А.Ю. Некрасова [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кассационное представление Верховного Суда РФ № 758 от 14.12.2021 на приговор Центрального районного суда г. Сочи № 1913 от 12.10.2021 // Архив Центрального районного суда г. Сочи.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Е.П. Глебова

Барнаульский юридический институт МВД России

Особенности субъективной стороны состава, закрепленного в ст. 124.1 УК РФ, характеризующейся умышленным актом воспрепятствующего поведения и наступлением неосторожных последствий, порождают вопрос о надлежащей квалификации содеянного в случае, если такое противоправное действие (бездействие) образует состав самостоятельного преступления. В частности, воспрепятствование законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи может быть осуществлено путем совершения таких преступлений, как умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью медицинского работника (ст. 111, 112, 115 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение медицинского оборудования (ст. 167 УК РФ) и иными, которые в сочетании с фактическими обстоятельствами способны лишить возможности надлежащего оказания указанной помощи.

В доктрине уголовного права противоправное деяние, которое «служит способом достижения цели совершения другого преступления», предлагается именовать «преступление-

способ», а второе, соответственно, – «преступление-результат» [5, с. 45-47].

При квалификации преступление-способ и преступление-результат образуют конкуренцию нормы-части и нормы-целого либо совокупность преступлений.

Конкуренция нормы-части и нормы-целого, по существу, представляет собой их подчинение по содержанию, при котором норма-целое включает в себя норму-часть, не являясь для нее обобщающей. Исследователями уголовного права указанное описывается следующим образом: «...одна норма характеризуется некими существенными признаками (норма-часть), а другая кроме них имеет признак (признаки), отсутствующий в первой норме (норма-целое)» [3, с. 56-69]. Подлежащей применению при такого рода конкуренции является норма-целое при условии, что санкция последней, как показатель большей степени общественной опасности, превышает санкцию нормы-части. Обратное, в соответствии с положениями ст. 17 УК РФ, требует квалификации по совокупности преступлений.

Однако статья, закрепляющая состав преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи, не может являться нормой-

целым даже в тех случаях, в которых за предполагаемое преступление-способ предусмотрена меньшая ответственность. Приведенный вывод обосновывается следующим.

В целях применения положений ст. 124.1 УК РФ под «воспрепятствованием» надлежит понимать только умышленное деяние, что предполагает осознание лицом его потенциальной опасности и предвидение абстрактной возможности наступления неблагоприятных для здоровья (жизни) пациента последствий, а также включает волевой элемент в виде отношения к факту лишения медицинского работника возможности надлежащего оказания медицинской помощи (промежуточный преступный результат) с безразличием либо как к желаемому или допустимому. При этом лицо, относясь к наступлению последствий с легкомыслием, рассчитывает на то, что их удастся избежать.

В свою очередь, конкуренция нормы-части и нормы-целого, изначально предполагающая их подчинение по содержанию, возможна лишь тогда, когда форма вины таких составов является идентичной. Соответственно, психическое отношение лица к совершаемому при преступлении-способе и преступлении-результате также должно быть одинаковым. Напротив, при его несовпадении надлежащей будет являться квалификация по совокупности преступлений. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание исследователями уголовного права. Так, на существование конкуренции части и целого в пределах одной формы вины указывает Ф.М. Абубакиров [1, с. 18-20]. Аргументированной является позиция Н.И. Мацнева, Р.Д. Шарапова, полагающих, что поскольку насилие – это умышленное деяние, то «в насильственный способ сложного преступления, независимо от величины санкции за него, не должны включаться неосторожные физические последствия, наступившие в результате его применения» [6, с. 66-79].

Принимая во внимание изложенное, совершение любого умышленного криминализованного деяния, выступившего в качестве способа воспрепятствования оказанию медицинской помощи, независимо от санкции соответствующей статьи требует квалификации по совокупности с неосторожным преступлением, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124.1 УК РФ.

Кроме того, при квалификации содеянного также необходимо учитывать разнородность объектов преступных посягательств, соотносящихся между собой как способ воспрепятство-

вания оказанию медицинской помощи и результат такого воспрепятствования.

В фундаментальной работе, посвященной исследованию института многообъектных преступлений, Е.Н. Карабанова, отмечая, что «нет и не может быть таких составов преступлений, которые бы по умолчанию включали в себя признаки другого состава преступления» [4, с. 303], указывает: «Разнородность объектов деяний не позволяет без специального указания на то в законе квалифицировать их по одной норме, необходима дополнительная квалификация преступного способа совершения преступления» [4, с. 307].

Непосредственным объектом состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья лица, обладающего статусом пациента. Потерпевшим в результате преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи может являться только пациент, под которым в целях применения положений ст. 124.1 УК РФ следует понимать физическое лицо, в отношении которого у медицинского работника возникла и продолжает существовать обязанность оказания медицинской помощи.

Вместе с тем ни один из содержащихся в действующем отечественном уголовном законе составов преступлений, которые способны выступить как способ воспрепятствования оказанию медицинской помощи, не предусматривает в качестве непосредственного объекта общественные отношения, направленные на сохранение жизни и здоровья пациента. Так, непосредственным объектом умышленного причинения тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью медицинского работника (ст. 111, 112, 115 УК РФ) является совокупность общественных отношений, существующих в сфере обеспечения здоровья другого лица. Объектом состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), по разделяемому нами мнению Ю.А. Жданова, служат «общественные отношения (правоотношения), направленные на охрану свободы волеизъявления человека» [2, с. 8].

В свою очередь, ст. 124.1 УК РФ направлена только на охрану личных благ лица, обладающего в соответствии с действующим законодательством статусом пациента, и более никого другого. Соответствующий состав преступления не охватывает ответственность за нарушение каких-либо прав третьих лиц, в т.ч. не охватывает применение любого насилия к медицинским работникам.

Таким образом, непосредственные объекты преступлений, рассматриваемые в данном случае как способ и результат, различны, каждый из них охраняется уголовным законом самостоятельно, что также подтверждает необходимость квалификации по совокупности преступлений.

Изложенное позволяет сформулировать следующее правило квалификации содеянного

для случаев, когда противоправное поведение образует отдельный состав: воспрепятствующее оказанию медицинской помощи действие (бездействие), носящее умышленный характер и являющееся самостоятельным преступлением, подлежит квалификации по совокупности с составом преступления, закрепленным положениями ст. 124.1 УК РФ.

Литература

1. Абубакиров Ф.М. Квалификация преступлений при конкуренции части и целого // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф-ции (Пенза, 25 октября 2017 г.). Пенза, 2017. С. 18-20.
2. Жданов Ю.А. Сравнительная уголовно-правовая характеристика угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014. 27 с.
3. Иногамова Л.В. Виды конкуренции норм уголовного права // Российский юридический журнал. 1999. № 4 (24). С. 56-69.
4. Карабанова Е.Н. Многообъектные преступления: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 469 с.
5. Карабанова Е.Н. Совершение преступления как способ мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 45-47.
6. Мацнев Н.И., Шарапов Р.Д. Основы квалификации сложных насильственных преступлений по совокупности уголовно-правовых норм и при их конкуренции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 4 (261). С. 66-79.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРОБАЦИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

А.А. Дорожинский

Барнаульский юридический институт МВД России

Многолетняя озабоченность законодателя, а также криминологов и ученых-пенитенциаристов в вопросе создания в уголовно-исполнительной системе новых и более эффективных мер предупреждения повторных преступлений среди осужденных была отчасти снижена после принятия Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [3].

Отметим, что в последние несколько десятилетий уже были попытки принятия аналогичного закона о пробации в России, которые также рьяно подвергались анализу и обсуждению среди различных исследователей [1, с. 74-80].

Кроме того, ранее ряд ученых [2, с. 15-16] высказывали необходимость введения института пробации в России, что подчеркивает актуальность принятого законодателем курса, проводимого в современной уголовно-исполнительной политике [4, с. 5-8].

Новый закон закрепляет основные цели отечественной пробации, к которым относятся: коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, предупреждение совершения повторных преступлений путем назначения в отношении осужденных одного из трех видов пробации: исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной. В рамках проводимого

нами исследования нас будет интересовать исполнительная пробация, т.е. пробация, представляющая собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и иных мер уголовно-правового характера.

Первый момент, который возник при анализе исполнительной probation, это правовая сторона реализации данного вида probation на практике. Логично возникает вопрос о соотношении мер исполнительной probation и средств исправления, применяемых к осужденным в соответствии с уже действующими положениями УИК РФ, приказа Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», приказа Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» и иными нормативными правовыми актами. Дело в том, что на сегодняшний день не совсем ясно, будет ли законодатель каким-либо образом вносить изменения в вышеупомянутые и другие нормативные акты, регулирующие деятельность по работе с осужденными без изоляции от общества. Если да, то в каком объеме, или же будут разработаны и приняты самостоятельные нормативные акты, реализующие деятельность исполнительной probation. Также возникает вопрос, в какой степени будет расширяться перечень обязанностей, функций и полномочий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) при реализации исполнительной probation на практике?

Вторым моментом, который обращает на себя внимание, является то, что исполнительная probation применяется в отношении осужденных, находящихся в трудных жизненных ситуациях, однако законодатель определил понятие «трудная жизненная ситуация» как одно или несколько одновременных обстоятельств, ухудшающих условия жизнедеятельности лиц, что, на наш взгляд, является очень обширным, без какой-либо конкретизации понятием. К примеру, ни для кого не секрет, что многие осужденные отрицательно относятся к труду, открыто показывая свое нежелание создавать законные источники дохода. Можно ли в таком случае, исходя из данного понятия, говорить о том, что осужденный, не имея денежных средств к нормальному существованию, находится в условиях, ухудшающих его положение,

и что к нему необходимо применить probation? Очевидно, что нет, т.к. это волевое решение самого осужденного. В данном случае должны быть более весомые и серьезные ситуации, которые самостоятельно осужденный не может преодолеть.

Третьим камнем преткновения является то, что согласно Федеральному закону от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» основанием применения исполнительной probation являются: заявление самого осужденного или его законного представителя; результаты проведения оценки индивидуальной нуждаемости.

По нашему мнению, для того, чтобы написать данное заявление, осужденный должен обладать довольно высоким уровнем осознанности. Как показывает практика, процент таких лиц из общей массы всех осужденных, состоящих на учете в УИИ, небольшой и, как правило, исправление таких лиц и профилактика повторных преступлений среди них достигается стандартными мерами, используемыми УИИ в настоящее время. Значительная же масса осужденных с большей вероятностью не захочет добровольно писать подобное заявление. Выходом из данной ситуации может послужить обязательное применение probation для всех без исключения осужденных рассматриваемой категории, но с разным сроком применения данной probation. Другое предложение – это оставить добровольное написание осужденным заявления, но при этом должны обязательно быть стимулирующие, мотивационные инструменты, побуждающие у последнего желание написать такое заявление. Поощрением осознанности осужденного могут послужить, к примеру, сокращение срока исполнения наказания и иные благоприятные для осужденного меры. Еще одним основанием применения probation являются результаты проведения оценки индивидуальной нуждаемости, где не ясно, какие именно критерии оценки законодатель закладывает при определении индивидуальной нуждаемости осужденного в probation, а также не ясно, кто именно может выступать в качестве экспертов при вынесении данной оценки.

Следующим моментом, который обращает на себя внимание, является срок исполнительной probation, который, в свою очередь, определяется индивидуальной программой. Дело в том, что правовое положение, которое бы позволило разрабатывать и внедрять индивидуальные программы, вступает в законную силу лишь в начале 2025 г., более того, на сегодняшний день нет никаких концепций содержательной

стороны данных программ, что вызывает затруднение в их определении.

Таким образом, изучив далеко не все проблемные вопросы исполнительной пробации, можно сделать вывод о том, что принятый и вступающий в законную силу в несколько этапов (01.01.2024, 01.01.2025) закон, закрепляю-

щий институт пробации в Российской Федерации, требует доработки, конкретизации, а также серьезной подготовки материальной, технической, кадровой и экономической базы, необходимой для реализации исполнительной пробации в уголовно-исполнительной системе.

Литература

1. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Постпенитенциарный контроль и борьба с рецидивной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 74-80.

2. Малолеткина Н.С. О целесообразности полного внедрения института пробации в современную пенитенциарную систему // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2. С. 15-16.

3. О пробации в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (вступает в силу: 01.01.2024, 01.01.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

К ВОПРОСУ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

А.Г. Зайцев

Барнаульский юридический институт МВД России

В основе верховенства права лежит обеспечение на практике основных прав и свобод человека. В свою очередь, важнейшим гарантом соблюдения таких прав, провозглашенных на конституционном уровне, выступает правосудие. В Конституции Российской Федерации закрепляется недопущение пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ч. 2 ст. 21) [1]. Применение данных способов к участникам уголовного судопроизводства запрещено также Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ).

Одной из норм, устанавливающих уголовную ответственность за принуждение к даче показаний, выступает ст. 302 УК РФ [2]. Необходимо отметить высокую общественную опасность такого вида преступных деяний, заключающуюся в том, что лица, призванные и уполномоченные государством осуществлять правосудие для достижения конкретной цели, существенным образом нарушают законные права и

свободы граждан, подрывают авторитет и доверие к правоохранительным органам. Кроме того, такого рода незаконные методы сбора доказательств и осуждения невинных людей препятствуют наказанию тех, кто действительно совершил преступление. Закон признает преступлением сам способ сбора доказательств, даже если он окажется верным и приведет к раскрытию преступления. Следует учитывать и то, что, согласно ст. 50 Конституции РФ, «при отправлении правосудия запрещается использовать доказательства, полученные с нарушением закона», соответственно, если даже лицо фактически виновно в совершении преступления, то вследствие принуждения со стороны должностных лиц и исключения полученных данных из числа доказательств возможно непривлечение его к уголовной ответственности [3].

В связи с низким уровнем правовой культуры, увеличением нагрузки на личный состав правоохранительных органов, ухудшением морально-психологического состояния и иными

негативными факторами, оказывающими воздействие на правоохранительные органы, складывается мнение, что законным путем не всегда можно раскрыть преступление, поэтому происходит нарушение прав и интересов лиц, вовлеченных в указанную сферу.

На данный момент официальные статистические данные указывают на очень низкий уровень преступности, связанной с принуждением к даче показаний. Исходя из этого, мы приходим к выводу о том, что на протяжении последних пяти лет на территории Российской Федерации было зарегистрировано небольшое число преступлений, предусмотренных ст. 302 УК РФ. Примечательно также то обстоятельство, что в некоторые годы их не было зафиксировано вообще. Также отметим, что по данной категории уголовных дел в основном принимается отрицательное решение вследствие отсутствия состава преступления. Полагаем, что наличие лишь единичных примеров практики применения ст. 302 УК РФ объясняется несовершенством конструкции состава принуждения к даче показаний, проблемами толкования обязательных признаков, с которыми законодатель связывает возможность реализации уголовной ответственности по данной норме закона. Кроме того, факты принуждения к даче показаний зачастую квалифицируются по иным преступлениям против государственной власти либо против жизни и здоровья.

Законодательная регламентация состава принуждения к даче показаний препятствует эффективному применению уголовно-правовой нормы, поскольку представленные положения закона отличаются неконкретностью предписаний относительно субъектов данного деяния, способов его совершения, закреплением того или иного объема вредных последствий. Помимо этого, федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ в основной и квалифицированные составы были внесены существенные изменения, а часть 3 ст. 302 УК РФ – «совершенное с применением пытки» и часть 4 ст. 302 УК РФ – «повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью» введены в данную норму впервые.

Исходя из вышесказанного, представляет интерес низкий уровень зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 302 УК РФ. Однако они представляют повышенную общественную опасность, т.к. осуществляются теми, на кого по закону возложена задача отправления надлежащего правосудия. Кроме того, эффективность реализации уголовно-правового запрета зависит от качества законодательного материала. Следует отметить, что общественная опасность таких противоправных деяний проявляется в нарушении процессуальных принципов: неприкосновенности личности, обеспечения защиты прав лиц, участвующих в уголовном процессе, законности, уважения чести и достоинства личности и др.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 18.03.2023). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРИМЕНЕНИЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ Ч. 1 СТ. 228 УК РФ

Н.В. Климович

Барнаульский юридический институт МВД России

После введения в 2016 г. судебного штрафа в гл. 11 и 15.2 УК РФ среди представителей научного сообщества не прекращаются активные дискуссии о его сущности и целесообразности закрепления в законе. Так, отдельные ученые представляют судебный штраф как уголовное наказание [1, с. 127], другие рассматривают его как меру уголовной ответственности [3, с. 107], многие исследователи вслед за законодателем считают иной мерой уголовно-правового характера [6, с. 11]. При этом судебный штраф активно применяется при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, отнесенных к категориям небольшой или средней тяжести.

Следует отметить, что на сегодняшний день в правоприменительной практике остаются не до конца решенными вопросы о применении положений ст. 76.2 УК РФ при рассмотрении уголовных дел с отсутствием явно выраженного потерпевшего, а также при совершении преступлений с формальным составом. Оба вопроса актуальны в случаях, когда необходимо избрать меру уголовно-правового воздействия за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Одним из требований законодателя при применении судебного штрафа к виновному является возмещение ущерба или иное заглаживание вреда. Как известно, в преступлениях, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 228 УК РФ, отсутствует потерпевшая сторона. По мнению правоприменителей, указанное обстоятельство не является основанием для отказа применения судебного штрафа, и виновные лица освобождаются от уголовной ответственности. В результате незаконного оборота наркотических средств, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 228 УК РФ, действительно, не наносится вреда конкретному лицу, но считать, что в результате данных преступных действий вред не причиняется вообще, было бы ошибочным. В данном случае объектом преступного посягательства является здоровье населения и общественная нравственность, т.е. преступными действиями виновного причиняется вред интересам всего общества и государ-

ства. Положения ст. 76.2 УК РФ, помимо возмещения вреда потерпевшему, предусматривают возможность заглавить причиненный вред иным образом. Из формулировки п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [4] следует, что действия по заглаживанию вреда могут быть совершены не только в пользу конкретного потерпевшего, но и в пользу государственных или общественных организаций. При этом под заглаживанием вреда от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, в правоприменительной практике, в частности, понимается: внесение благотворительных пожертвований в благотворительный фонд (желательно, если фонд будет связан с лечением наркозависимых лиц); участие в публичных акциях, направленных на борьбу с наркоманией; выполнение различных работ в учреждениях (по содержанию больных наркоманией); волонтерская деятельность и т.д. Вопрос о возможности применения судебного штрафа в каждом конкретном случае рассматривается индивидуально, в зависимости от лица, совершившего преступление, его характеризующих данных, образа жизни, места работы и т.д. Так, например Волжским городским судом Республики Марий Эл гражданин З. был освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа; он загладил причиненный своими преступными действиями вред путем добровольного пожертвования в адрес Государственного бюджетного учреждения Республики Марий Эл «Волжский центр для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей» в размере 10 000 рублей [7]. Как показывает судебная практика, перечень способов заглаживания вреда открытый, но самым распространенным из них является осуществление добровольного пожертвования в благотворительные фонды.

Что касается возможности освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при совершении преступления

с формальным составом, то действующий уголовный закон не содержит на этот счет какого-либо запрета. Данная позиция отражена в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 [5]. В уголовно-правовой литературе ряд исследователей полагают, что освободить лицо от уголовной ответственности с применением к нему судебного штрафа возможно лишь за те преступления с формальным составом, где возможно принять меры по заглаживанию реально причиненного вреда. В противном же случае, по мнению авторов, если виновный не может восстановить нарушенные им права потерпевшего, законные интересы личности, общества и государства, решение о назначении рассматриваемой нами меры уголовно-правового характера принято быть не может [8, с. 111-112]. Такую позицию подтверждают и некоторые примеры из правоприменительной практики. Так, кассационным определением от 13 января 2022 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 октября 2020 г. о назначении гр. Д.Д.Л., виновному в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 228 УК РФ, судебного штрафа, апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 27 января 2021 г. об изменении срока уплаты судебного штрафа и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г. об оставлении без изменения указанных выше судебных решений [2]. Основанием отмены послужило представление прокурора, в котором он ставит под сомнение вывод судебных инстанций о том, что вред, причиненный преступлением, гр. Д.Д.Л.

загладил путем выполнения общественно полезных работ в управляющей компании ООО «С».

Следовательно, судебная практика иногда идет вразрез с отдельными правовыми позициями Верховного Суда РФ, подкрепляя сомнения некоторых исследователей в их достаточной обоснованности. Однако подход, в соответствии с которым освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа применимо как к преступлениям с материальным составом, так и с формальным составом, но только в тех случаях, если возможно загладить причиненный вред, является противоречивым, поскольку нарушает принцип справедливости, заключающийся в том, что любое лицо может быть освобождено от уголовной ответственности независимо от конструкции состава совершенного им преступления. Принимая во внимание изложенное, полагаем необходимым внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, дополнив его перечнем способов заглаживания вреда по преступлениям с формальным составом. На наш взгляд, указанные изменения позволят правоприменителю не только реализовать принципы отечественного уголовного законодательства, но и обеспечить единообразие судебной практики.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности с применением к виновному судебного штрафа вызывает активные дискуссии среди теоретиков и широко применяется среди практиков. Однако до настоящего времени остается неурегулированным вопрос о его применении к преступлениям с разными по конструкции составами (в частности, с формальным составом). Видится, что судебный штраф подлежит активному применению в будущем, однако порядок такого применения требует соответствующих разъяснений.

Литература

1. Брагин В.М., Степашин В.М. Иные меры уголовно-правового характера и судебный штраф // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2019. № 3.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2022 № 78-УДп21-48-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ законопроектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8.
4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

7. Постановление № 1-156/2018 от 18 октября 2018 г. по делу № 1-156/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3ywWH8S1GbJ0/> (дата обращения: 03.02.2023).

8. Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7.

ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНСТИТУТА СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.В. Медведева

Барнаульский юридический институт МВД России

Исследование социально-криминологических основ института составного преступления необходимо для выявления причин, опираясь на которые, законодатель охотно и активно использует такую уголовно-правовую конструкцию. Ввиду того, что анализ действующего и предшествовавшего уголовного законодательства свидетельствует о том, что существует устойчивая тенденция к увеличению в законодательстве конструкций с составными преступлениями, вопрос о детерминантах такой уголовно-правовой категории встает наиболее остро.

В последнее время в теории уголовного права мнения ученых и исследователей относительно необходимости использования законодателем института составного преступления разделились на два противоположных подхода. Одни (к ним относятся В.В. Питецкий, Н.Б. Гулиева, Т.А. Калинина, Н.Н. Куличенко, П.Ю. Предеин, С.Н. Романюк и другие) полагают, что наличие норм о составном преступлении в уголовном законодательстве уже является достаточной причиной для изучения и разработки теоретических положений и концепций, регулирующих спорные вопросы, возникающие при регламентации и у правоприменителя [4, с. 20-22].

Другие (А.С. Горелик, Б.В. Волженкин, А.В. Козлов, А.П. Козлов, А.П. Севастьянов, Н.М. Журавлев, Н.Н. Коротких) утверждают, что такие нормы не более чем законодательная «привычка» и архаизм, от которого следовало бы уходить, потому как замена института составного преступления легализованным

определением совокупности или закреплением в законе понятия о конкуренции норм решила бы ряд сложностей, возникающих, в частности, при квалификации преступлений [3, с. 71].

Таким образом, выявление причин, обуславливающих использование законодателем составных конструкций, предполагает уяснение социально значимых оснований и условий, а кроме того, поможет понять необходимость такого законодательного решения и наметить определенные тенденции развития указанного уголовно-правового института.

К социально значимым аспектам правовых институтов в теории уголовного права принято относить реализацию принципа справедливости. Важность этой морально-правовой категории в уголовном праве подтверждает А.С. Горелик: «Справедливость – понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека; данная категория содержит требования соответствия между правами и обязанностями различных индивидов (социальных групп), между деянием и воздаянием, преступлением и наказанием» [2, с. 85].

Следовательно, любое законодательное решение должно удовлетворять принципу справедливости, чтобы удовлетворять социально значимые потребности общества. Таким образом, основная цель нашего исследования заключается с точки зрения диалектического подхода в необходимости ответить на вопрос, насколько общество нуждается в использовании законодателем составной конструкций преступлений.

В.Д. Филимонов к основным причинам закрепления составных преступлений в уголовном праве относит специфическую опасность причинения вреда общественным отношениям [7, с. 32]. А.С. Горелик, В.Н. Кудрявцев, В.П. Малков, А.В. Наумов, Т.Г. Черненко и другие также обращают внимание на эту особенность. Составные преступления – это не только законодательная техника, стремящаяся зафиксировать новый интегрированный поведенческий акт, который обладает повышенной общественной опасностью. Это также самостоятельный вид общественно опасного поведения. Многие исследователи под специфичностью общественной опасности составных преступлений понимают лишь ее повышение. Такое ограниченное представление не учитывает весь разнообразный спектр составных преступлений.

Стоит обратить внимание, что специфическая общественная опасность может быть как со знаком «минус», так и со знаком «плюс». Однако большая часть составных преступлений все же представлена повышением общественной опасности. Особенно явно наблюдается устойчивая тенденция в повышении уровня общественной опасности составных норм, в которых указан насильственный способ совершения преступления. Таких норм в современном Уголовном кодексе около 90. По статистическим данным Алтайского края и России в целом, средний уровень прироста преступлений, связанных с применением насилия, составляет более 17% за 2022 г.

Отдельно стоит отметить, что законодатель правомочен изменять санкции. Так, например, последние изменения УК РФ, вступившие в силу 29 марта 2023 г., изменяют санкцию в составных преступлениях (ст. 207.3, ст. 280.3 УК РФ) с трех лет лишения свободы до пяти. Поэтому, по нашему мнению, использование составных норм, дифференцирующих ответственность, является одним из хорошо действующих средств по усилению борьбы с преступностью.

Кроме того, институт составного преступления облегчает процесс доказывания и расследования уголовных дел. Такую же позицию высказывает В.П. Малков, говоря о том, что составные нормы являются одним из действующих способов процессуальной экономии [6, с. 132]. Это является закономерным, ведь перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), необходимо, по сути, дублировать при вменении нескольких эпизодов, т.е. при совокупности преступлений, что как минимум увеличивает срок

расследования и затягивает процессуальные сроки.

Сторонники исключения института составного преступления из отечественного уголовного права оперируют «искусственностью» созданного законодателем запрета. Они утверждают, что такие нормы, как разбой (ст. 162, УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), не являются отражением объективной действительности.

Однако с точки зрения естественного права преступление – это социальное явление, отражающее объективную реальность, при этом обладающее определенной автономией, т.е. независимо от любого субъекта, в т.ч. от законодателя. Если поведение с высокой вероятностью может нанести вред обществу, то возникает потребность адекватного властного (государственного) реагирования, выражающегося в запрете подобных действий под угрозой наказания. Природа человеческого поведения складывается в процессе исторического онтогенеза, а юридически оформленный запрет (норма) – это вынужденная мера государственного реагирования. Логично, что криминализация любых деяний полностью возложена на законодателя.

В то же время «учтенность» законодателем выделяется большинством ученых как основной признак составных преступлений, что подчеркивает внутреннюю причинно-следственную либо обуславливающе-опосредованную связь между преступлениями, охватываемыми составной нормой. Такая связь прослеживается как на объективном, так и на субъективном уровне.

Из обширного количества разновидностей объективных связей в составных преступлениях можно выделить несколько наиболее выраженных: составные нормы, где связь между преступлениями является причинной (идеальная совокупность); составные нормы, где связь является обуславливающее-опосредованной (реальная совокупность).

Субъективная связь составных преступлений выражается в умысле по отношению к обоим преступлениям либо в любых других сочетаниях умысла и неосторожности.

Таким образом, если между преступными деяниями не удастся установить объективную или субъективную взаимосвязь, то нет и предпосылок для формирования составной нормы.

Еще одной причиной образования составных норм можно считать стремительное изменение общественных отношений, выражающееся в появлении новых видов преступлений и типичного сочетания актов преступного пове-

дения. Это приводит законодателя к необходимости быстрого адекватного решения, чаще всего выражающегося в интеграции норм. Обратный процесс – дифференциация норм – тоже используется в правотворчестве, однако как исключение [7, с. 85-87].

Таким образом, можно выделить следующие социально значимые причины использования законодателем института составного преступления в отечественном уголовном праве:

- специфическая ответственность за составные преступления;
- процессуальная экономия;
- наличие устойчивой, учтенной законодателем взаимосвязи отдельных деяний в составной норме;
- необходимость быстрого и правильного государственного реагирования на стремительное изменение общественных отношений.

Литература

1. Ботвин И.В. Реализация современных законодательных трендов в уголовной политике Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 17-й междунар. науч.-практ. конф-ции. В 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Ч. 2. С. 6-8.
2. Горелик А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров (принципы, законодательство, судебная практика). Красноярск: Соло, 1991.
3. Илиджев А.А. Некоторые вопросы отражения в Особенной части УК РФ учтенной совокупности преступлений // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1. С. 71-77.
4. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 185 с.
5. Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974.
6. Нижник Н.С., Бавсун М.В., Астафичев П.А., Алиев Я.Л. и др. Законность как основополагающее начало российского права. СПб., 2021.
7. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019.
8. Филимонов В.Д. Нормы уголовного права. СПб., 2004.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДОЛЖНОСТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

О.В. Новикова

Академия управления МВД России

Каждый член общества должен быть уверен в стабильности своего государства, обеспечивающего правопорядок и безопасность. Вместе с тем реалии современной жизни таковы, что государственная власть, истинной целью которой является служение интересам общества в целом и каждого человека в отдельности, не всегда в должной мере оправдывает свое предназначение. В ее структуре появляются недобросовестные чиновники, которые своим поведением подрывают веру народа в сильное и независимое государство, способное защитить их от внешних и внутренних угроз. Важность обеспечения защиты публичной власти сопряжена с социальными ожиданиями населения и их пред-

ставлениями и надеждами на справедливость и поддержку со стороны сильного, стабильного государства.

Совершение должностными лицами и иными представителями чиновничьего аппарата различных нарушений по долгу службы, их противоправные деяния вопреки интересам личности, общества и государства подрывают авторитет власти в глазах населения, снижают уровень доверия граждан к его представителям. Зачастую совершение чиновниками правонарушений (в первую очередь речь идет о нарушениях административного и уголовного законодательства) вызывает общественный резонанс, провоцирует возникновение социальной напря-

женности, чем в конечном итоге пользуются представители оппозиционных сил в своих интересах. Как результат – различные акции протеста, столкновения и «цветные революции» в обществе, единственной целью деятельности которых является дестабилизация общества и захват власти.

Статистика свидетельствует, что по итогам 2021 г. на территории нашего государства зафиксировано более 35 тыс. преступлений коррупционной направленности, что на 13,8% больше, чем за аналогичный период предшествующего года [5]. В своем выступлении 26 апреля 2022 г. в Совете Федерации Российской Федерации Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов информировал сенаторов о том, что слаженная работа правоохранительных органов позволила увеличить общее количество выявленных коррупционных преступлений на 14%. «На треть возросло число расследованных фактов коррупции, совершенных в организованных формах. При этом значительные усилия были сконцентрированы на пресечении откатов, хищений бюджетных средств, неправомерного использования государственного и муниципального имущества. Впервые за последние годы размер добровольно возмещенного, а также арестованного имущества превысил суммы ущерба, причиненного актами коррупции» [2].

Вместе с тем не стоит забывать, что обозначенные статистические показатели свидетельствуют не только о состоянии преступности в сфере коррупции, но что более важно – иллюстрируют достигнутые результаты субъектами противодействия данным формам противоправных деяний. Сама же коррупционная преступность обладает свойством повышенной латентности [3, с. 210]. Следовательно, борьба с должностными преступлениями имеет огромное практическое значение для стабильного развития цивилизованного общества, решение данной проблемы определяет важность закрепления института борьбы с преступлениями, совершаемыми чиновниками, в уголовном законе страны, а также характеризуется более строгими санкциями.

Проблеме ответственности за совершение должностных преступлений и их квалификации в отечественной науке уделяется большое внимание. Авторы обращают внимание на необходимость постоянного укрепления государства, развития института ответственности за данные преступления. В этой связи особую роль в системе борьбы с должностными преступлениями играет охрана правоотношений, которые развиваются в сфере судопроизводства по поводу

выполнения его участниками со стороны обвинения обязанности осуществлять уголовное преследование. По мнению В.Н. Боркова, необходимо продумывать и нормативно закреплять конкретные меры упрочения неотвратимости ответственности [1, с. 8]. «Честность чиновничества (не отдельного чиновника!) должна постоянно подкрепляться страхом перед хорошо работающим прокурором», абсолютно справедливо пишет П.С. Яни [6, с. 59].

При определении сущности преступлений рассматриваемой категории следует учитывать, что интересы личности, общества и государства реализуются посредством управленческой деятельности чиновников, принимаемые ими решения должны максимально отражать потребности каждого индивида, нося при этом публичный характер.

Общественные отношения, урегулированные нормами права и регламентирующие деятельность должностных лиц по поддержанию нормального функционирования государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, являются объектом должностных преступлений. В силу своей специфики для реализации возложенных обязанностей государство наделяет должностных лиц специальными расширенными полномочиями. Анализ уголовно-правовых запретов на совершение преступных деяний чиновниками показывает, что они предусматривают ответственность за незаконное использование ими предоставленных полномочий, явный выход за их пределы либо халатное отношение виновных к своим должностным обязанностям. Вместе с тем следует учитывать особенности противоправных деяний со стороны уполномоченных лиц, опираясь на общетеоретическую конструкцию феномена «злоупотребление» [4, с. 93]. Должностное преступление всегда представляет собой нарушение законных интересов субъектов общественных отношений, в противном случае о посягательстве на объект уголовно-правовой охраны говорить нельзя [1, с. 26].

Таким образом, социальная сущность уголовной политики по противодействию должностным преступлениям проявляется в объекте данных противоправных деяний, в понимании и признании единства интересов личности, общества и государства. Деятельность государства по обеспечению прав и свобод граждан становится сущностью этих общественных отношений, проявляемых посредством возложения полномочий на соответствующих лиц в публичной сфере. Существенное нарушение этих прав вы-

ступает в качестве индикатора и определяет соотношение совершенного противоправного деяния к категории должностного преступления. Неправомерное поведение представителей вла-

сти в связи с выполнением ими служебных полномочий противоречит задачам власти, нарушает законные интересы общества в целом и отдельных граждан в частности.

Литература

1. Борков В.Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2010. 272 с.
2. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73338775> (дата обращения: 26.10.2022).
3. Репьев А.Г. Коррупционные риски при установлении в законодательстве правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 208-211.
4. Репьев А.Г. Юридические феномены «злоупотребление» и «дискриминация» в контексте существования правовых преимуществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 86-95.
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 г. Сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 26.10.2022).
6. Яни П.С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 58-59.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА НАРКОИНДУСТРИИ В РЕГИОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.С. Пустовойт

Сибирский юридический институт МВД России

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотиков) является одной из актуальных проблем для всего мирового сообщества на данный момент, поскольку представляет собой не только угрозу государственной (национальной) безопасности, но и ведет к деградации и вымиранию всего человечества нашей планеты [1, с. 77]. Для преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков не существует никаких границ, что указывает на транснациональный характер наркопреступности [4, с. 33].

Для противодействия транснациональной наркопреступности необходима активизация комплексных усилий нескольких государств. Координация в криминологических целях возможна на платформах различных межгосударственных образований. В данном контексте стоит обратить внимание на функционирование такого субъекта (актора), как Организация Договора о коллективной безопасности (далее –

ОДКБ, Организация), являющаяся международной организацией, в которую входят шесть государств-членов (республики Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Российская Федерация). Стоит согласиться с мнением П.В. Тепляшина о том, что «ОДКБ зарекомендовала себя как стабильно развивающаяся региональная международная организация, изучение опыта работы которой свидетельствует об успешном противодействии всем криминальным угрозам как реального, так и потенциального характера» [5, с. 1].

Как известно, для государств – членов ОДКБ серьезную угрозу представляют: во-первых, масштабное культивирование наркосодержащих растений на территории Исламской Республики Афганистан; во-вторых, производство опиатов в Афганистане и за его пределами; в-третьих, рост оборота синтетических наркотиков (а также увеличение производства синтетических наркотиков на территории Афганиста-

на). Однако кроме этого, одним из факторов, влияющих на наркоситуацию, является наличие собственной сырьевой базы наркотиков на территории Организации. И согласно Антинаркотической Стратегии государств – членов ОБКД на 2021-2025 гг. одной из ее основных задач является «ликвидация сырьевой базы незаконного наркопроизводства» [3].

Раскрывая криминологический аспект, нельзя не согласиться с мнением П.В. Тепляшина, который механизм наркоиндустрии разделил на 4 основных группы факторов, посредством которых анализируются экономические, социокультурные и технологические аспекты наркоугрозы [6, с. 2]: во-первых, на наркопроизводство. Доля опиатов, производимых на территории Афганистана, является наибольшей во всем мире. Статистика показывает, что за 2022 г. производство опиума на территории Афганистана составило 6,2 тонн, 2021 г. – 6,8 тонн, 2020 г. – 6,3 тонн, за 2018 и 2019 гг. – 6,4 тыс. тонн [8]. Из-за засухи урожайность снизилась с 38,5 кг с гектара (кг/га) в 2021 г. до примерно 26,7 кг/га в 2022 г., в результате чего урожай снизился. Однако стоит заметить, что площадь посевов мака в 2022 г. увеличилась на 32% по сравнению с предыдущим годом и составила 233 тыс. гектаров (2021 г. – 177 тыс. гектаров, в 2020 г. – 224 тыс. гектаров). В апреле 2022 г. был объявлен запрет на выращивание мака, и это привело к тому, что цены на опиум и доход от наркоторговли выросли более чем в 3 раза. Стоит заметить, что смена афганской власти пока что не прервала незаконный оборот наркотиков.

Существует точка зрения, что от четверти до трети афганского опиума и героина перевозится по так называемому «Северному маршруту», ряду маршрутов, проходящих через Таджикистан и Киргизию или через Узбекистан и Туркменистан в Казахстан, Россию и Европу [10, с. 3].

Во-вторых, наркобизнес, с помощью которого реализуется отлаженная индустрия производства и распространения наркотиков с получением сверхдоходов. Урожай опийного мака в Афганистане в 2022 г. является самым прибыльным за многие годы, доходы афганских фермеров от продажи опия **выросли более чем втрое – с 425 млн долларов в 2021 г. до 1,4 млрд долларов в 2022 г.** [9].

В-третьих, на социальную наркотизацию (социальную пораженность наркотиками), функционально тесно связанную со все еще высоким спросом на наркотики и смертностью от их употребления, недостаточно эффективной

системой реабилитации и ресоциализации наркопотребителей. Естественно, социальный спрос на наркотики рождает их предложение, которое, в свою очередь, формирует наркорынок. Стоит заметить, что во всех государствах – членах ОДКБ наблюдается тенденция к снижению количества наркозависимых, однако цифра остается высокой, что оказывает негативное влияние на повседневную жизнь граждан, т.к. эти социальные недуги приводят к обострению других болезней общества [10, с. 3].

В-четвертых, криминальная наркотехнология, формирующаяся под воздействием потребностей расширения и укрепления наркоиндустрии, направленная на противодействие внешним угрозам наркопроизводству и наркобизнесу, на формирование транснациональной наркопреступности, наркотранзита. Уже современной тенденцией стало увеличение доли синтетических наркотиков, и, согласно статистике, в 2021 г. на территории Республики Беларусь была выявлена деятельность 4 подпольных лабораторий (2020 г. – 3). В Республике Казахстан ликвидирована деятельность 17 нарколабораторий (2020 г. – 8). В Киргизской Республике в ходе совместных оперативных разработок с правоохранительными органами Российской Федерации пресечена деятельность 3 подпольных нарколабораторий, из них 2 – по производству наркотических средств каннабисной группы и 1 – по производству синтетических наркотиков. В Российской Федерации ликвидировано 215 подпольных лабораторий. В остальных государствах-членах нарколабораторий не выявлено [2, с. 4].

Кроме того, за 20 лет Афганистан стал крупнейшей «метамфетаминной лабораторией». И с каждым годом количество нарколабораторий увеличивается, поскольку экономический кризис в стране вынуждает афганцев работать в данной сфере. Подавляющее большинство производимого метамфетамина идет на экспорт, но все большее число афганцев выбирают его в качестве наркотика [7]. Внезапный бум производства метамфетамина произошел после того, как наркоторговцы обнаружили потенциальную выгоду в местном растении под названием эфедра, известном здесь как ом, которое произрастает в диком виде и является естественным источником ключевого ингредиента наркотика. Ом растет свободно и требует только низкооплачиваемых рабочих, способных собирать данное растение.

Таким образом, криминологический анализ показывает, что существующая наркоиндустрия в регионе ответственности государств – членов

ОДКБ делится на 4 основных группы факторов: 1) наркопроизводство; 2) наркобизнес; 3) социальную наркотизацию; 4) криминальную наркотехнологию, которые оказывают пагубное влия-

ние на человека, общество и государство и требуют совместных усилий государств по ее противодействию.

Литература

1. Криминология: Общая и Особенная части: курс лекций / Р.М. Абызов, К.Р. Абызов, И.В. Ботвин [и др.]. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2020. 262 с.
2. Наркоситуация в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности: криминологические показатели и тенденции: аналитический обзор [сокращенная версия] / сост. П.В. Тепляшин, Н.Н. Цуканов, М.Г. Мелихов [и др.]. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
3. Об Антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы: решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5588> (дата обращения: 29.03.2023).
4. Преступления против личности и собственности: проблемы толкования и квалификации / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, Л.Я. Тарасова [и др.]. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2020. 64 с.
5. Тепляшин П.В. Криминологические вызовы, стоящие перед Организацией Договора о коллективной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXV междунар. науч.-практ. конф-ции (7-8 апреля 2022 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Ч. 1. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 10-13.
6. Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. № 10 (131). 2017. С. 147-157.
7. Торговля наркотиками, которая сейчас процветает в Афганистане: метамфетамин. URL: https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2022/afghanistan-meth-opium-drug-industry/?itid=hp_world (дата обращения: 29.03.2023).
8. УНП ООН: производство опиума в Афганистане увеличилось на 8 процентов. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 29.03.2023).
9. Afghanistan: Opium cultivation up nearly a third, warns UNODC. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 29.03.2023).
10. Mariya Y. Omelicheva & Lawrence Markowitz (2019) Does Drug Trafficking Impact Terrorism? // Afghan Opioids and Terrorist Violence in Central Asia, Studies in Conflict & Terrorism. V. 42. I. 12. P. 1021-1043.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДДЕЛКУ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

М.С. Титеев

Барнаульский юридический институт МВД России

Именно разнообразие национальных уголовных норм позволяет нам осуществить сравнительно-правовой анализ, результаты которого не только наглядно продемонстрируют сходства и различия в интересующих нас аспектах законодательства об уголовной ответственности за подделку или уничтожение идентификационно-

го номера транспортного средства, но и, что важнее, позволят установить положительные и отрицательные стороны отечественного уголовного закона.

Кроме того, изучение зарубежного уголовного законодательства наглядным образом может исследовать причины и условия, влияю-

щие на рост или, наоборот, снижение преступлений с данным составом. Ведь экономический фактор, закономерности развития общественных отношений, национальной культуры, социальных институтов, духовных ценностей, моральных норм, стереотипы и образцы межличностного, межгруппового поведения будут являться показателем наличия/отсутствия уголовной ответственности за подделку или уничтожение регистрационно-учётных агрегатов транспортного средства.

Внешнеполитическая обстановка повлияла на внутренний рынок производства автомобилей, из-за этого многие зарубежные производители оставили свои заводы в России, вследствие чего продажи таких транспортных средств резко упали. В процессе исследования была взята во внимание структура импорта России за 2022 г. По данным Федеральной таможенной службы России, наибольший удельный вес приходится на транспортные средства из стран дальнего зарубежья и Содружества Независимых Государств [3]. Во многом это обусловлено разными экономическими и правовыми вопросами взаимодействия. Вместе с тем ввоз транспортных средств из этих стран на территорию Российской Федерации увеличивается с каждым годом, что влияет на усложнение криминологической обстановки в сфере установленного порядка государственного учёта регистрации транспортных средств.

Проведенный анализ уголовного законодательства ряда стран, которые ранее входили в состав СССР, таких как Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, представляют для нас особый интерес, т.к. уголовная ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера отсутствует.

Весьма полезными оказались исследования А.А. Суворова, который провел анализ 20 источников уголовного законодательства некоторых стран дальнего зарубежья и Европейского союза, в результате чего им было установлено, что в таких странах, как Австралия, Испания, Польша, Швеция, Швейцария, Франция, Норвегия, Голландия и др., законодатель отдельно не выделяет ответственность за анализируемое деяние. Санкции в отношении лиц, осуществивших фальсификацию номерных агрегатов автомобиля, будут считаться незаконными, т.к. их действия имеют производный или составляющий характер иных деяний, таких как хищение или мошенничество [4]. Ранее нами упоминалось, что подделка и уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя не относится к составам имущественных

преступлений, основываясь на отечественной судебной практике и действующих нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5]. По нашему мнению, позиции указанных авторов заслуживают уважения, но, как правило, непризнание преступного посягательства, наносящего ущерб общественным отношениям, приведёт к нарушению работы органов власти и безнаказанности виновных лиц.

Законодатель Киргизской Республики рассматриваемое преступление излагает в редакции ст. 380 УК следующим образом – «подделка или уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси, транспортного средства». Вопрос о подделке государственного номера транспортного средства остаётся открытым. Исходя из данной нормы, уголовная ответственность наступает за сам факт изменения идентификационной маркировки транспортного средства, что позволяет выделять деяние в отдельный состав. На наш взгляд, главной проблемой будет являться сложность в привлечении лица, которое сбывает транспортное средство с «перебитыми» регистрационно-учётными номерами, ведь упоминание об этом в нормативно-правовых актах Киргизии отсутствует [6]. Возможно, акцент был сделан на ст. 196 Кодекса Киргизской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128, где под «эксплуатацией» подразумевалось не буквальное значение слова, но еще и сбыт [2].

Китай по итогам 2022 г. занял лидирующее место среди стран-импортёров легковых автомобилей в Россию, превысив 117 тыс. единиц [1]. В уголовном законодательстве Китайской Народной Республики отсутствует упоминание о каких-либо криминальных действиях в отношении идентификационной маркировки транспортного средства, хотя всевозможным видам фальсификации, подделки, уничтожения в совокупности посвящено порядка 15 статей. Придерживаясь данного положения, мы можем только отметить, что общество в данной стране находится на высокой ступени развития и экономическая составляющая населения имеет устойчивое положение.

С целью преодоления недостатков понятийного аппарата в УК РФ по исследуемой тематике хотим обратиться к ст. 276 УК Республики Молдова, где норма изложена следующим образом – «фальсификация серии или идентификационного номера шасси, кузова или двигателя автотранспортного средства путём их стирания, замены или изменения». Используемые в уголовной норме слова «фальсификация», «стирание», «замена», «изменение» более детально

раскрывают факт криминального изменения номерных агрегатов транспортного средства [7]. Данный положительный опыт следовало бы перенять отечественному законодателю.

Результаты проведенного нами анализа зарубежного уголовного законодательства, закрепляющего ответственность за подделку и уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя транспортного

средства, позволят отразить положительный опыт в отечественных нормативно-правовых актах. Вместе с тем наличие дефиниций, определяющих разные противоправные деяния, входящие в состав преступления, используемые в статье, способствуют четкому установлению пределов криминализации и расширения перечня квалифицированных составов.

Литература

1. Китай стал лидером по импорту новых легковых автомобилей в Россию в 2022 году. URL: <https://customs.gov.ru/press-o-nas/document/377339> (дата обращения: 03.02.2023).
2. Кодекс Киргизской Республики о правонарушениях от 28.10.2021 № 128 (ред. от 15.02.2023). URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164 (дата обращения: 03.02.2023).
3. Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации // ФТС: данные об экспорте-импорте России за январь 2022 г. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/306947> (дата обращения: 03.02.2023).
4. Суворов А.А. Ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства по уголовному законодательству зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 185-191.
5. Титеев М.С. О проблемах, связанных с привлечением к уголовной ответственности по статье 326 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 20-й междунар. науч.-практ. конф-ции. В 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 59-61.
6. Уголовный кодекс Киргизской Республики от 28.10.2021 № 127 (ред. от 09.08.2022). URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=346821388 (дата обращения: 03.02.2023).
7. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (ред. от 02.02.2023). URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 03.02.2023).

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Е.А. Федорова

Барнаульский юридический институт МВД России

Безусловно, любые изменения в уголовном законодательстве неизменно направлены на гармоничное развитие страны, максимальную защиту прав и свобод граждан. В этой же связи шире используется административная преюдиция в уголовном праве, и, как следствие, растет интерес к ней со стороны ведущих ученых и увеличивается количество теоретических и прикладных исследований.

Исследование административной преюдиции обязательно предполагает анализ преступлений, ее включающих, в т.ч. с точки зрения субъекта преступного деяния.

По мнению А.В. Богданова, в преступлениях с административной преюдицией наличествует специальный субъект – «лицо, подвергнутое судом административному наказанию за совершение административного правонарушения, которое является аналогичным, тождественным либо однородным по отношению к административному правонарушению, признаки которого содержатся в повторном деянии» [1, с. 15].

Таким образом, признаком, характеризующим специальный субъект, является административная наказанность лица, повторно совер-

шившего административное правонарушение. Такой правонарушитель демонстрирует прогрессирующую антисоциальную направленность и повышенную общественную опасность своих действий, а также, будучи предупрежденным об уголовно-правовых последствиях, осознает преступный характер деяния.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. также отмечается: «Совершение подвергнутым административному наказанию лицом однородного или, более того, аналогичного правонарушения свидетельствует, что примененные к нему меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а потому отнесение повторности (неоднократности) административных правонарушений к основаниям криминализации соответствующих деяний не лишено разумной целесообразности» [2].

В этой связи, по мнению П.Д. Фризеня, «конструкция административной преюдиции предполагает не количественно-качественный переход, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или преступление» [4, с. 29].

Следовательно, статус такого субъекта преступления определяет степень его антисоциальной направленности.

С учетом этого данный статус субъекта является основополагающим признаком и коренным условием разграничения смежных составов. Причиной привлечения к ответственности является противоправное деяние, однако в каждом случае ответственности подлежит определенная конкретная личность, и ее индивидуальные особенности следует учитывать в целях индивидуализации и дифференциации наказания.

В теории уголовного права нет единой классификации специальных субъектов преступления.

В этой связи наиболее обстоятельной и детализированной является классификация, предложенная С.А. Семеновым, согласно которой выделяют группы специальных субъектов, объединенные: 1) по физическим свойствам, 2) родственными отношениям, 3) должностному

положению; 4) наличию ответственности за соблюдение правил безопасности, 5) гражданству, 6) участию в судебном процессе, 7) отношению к воинской службе [3, с. 16].

А.В. Богданов предлагает дополнить данную классификацию восьмой группой – лицами, подвергнутыми административному наказанию [1, с. 58-59].

Проведенный нами анализ действующих норм УК РФ с административной преюдицией позволяет сделать вывод, что классификацию специальных субъектов таких преступлений можно дополнить следующими основаниями:

1. По количеству привлечений лица к административной ответственности:

- лица, подвергнутые административному наказанию один раз в течение срока, установленного статьей Особенной части УК РФ;

- лица, подвергнутые административному наказанию дважды в течение срока, установленного статьей Особенной части УК РФ;

- лица, подвергнутые административному наказанию более двух раз в течение срока, установленного статьей Особенной части УК РФ.

2. По наличию дополнительных признаков, помимо административной наказанности:

- лица, подвергнутые административному наказанию и находящиеся в состоянии опьянения;

- лица, подвергнутые административному наказанию и лишены права управления транспортным средством;

- лица, подвергнутые административному наказанию, в отношении которых установлен административный надзор;

- лица, подвергнутые административному наказанию и признанные выполняющими функции иностранного агента.

С учетом сказанного полагаем, что предложенная классификация специальных субъектов преступлений с административной преюдицией способна помочь правоприменительным органам более точно оценивать и квалифицировать противоправные деяния и, соответственно, назначать справедливые наказания виновным.

Литература

1. Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 251 с.
2. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 24 с.

4. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 300 УК РФ

Е.С. Щербинин

Барнаульский юридический институт МВД России

Желание сотрудника правоохранительных органов скрыть каким-либо образом совершенное правонарушение или освободить от ответственности лицо, его совершившее, несет в себе целый ряд негативных последствий. Данное деяние влечет за собой существенное нарушение охраняемых законом интересов общества, государства и правоохранительных органов, дискредитирует их и подрывает авторитет. Пропадает доверие населения к действиям сотрудников правоохранительных органов, в частности к решению задач по оперативному и качественному расследованию преступлений. Противодействие незаконному освобождению от уголовной ответственности виновных является одной из первоочередных задач правосудия.

Статья 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности» прямо указывает на замысел законодателя, заключающийся в попытке пресечь данные деяния. Однако, к сожалению, анализируя судебную статистику, можно сказать о том, что данная норма применяется довольно редко. Так, в период с 2018 г. по первое полугодие 2022 г. за рассматриваемый вид преступления осуждено всего 14 человек [4]. В свою очередь, в правоохранительных органах ежегодно аккумулируется массивный объем сведений о незаконных действиях субъектов уголовного преследования. Об этом свидетельствуют тысячи отмененных в рамках прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля незаконных актов уголовного судопроизводства, в т.ч. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и т.п. Далеко не во всех постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного преследования отсутствует заинтересованность исполнителя. Последняя может быть обусловлена как корист-

ным умыслом, так и отсутствием желания проводить предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством объем следственных действий, стремлением избежать дисциплинарной ответственности за нарушение процессуальных сроков, желанием уменьшить свой объем работы и т.п. Такие преступления продолжают оставаться высоколатентными, что в значительной степени связано с несовершенством правового регулирования ответственности за них.

Конструкция ст. 300 УК РФ предполагает незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемого или обвиняемого. Данное положение обязывает применять норму только за деяния, произошедшие после возбуждения уголовного дела, и при наличии в деле таких участников уголовного судопроизводства, как подозреваемый или обвиняемый. Однако важно понимать, что фактическое освобождение лица от уголовной ответственности может быть обеспечено и на более ранних стадиях уголовного судопроизводства, например, при незаконном сокрытии сообщения о преступлении от регистрации, фальсификации материалов предварительной проверки сообщения о преступлении, фальсификации материалов уголовного дела еще до приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. Все перечисленные действия сотрудников правоохранительных органов также могут повлечь незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, но при этом не повлекут за собой ответственности должностного лица по ст. 300 УК РФ. Такие действия в зависимости от характеристики объективной стороны могут быть квалифицированы по ст. 285, 286, 292, 303 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что действия должностного лица, которое на

основании сфальсифицированных им доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ и ст. 299 либо ст. 300 УК РФ [3, с. 6]. При этом судом не дается дополнительных разъяснений относительно применения ст. 300 УК РФ. Ввиду этого можно сделать вывод о том, что незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, в результате которого лицо избежало уголовной ответственности, по ст. 300 УК РФ квалифицирован не будет. Однако формально последствия будут одинаковы, только решение, повлекшее незаконное освобождение от ответственности, принято на более ранней стадии уголовного судопроизводства.

Кроме того, в контексте незаконного освобождения от уголовной ответственности важно обратить внимание на уголовную ответственность должностных лиц за фальсификацию материалов предварительной проверки данных, полученных при проверке сообщения о преступлении. Статья 303 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за фальсификацию материалов уголовного дела, а также результатов оперативно-розыскной деятельности. Очевидно, что законодатель, несмотря на наличие ст. 292 УК РФ (служебный подлог), выделяя фальсификацию в специальной статье главы, предусматривающей преступления против правосудия, стремился подчеркнуть общественную опасность данных преступлений и конкретизировать уголовную ответственность за их совершение. Вместе с тем фальсификация доказательств, полученных на этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях, осталась вне поля регламентации преступлений против правосудия и при наличии признаков состава преступления служебного подлога может быть квалифицирована по ст. 292 УК РФ. Однако, на наш взгляд, учитывая характеристику объекта данного преступного посягательства, было бы логичнее ее установить в главе преступлений против правосудия.

Таким образом, толкуя положения ст. 300 УК РФ, следуя букве закона, мы можем говорить о том, что рассматриваемая норма предусматривает ответственность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу, за принятие заведомо незаконного решения об освобождении подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответ-

ственности, облеченного в форму постановления. При этом субъектом преступления в данном случае могут выступать только должностные лица правоохранительных органов, на которых законом возложены полномочия по осуществлению предварительного расследования, и в зависимости от подследственности ими могут быть следователи и дознаватели. Также сама диспозиция ст. 300 УК РФ в качестве субъекта указанного преступления включает прокурора.

Из вышесказанного следует, что действие ст. 300 УК РФ очень ограничено. Указанные в диспозиции ст. 300 УК РФ субъекты преступления – прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, – не охватывают весь круг субъектов, которые, по нашему мнению, могут незаконно освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности.

Как мы уже отмечали выше, в широком понимании незаконное освобождение от уголовной ответственности может произойти еще с момента регистрации сообщения о преступлении. Полагаем, что данное противоречие возникает ввиду изначальной неопределенности формулировки «уголовное преследование» в правовой науке и несогласованности процессуально-правовых рамок данной деятельности и фактического воздействия деятельности правоохранительных органов на общественные отношения в целом и конкретное лицо в частности.

На наш взгляд, с целью реализации замысла законодателя о защите интересов правосудия и воспрепятствования незаконному освобождению от уголовной ответственности виновных лиц необходимо расширение действий рассматриваемой нормы. Решение данной проблемы рассматривается многими учеными. Так, Н.А. Будяков предлагает изложить ст. 300 УК РФ в следующем виде: «заведомо незаконный отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела в отношении конкретного лица, а равно заведомо незаконное освобождение от уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого без прекращения уголовного дела» [2, с. 173].

А.М. Байрамкулов считает, что необходимо расширить норму и представить ее как «заведомо незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, совершенный сотрудником правоохранительного органа, либо фальсификация данных, полученных при проверке сообщения (заявления) о преступлении, с целью его укрытия, а равно заведомо незаконное прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого» [1].

Позиция А.М. Байрамкулова, по нашему мнению, является наиболее широкой и охватывающей идею законодателя в целях борьбы с воспрепятствованием осуществлению правосудия. Ее действие начинается с момента осуществления проверки по сообщению о преступлении, а также распространяется на фальсификацию данных, полученных при проверке сообщения о преступлении.

Однако, полагаем, целесообразнее фальсификацию данных, полученных при проверке сообщения о преступлении, отнести все же к ст. 303 УК РФ и изложить часть вторую указан-

ной статьи в следующей редакции: «фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником, а равно фальсификация данных, полученных при проверке сообщения о преступлении, лицом осуществляющим проверку, прокурором или защитником». В свою очередь, диспозицию ст. 300 УК РФ представить как «заведомо незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, а равно заведомо незаконное прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого».

Литература

1. Байрамкулов А.М. Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за деяния, связанные с уклонением от регистрации преступлений (ст. 300 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 170-174.

2. Будяков Н.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК): теоретические аспекты, проблемы законодательного описания их составов и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 201 с.

3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018-2022 гг. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.02.2023).

ЛАТЕНТНОСТЬ ТЯЖКИХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОСЧЕТЫ В ПРОВЕДЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ

Я.С. Яхонтова

Барнаульский юридический институт МВД России

Человеческое общество – это сложная, постоянно развивающаяся, самовоспроизводящаяся система, дальнейшее существование которой напрямую зависит от ее способности дать жизнь и вырастить новое поколение. Одной из центральных задач современного общества является воспитание и обеспечение безопасности подрастающего поколения. В настоящее время в России защита прав ребенка – это одна из приоритетных задач государства, на решение которой направлена деятельность участкового уполномоченного полиции (далее – УУП).

Особую обеспокоенность в этой связи вызывают показатели существующей статистики. Обратимся к официальным данным МВД России. Так, в течение 2021 г. зарегистрировано 2 004 404 преступлений. Количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, составило 103 335, их удельный вес в общем числе всех зарегистрированных преступлений – 5,2%.

Проведенный анализ государственной статистики за 2021 г. показал, что было совершено 10 203 особо тяжких преступления, посягающих на половую свободу и половую неприкосновен-

ность несовершеннолетних, их удельный вес в общей массе всех преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, составил 9,8%.

По итогам 2022 г. было зарегистрировано 1 966 795 преступлений, удельный вес всех преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, остался на прежнем уровне – 5,2%. Всего было зарегистрировано 103 185 преступлений указанной категории, из которых 1876 – изнасилования и покушения на изнасилования и 6693 факта совершения насильственных действий сексуального характера. По итогам 2022 г. было учтено совершение 8596 особо тяжких преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, удельный вес во всей массе преступлений, совершенных против несовершеннолетних, составил 8,3%, снизившись на 1,5% в сравнении с предыдущим годом, что в абсолютных цифрах составило 1634 преступления. Несмотря на снижение количества преступлений указанной категории, их удельный вес остается весьма существенным.

В свою очередь, согласно официальной информации, предоставленной Генеральной прокуратурой Российской Федерации, рост количества преступлений сексуального характера в отношении детей за 12 лет составил 44% (с 9524 в 2010 г. до 16887 в 2021 г.), при этом более 50% таких преступлений совершаются знакомым ребенку лицом, каждое пятое – членами семьи, 11% – родителями (законными представителями), 25% сексуальных надругательств совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения и лицами, страдающими психическими заболеваниями [8].

Однако трудно говорить о том, что официальная статистика отражает реальное положение дел. В обоснование данного утверждения приведем результаты исследования уровня латентной преступности, проведенного авторами В.Е. Квашиш и Н.В. Генрих, опубликованного в 2017 г., согласно которым общее число преступлений, совершенных в России, по итогам 2015 г. составляло не менее 11-12 млн, в то время как официальная статистика составила 2,4 млн зарегистрированных преступлений, что в 4,5 раза меньше [4]. До настоящего времени для науки остается актуальным вопрос разработки методов точного учета латентных преступлений и оценки реального уровня латентной преступности, в связи с чем следует отметить, что «знания о латентной преступности носят вероятностный характер» [3].

Преступность в отношении несовершеннолетних, как часть преступности в целом, безусловно, имеет свою «теневую» часть. Помимо общих факторов, влияющих на уровень латентности всей преступности, латентность преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, как показывает анализ литературы и правоприменительной практики, обусловлена также рядом объективных специфических причин:

- возраст, физическое состояние и недостаточность жизненного опыта лиц, подвергающихся насилию, которые не позволяют им осознать факт совершения в отношении них преступных действий, что, в свою очередь, часто обуславливает продолжительность его совершения [5];

- в 20% случаев преступления совершаются внутри семьи, вследствие чего лицо, подвергающееся насилию, либо не знает, к кому обратиться и искать помощи, поскольку опасается за наступление еще более тяжких для себя последствий, либо обращается за помощью к близким родственникам, но в силу ряда причин данные факты остаются неизвестны правоохранительным органам (потерпевшему не верят либо не желают обнародовать указанный факт, находясь в финансовом или ином зависимом положении от насильника, боясь осуждения со стороны общества);

- жертва подвергается угрозам причинения ей или ее близким вреда в случае обнародования случившегося с ней факта насилия;

- семейное неблагополучие, вследствие которого несовершеннолетнее лицо остается без должного контроля, в т.ч. сбегает из дома;

- несовершеннолетнее или малолетнее лицо испытывает стыд за факт насилия, который был над ним совершен, и никому об этом не сообщает;

- малая информированность несовершеннолетних и их законных представителей о существовании специализированных горячих линий поддержки несовершеннолетних лиц, подвергшихся сексуальному насилию (например горячая линия «Сдай педофила!», которая проводит консультационную помощь и взаимодействует с правоохранительными органами по всем фактам обращения [6]);

- просчеты в профилактике насильственных преступлений сексуального характера в отношении лиц, склонных к совершению указанного вида преступлений, со стороны правоохранительных органов.

Последнее приводит к наиболее резонансным преступлениям с тяжкими последствиями.

Примером может служить ряд преступлений, совершенных лицами, состоящими под административным надзором в связи с совершением ими ранее преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

6 сентября 2021 в г. Киселевске Кемеровской области состоящий под административным надзором Пестернеков В. совершил преступления, предусмотренные п. «а», «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 5 ст. 131 УК РФ, ч. 5 ст. 132 УК РФ, ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, за которые был осужден приговором Кемеровского областного суда от 14.09.2022 к пожизненному лишению свободы [7].

После произошедшего преступления СКР возбудил еще одно дело – по факту халатности. Подозреваемыми по нему проходят инспектор по осуществлению административного надзора и начальник ОУУП и ПДН отделения МВД по городу Мыски. По версии следствия, они не проводили должный надзор за Пестерниковым после его освобождения [2].

Не менее резонансный случай произошел 04.01.2022 в г. Костроме Костромской области, где ранее судимый за преступления против половой свободы и неприкосновенности Герасимов Д. совместно с Беляковым В. совершили изнасилование, насильственные действия сексуального характера, причинение тяжкого вреда здоровью и убийство малолетней, за что 1 июля 2022 г. были приговорены Костромским областным судом к пожизненному лишению свободы [9].

В результате проведенной проверки сотрудниками прокуратуры были выявлены нарушения в действиях должностных лиц органов внутренних дел, осуществлявших административный надзор за Д. Герасимовым. По результатам проведенной проверки следователи регионального СУ СКР возбудили уголовное дело по статье «Халатность» [11].

Актуальность рассматриваемой темы подчеркнул в своем выступлении и глава СК РФ А.И. Бастрыкин, который заявил, что «нужен очень жесткий постоянный мониторинг лиц, которые вышли из мест лишения свободы после первого совершения преступлений, связанных с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Контроль за такими лицами не должен заключаться лишь в периодичной явке в органы внутренних дел. И формализм здесь недопустим» [1].

Однако, несмотря на существующие на практике просчеты в реализации административного надзора, следует обратить внимание и на определенные несовершенства, допущенные, на наш взгляд, законодателем при регламентации действий сотрудников ОВД. Так, ст. 4 ФЗ № 64 от 06.04.2011 [10] предусматривает список из пяти ограничений, возложение которых возможно в рамках административного надзора, однако отсутствует возможность наложения в отношении указанной категории лиц таких обязанностей, как принудительное лечение от алкоголизма, наркомании, педофилии при наличии медицинских показаний. Также на практике остается весьма проблематичной реализация такого ограничения, как запрет на нахождение в определенных местах для рассматриваемой категории лиц. К таким местам, как правило, относят территории школьных и дошкольных образовательных учреждений, однако остается не до конца понятным, как эффективно контролировать осуществление указанного ограничения поднадзорным лицом, если сотрудник не имеет права разглашать их персональные данные.

Исходя из вышеизложенного, полагаем целесообразным рассмотреть возможность совершенствования законодательной регламентации такого эффективного инструмента профилактики, как административный надзор УУП, а именно предусмотреть возможность наложения обязанностей в виде принудительного лечения от алкоголизма, наркомании или педофилии при наличии медицинских показаний. Разработать методические рекомендации практического осуществления закрепленных в ст. 4 ФЗ № 64 от 06.04.2011 ограничений, устанавливаемых в отношении лиц, состоящих под административным надзором. С целью сокращения латентности тяжких насильственных преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних совместно с Министерством образования и Министерством здравоохранения разработать и внедрить на практике проведение ежегодного массового тестирования обучающихся на выявление маркеров, свидетельствующих о пережитом сексуальном насилии. Данные меры позволят сократить латентность преступлений рассматриваемого вида, а также повысят эффективность использования административного надзора УУП как действенного инструмента профилактики.

Литература

1. Бастрыкин заявил о недопустимости формализма в контроле за педофилами. URL: <https://ria.ru/20220113/bastrykin-1767603488.html> (дата обращения: 01.04.2023).
2. В Кузбассе вынесли приговор убийце двух киселевских девочек: онлайн из зала суда. URL: <https://ngs42.ru/text/criminal/2022/09/14/71651057/> (дата обращения: 01.04.2023).
3. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/latentnaya-prestupnost-kak-obekt-issledovaniya> (дата обращения: 31.03.2023).
4. Квашиш В.Е., Генрих Н.В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник КПУ МВД России. 2017. № 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-latentnoy-prestupnosti-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah-problemy-metodologii-i-metodiki> (дата обращения: 21.03.2023).
5. Кирюхин А.Б., Шмарион П.В. Анализ современного состояния преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых в семье // Вестник ВИ МВД России. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-i-polovoy-svobody-nesovershennoletnih-sovershaemyh-v> (дата обращения: 01.04.2023).
6. Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента. URL: <https://pedofilov.net/ourprojects/hot-line-denounce-pedophile/> (дата обращения: 01.04.2023).
7. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон № 64-ФЗ от 06.04.2011 (ред. от 01.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Официальный сайт Областного Кемеровского суда. URL: https://oblsud-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_/ (дата обращения: 01.04.2023).
9. Протокол заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав № 4 от 07.12.2022. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/5aa955c1ffe036f78ff07d06d81bdbae/download/54> (дата обращения: 21.03.2023).
10. Пытались переложить вину друг на друга: в Костроме вынесли приговор насильникам и убийцам 5-летней девочки. URL: <https://76.ru/text/criminal/2022/07/01/71456138/> (дата обращения: 01.04.2023).
11. Халатность в работе костромских полицейских подтвердила прокурорская проверка. URL: <https://www.kostroma.kp.ru/online/news/4588529/> (дата обращения: 01.04.2023).

СОДЕРЖАНИЕ

Ведущие ученые Барнаульского юридического института МВД России. <i>Абызов Равиль Михайлович. Биография</i>	3
--	---

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Белецкий И.А.</i> Контроль своих вещей потерпевшим как обязательный признак «карманных» краж	11
<i>Ботвин И.В.</i> Проблемы законодательной регламентации и применения норм, содержащихся в ст. 274.2 УК РФ	12
<i>Гура С.С.</i> Организация массовых беспорядков как разновидность групповой преступности	14
<i>Ермакова О.В.</i> Понятие «пытка» в российском и международном законодательстве: сравнительно-правовой аспект	16
<i>Журавлева И.А.</i> Конституционализм как один из принципов современной уголовной политики РФ	18
<i>Кабулов Р.К.</i> Совершенствование системы уголовного наказания и определения его соразмерности с тяжестью преступления	19
<i>Карпов К.Н.</i> Особенности современной криминализации как способа уголовно-правового реагирования	21
<i>Лихолетов А.А.</i> Вопросы дифференциации ответственности за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции	24
<i>Лоос Е.В.</i> Отдельные вопросы квалификации преступлений половой направленности в отношении несовершеннолетних	26
<i>Лупырь М.В.</i> Анализ практики назначения наказания за легализацию денежных средств (ст. 174 ¹ УК РФ)	28
<i>Мальченкова В.В., Мальченков В.В.</i> К вопросу совершения преступления в соучастии	29
<i>Миронова Г.Н.</i> Криминализация нарушений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	32
<i>Николаев К.Д.</i> Обстановка как внешний системообразующий фактор уголовного права	34
<i>Огарь Т.А.</i> Особенности установления момента окончания хищения наркотических средств и психотропных веществ, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья	36
<i>Тыдыкова Н.В.</i> О проблемах квалификации насильственных половых преступлений, повлекших заражение ВИЧ-инфекцией	39
<i>Федоров А.Ф.</i> О влиянии изменений законодательства на профилактику побоев участковыми уполномоченными полиции	42
<i>Чугунов А.А., Власенко Е.Р.</i> Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 356 ¹ УК РФ	44
<i>Шатилова О.А.</i> Изменение судом категории преступления: проблемы правоприменения	46
<i>Шутова Ю.А.</i> О некоторых тенденциях зарубежного опыта криминализации психического насилия в форме навязчивого преследования (сталкинг)	48
<i>Яковлева Л.В.</i> О некоторых вопросах толкования уголовного закона Верховным Судом Российской Федерации и его значении для правоприменительной практики	50

КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Абызов Р.М., Фризен П.Д.</i> К вопросу о причинах преступности в современной России.....	55
<i>Абызов К.Р., Абызова Е.Р.</i> О будущей преступности в России: размышления криминологов	58
<i>Бабурин В.В.</i> Общая характеристика состояния преступности в Омской области за 2022 год.....	60
<i>Виноградова О.П.</i> Правовая природа доказательной информации на электронных носителях.....	62
<i>Гордеева В.Н., Горбатенков Е.С.</i> Цифровая преступность: понятие и особенности	66
<i>Гордеева Е.Н., Дилан П.О.</i> Международное сотрудничество в противодействии цифровой преступности.....	67
<i>Григорьева И.В.</i> Хищения бюджетных средств: личность преступника	69
<i>Детков А.П.</i> Антропологические основы уголовного наказания в виде лишения свободы	71
<i>Заварыкин И.Н.</i> Криминологическая характеристика незаконного оборота наркотиков в странах Организации Договора о коллективной безопасности	74
<i>Максименко А.В., Лащенко Р.А.</i> Специальные криминологические аспекты предупреждения краж, совершаемых несовершеннолетними.....	76
<i>Малетина М.А.</i> Анализ современного состояния рецидивной преступности в Сибирском федеральном округе	79
<i>Тарасова Л.Я.</i> Анализ состояния преступности среди сотрудников органов внутренних дел Алтайского края в 2022 году	81
<i>Тепляшин П.В.</i> Криминологическая характеристика и тенденции преступности несовершеннолетних в Красноярском крае	83
<i>Харламов В.С.</i> Роль участкового уполномоченного полиции в противодействии криминальному насилию в семье.....	86
<i>Шаганова О.М.</i> Анализ преступности несовершеннолетних в Алтайском крае за 2018-2022 гг.	88
<i>Штаб О.Н., Маракулин Д.А.</i> Предупреждение участковыми уполномоченными полиции правонарушений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ.....	89

Трибуна соискателя

<i>Ардзинба М.Д.</i> Объективная сторона преступлений, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ через Интернет	95
<i>Глебова Е.П.</i> Проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.....	96
<i>Дорожнинский А.А.</i> Исполнительная пробация: проблемные вопросы предупреждения повторных преступлений среди осужденных без изоляции от общества.....	98
<i>Зайцев А.Г.</i> К вопросу практического применения нормы об ответственности за принуждение к даче показаний.....	100
<i>Климович Н.В.</i> Применение судебного штрафа по делам о незаконном обороте наркотических средств, предусмотренном ч. 1 ст. 228 УК РФ	102
<i>Медведева В.В.</i> Правовая обусловленность института составного преступления.....	104
<i>Новикова О.В.</i> Уголовная политика по противодействию должностным преступлениям: социальная обусловленность и содержание	106
<i>Пустовойт Е.С.</i> Криминологический анализ механизма наркоиндустрии в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности.....	108

<i>Титеев М.С.</i> Ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства по уголовному законодательству: зарубежный и отечественный опыт применения	110
<i>Федорова Е.А.</i> Специальный субъект в преступлениях с административной преюдицией	112
<i>Щербинин Е.С.</i> К вопросу о юридической квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ	114
<i>Яхонтова Я.С.</i> Латентность тяжких насильственных преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: просчеты в проведении профилактики участковыми уполномоченными полиции.....	116

Научное издание

**Сибирский юридический форум:
современные проблемы науки и практики
в уголовном праве и криминологии**

*Материалы международной
научно-практической конференции*

Редактор Ю.С. Жолобова
Корректурa,
компьютерная верстка М.В. Егерь

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999
Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999

Подписано в печать 30.05.2023. Формат 60x84/8. Ризография.
Усл.п.л. 15,4. Тираж 34 экз. Заказ 190.
Барнаулский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф